

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ,
ПОЛИТОЛОГИИ, ФИЛОСОФИИ
И ИСТОРИИ**

Новосибирск, 2012 г.

УДК 3
ББК 6/8
С69

С69 «Вопросы социологии, политологии, философии и истории»:
материалы международной заочной научно-практической
конференции. (14 ноября 2012 г.) — Новосибирск: Изд.
«СибАК», 2012. — 152 с.

ISBN 978-5-4379-0163-2

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Вопросы социологии, политологии, философии и истории» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

ISBN 978-5-4379-0163-2

ББК 6/8

Рецензенты:

— канд. ист. наук, доцент Прошин Денис Владимирович.

© НП «СибАК», 2012 г.

Оглавление

Секция 1. Политология	7
1.1. Политика в России	7
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ Керимов Александр Алиевич	7
1.2. Мировая политика	14
К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ПАРТНЕРА В РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ Егоров Александр Игоревич	14
1.3. Социология и психология политики	20
СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ Сафонова Анна Сергеевна	20
Секция 2. Социология	29
2.1. Методология и методика социологического исследования	29
ПРИЧИНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Семенова Екатерина Леонидовна Бутакова Дарья Андреевна	29
2.2. Социология международных отношений	34
МОТИВАЦИЯ МОБИЛЬНОСТИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СТРАНАХ СКАНДИНАВИИ (НА ПРИМЕРЕ ШВЕЦИИ) Ермолина Марина Анатольевна	34

Секция 3. Философия	38
3.1. Философия и ее роль в современном обществе	38
ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ Мирошникова Галина Александровна	38
3.2. Динамика современной культуры	45
КУЛЬТУРА СЕГОДНЯ. КРАТКИЙ АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОСТИ Лях Станислав Сергеевич	45
3.3. Социальная философия	52
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ Грызова Ульяна Игоревна	52
РЕЛИГИЯ И СОЦИАЛИЗМ: СХОДСТВА И ПРОТИВОРЕЧИЯ Редкокашина Валерия Валерьевна	56
3.4. Онтология и теория познания	61
ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ АНИМЕ В КОСПЛЕЕ Самойлова Елена Олеговна	61
СЕМИОТИКА РЫНКА И КИБЕРПРОСТРАНСТВО Шаев Юрий Михайлович	66
Секция 4. История	70
4.1. История России	70
К ВОПРОСУ ПОДГОТОВКИ ТАТАРСКИХ УЧИТЕЛЕЙ В КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ МЕДРЕСЕ ДО КОНЦА XIX В. Арсланов Алмаз Мехаметгалиевич	70
РУССКАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ШКОЛА: ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ Валиева Елена Николаевна	75

ВОПРОСЫ ЗЕМСКОГО И ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ВО ВЗГЛЯДАХ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛА XX ВВ. Купченко Константин Владимирович	79
РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ МИРЗАЧУЛЬСКОГО ОАЗИСА И ИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА Мирзаева Назира Джумановна	87
ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЗАЙНАЛАБИДА БАТЫРМУРЗАЕВА Муцалханов Мавлетхан Солтаналиевич	94
МИГРАЦИЯ И РАССЕЛЕНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ 20 ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ) Павлова Анна Владимировна	100
4.2. Всемирная история	105
ПЛАНЫ АННЕКСИИ КАНАДЫ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1861—1865 Г. Киселева Ольга Анатольевна	105
4.3. Книговедение и библиотековедение	111
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ УКРАИНЫ ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ Захарова Наталия Борисовна	111
4.4. Историография, источниковедение и специальные исторические дисциплины	123
ПРОБЛЕМА НАГОРНОГО КАРАБАХА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (80—90 ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ) Зульфугарлы Магеррам Паша оглы	123

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕРМЕНЕВТИКИ Х.-Г. ГАДАМЕРА Лукашевич Александр Анатольевич	127
ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ А.В. ГЕРАСИМОВА Назаров Владилен Викторович	142
ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОНЧАРНЫХ ГОРНОВ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ УКРАИНЫ (ЗА ОПУБЛИКОВАННЫМИ МАТЕРИАЛАМИ И АРХИВНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ КОНЦА XIX—XX ВЕКА) Троцкая Валентина Ивановна	146

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ПОЛИТИКА В РОССИИ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Керимов Александр Алиевич

*канд. полит. наук,
заведующий кафедрой теории и истории политической науки
Уральского федерального университета,
г. Екатеринбург
E-mail: Kerimov68@mail.ru*

Последнее двадцатилетие отечественной истории ознаменовано трансформацией былой социально-экономической и политической системы. И как утверждают власти, Россия сегодня стала демократическим, социальным государством. Однако положение вещей обязывает признать данное утверждение более чем преждевременным и несоответствующим реалиям.

Действительно, Конституцией провозглашены основные права и свободы гражданина, признана частная собственность, декларирован принцип разделения властей, функционирует парламент, вроде бы соблюдаются принципы федерализма (но в усеченном варианте) и еще много чего заимствовано из арсенала подлинных демократий. Формально, даже исходя из вышеперечисленного набора демократических ценностей, Россию можно отнести к демократическим государствам лишь в самом расширительном смысле этого феномена. В то же время нельзя не согласиться с тем, что этот минимум признаков позволяет говорить о наличии институциональных основ демократии в российском обществе.

Конституция РФ 1993 г. заложила основы формирования нового государственного порядка. Государственное строительство, становление системы новых органов власти проходят с участием широких

масс в выборном процессе. Честность и легитимность этих выборов являются темой отдельной работы. Однако отметим, что сформированная на рубеже веков конструкция государственного политического Олимпа имела все более и более чиновничье-олигархический оттенок.

Сегодня считается, и с этим необходимо согласиться, что в России ныне сложилась президентско-парламентская республика с доминирующим положением института президентства. Социально-политическая сущность такой системы выражается в завоевании и закреплении на конституционном уровне обширных президентских полномочий, которые ориентированы на усиление исполнительной власти в ущерб представительной (законодательной) власти. Итогом такой практики стало формирование авторитарного политического режима. Причем процесс формирования, как уже выше отмечено, проходил легитимно в условиях многопартийности, выборности и открытого политического противоборства, идейного плюрализма.

Формирование политического режима с элементами авторитаризма началось с создания так называемых «партий власти». Впервые они приняли участие в выборах 1993 г. и были представлены такими партиями, как ПРЭС и «Выбор России». Их задача была вместе с либеральным «Яблоко» противостоять «антиреформаторским» силам в Думе. Затем «партии власти» стали постоянными участниками избирательного процесса. Каждый раз — новые, поскольку решали «сиюминутные», тактические задачи, и, не имея достаточной укорененности в обществе, а также успев дискредитировать себя как несамостоятельные политические игроки, к следующим выборам сходили на нет. Если все предыдущие выборы решали только вопрос удержания власти, а затем вновь перед правящей элитой появлялась опасность ее потери, и поэтому возникала необходимость конструирования новой «партии власти», то в 1999 г. были заложены основы ее безопасного существования на более длительный срок. И с этой целью опора была сделана на традиционные и новые ценности россиян: государственность, патриотизм, закон, порядок, демократия. Вернув себе образ влиятельной силы, Кремль создал условия для объединения вокруг себя тех сил, которые не имели собственной четкой политической ориентации и сгруппировались вокруг победителя. В результате такая политика оказалась не бесплодной.

Сущность и содержание изменений в политической системе начала 2000-х гг. выражается в реорганизации и усилении властной вертикали, отстранении олигархов от власти, повышении роли государства в социально-экономической сфере, смене приоритетов

в региональной политике, попытке создания независимой судебной системы, реформировании аппарата управления. В это же время президентская власть начала отвоевывать новые позиции в экономике и политике, казалось бы, утраченные навсегда в 90-е гг. При этом, не отказываясь от идеологии либерализма в экономической сфере, государство активнее начинает проводить социальную политику путем перераспределения ресурсов в пользу малообеспеченных слоев общества. После «смуты» 90-х гг., проводимые новой властью политические преобразования стали носить в большей степени авторитарный характер.

Новому государственному порядку необходимы были методы, обеспечивающие оптимальный баланс в саморазвитии общества и государственного регулирования. Как выяснилось, в ходе реформ этот баланс и был найден. Не произошло ни уменьшения, ни увеличения роли государства в обществе, оно в соответствии с реалиями действительности, меняло методы и средства своего воздействия на общество. Но при этом, именно государство оставалось основным фактором, которое обеспечивало относительную стабильность в развитии и придавало устойчивость конструкции общества. В концентрированном виде такая политика была реализована В. Путиным и его окружением.

Однако новая политическая система, ставшая реальностью благодаря В. Путину и его окружению, сегодня вызывает немало дискуссий и сомнений по поводу ее эффективности и перспектив. Эксперты из научного сообщества отмечают излишнюю централизацию системы, ее специфику в принятии государственно важных решений узким кругом лиц, отсутствии прозрачности, внедрении монополизма. Идея укрепления государства, построение властной вертикали обернулись ограничением права народа участвовать в процессах государствообразования и усилением позиций чиновничье-бюрократического аппарата. Многочисленные социологические опросы, интервью, письма, статьи граждан показывают, что в обществе наступает усталость от современной бюрократии, которая вызывает не меньшее раздражение в обществе, чем олигархи в 90-е гг. прошлого столетия. После политической романтики конца 80-х и 90-х гг. в обществе наступила политическая апатия. «Активные и перспективные общественные силы не всегда могут найти себе достойное место в сложившейся политической системе и либо уходят в радикальную оппозицию, либо, что происходит гораздо чаще, вообще перестают связывать свои интересы с политикой. По-прежнему не решена главная проблема сегодняшнего

общества — не преодолен институциональный кризис, отсутствуют эффективно работающие политические, государственные и общественные институты» [1, с. 24]. Произошло смешение старых ценностей с новыми, старых институтов с новыми политическими нормами, которые привели к парадоксальной ситуации, вместо ожидаемой демократизации политической системы, начали преобладать авторитарные тенденции. В этих условиях традиционные демократические институты — представительная власть, политические партии, профсоюзы и др. — оказались бессильными, и попали под влияние исполнительной власти.

В новой конфигурации системы политической власти особняком стоят проблемы развития представительной власти. Сегодняшний российский парламентаризм на фоне сильной президентской власти настолько рационализирован и ограничен в своих полномочиях, что даже его деятельность подчинена интересам усиления исполнительной власти.

Кремлевские круги, ограничивая полномочия парламента, фактически ущемляют права избирателей, тем самым деформируют принцип народовластия. В рамках существующей политической системы роль представительного органа в сфере координации общественных интересов сведена к минимуму. Ограниченность компетенции парламента определена практикой формирования правительства, где ни один министр не несет персональной ответственности перед парламентом, а сам кабинет министров формально является беспартийным. И это означает, что в условиях функционирования беспартийного правительства у политических партий нет шансов для развития, в обществе происходит имитация парламентаризма и демократии. И озвученное В. Путиным мнение о преждевременности формирования правительства на основе парламентского большинства подтверждает суждение о том, что российский парламент как орган представительной власти на современном этапе в большей степени является не самостоятельным органом, а политическим обрамлением президентской власти. Такая незавидная роль российского парламента объясняется затруднениями в его становлении, которые обусловлены слабым развитием институтов гражданского общества и отсутствием зрелой партийной системы.

Партийно-политическая панорама современной России изобилует множеством политических партий. Однако данный факт вовсе не свидетельствует о наличии в обществе реальной многопартийной системы. Большое количество партий отражает не многообразие

социальных интересов, это и не политический плюрализм, свойственный зрелому демократическому обществу. Их множественность выражает неупорядоченность, текучесть и бессистемность политических отношений.

По оценке отечественных политологов, «партиям в России не удалось стать посредником между обществом и властью... Постсоветские партии не сумели стать ни массовыми объединениями..., апеллирующими к определенному социальному слою, ни универсальными партиями избирателей, стремящимися представлять интересы самых широких слоев общества. Складывается система, ориентированная на мобилизацию социальной поддержки представителям элиты, стремящимися институционализировать свое участие в публичной политике через выборы» [2, с. 37—38].

Отечественная партийно-политическая система в отличие от западных аналогов функционирует по-особому, по-русски. Вместо состязательности партий, организаций здесь присутствует, прежде всего, соревнование между исполнительной и законодательной властью, центром и регионами, а также между обладателями денежных мешков. Политически относительно грамотный обыватель накануне выборов всегда становится свидетелем появления очередной «партии власти», призванной выполнять функции опоры властей, политической и экономической элиты. Привлекает внимание факт чередования разных партий, призванных выражать интересы власти, что отражает текучесть симпатий Кремля в 1990-е гг., смену предпочтений в отношении партий-фаворитов (существующих или вновь создаваемых), что зависит, во многом, от благосклонности президента и его ближайшего окружения. Такими партиями были: «Выбор России» и ПРЕС — в 1993 г., «Наш дом — Россия» — в 1995 г., в 1999 г. — межрегиональное движение «Единство», и, наконец, с 2003 г. — «Единая Россия».

Историю отечественного партийного строительства нельзя назвать удачной. Неудавшийся опыт партийного представительства начала XX в., затем длительная советская однопартийность, попытки в 90-е гг. прошлого столетия создать партии нового типа породили недоверие людей ко всему «партийному». Между тем реальная многопартийность является тем инструментом, который гарантирует от общественного «застоя» и неизбежного потом кризиса.

Партийное строительство в современной России проходит таким образом, что зачастую вновь созданные партии оказываются группами, «ориентированными не столько на выполнение типичных функций посредника между государством и гражданским обществом, сколько

на поддержание межэлитных связей» [5, с. 63], не имеющими сколько-нибудь достаточной численности, разветвленной организации и не укореняются на периферии страны. Данная ситуация обусловлена рядом причин и факторов, имеющих как объективный, так и субъективный характер. Во многом специфику партийного строительства определяют личностные качества партийных лидеров и позиция властей. Слабость политических партий, незрелость гражданского общества, отсутствие сложившегося среднего класса в обществе приводят к тому, что в процессе осуществления представительства интересов широких масс происходит подмена интересов. Корпоративные группы давления и лоббирования, располагая немалыми возможностями, обрабатывают массовое сознание, деформируют функционирование избирательной системы, и при этом не несут никакой политической ответственности за свои обещания перед избирателями. Так возникает форма правления, охарактеризованная Г. О'Доннелом как «по самой сути враждебная моделям представительства, обычным для укоренившихся демократий», «дестабилизирующая население, за исключением тех кратких моментов, когда необходимо получить плебисцитарную поддержку» [5, с. 68].

Созданная таким образом форма правления в современной России породила ту политическую ситуацию, которая полностью укладывается в рамках веберовской «плебисцитарной демократии», характеризующаяся отчуждением государственной власти от общества, кризисом доверия к политической элите. В таком случае доминирование интересов властвующих элит, слабое развитие институтов гражданского общества, социальный раскол и нарастающая поляризация общества, слабость политических партий, низкий уровень электорально-правовой культуры, порождающий патерналистский тип политической культуры у абсолютного большинства населения, приводят к тому, что массы высказываются «в пользу лидера, воспринимаемого в качестве национального символа и олицетворяющего упование на защиту порядка и безопасности, обуздание произвола бюрократической власти» [3, с. 126—127].

Современный политический режим в России, по оценке В. Меркеля и А. Круассана, после огромного количества реформ и трансформаций, относится к дефектным демократиям неоллиберального типа, предполагающим нарушение взаимного контроля властей за счет действий в обход парламента или судебной власти [4, с. 15]. Игнорирование исполнительной властью остальных двух — законодательной и судебной — приводит фактически к полному доминированию последней в политике и делает

практически невозможными эффективные решения крупных социальных и экономических проблем в силу отсутствия общественного согласия и общественной поддержки реформ.

Таким образом, сегодня вертикаль власти России, отодвинув демократию, на вооружение берет все большее из арсенала авторитарных режимов. Исходя из того, что реформы, проводимые в интересах исключительно элитных групп, не имеют долгосрочных перспектив, исполнительная власть должна для эффективного представления интересов различных социальных групп в современной политике пойти на реформирование системы политической власти. И мы полагаем, что такое реформирование может выражаться в некотором перераспределении полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти с расширением компетенции парламента. В этом отношении продуктивными представляются меры по наделению парламента правом назначать состава правительства, включая и его председателя, пересмотр конституционной нормы, предусматривающей возможность роспуска Думы в случае выражения ею вотума недоверия Правительству. Полагаем, что вышеперечисленные меры при соответствующей проработке позволили бы взаимно уравновесить законодательную и исполнительную власти, и создали бы условия для становления полноценной партийной системы и институтов гражданского общества, которые, как показывает практика, в демократических обществах являются гарантом стабильного развития общества.

Список литературы:

1. Бызов Л. От кризиса ценностей к кризису институтов // Свободная мысль. — 2008. — №№ 4—5.
2. Галкин А., Красин Ю. Сильная демократия — альтернатива авторитаризму. М.: Ис, 1996. — 189 с.
3. Красин Ю.А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Полис. — 2003. — № 1.
4. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. — 2002. — № 1.
5. Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России // Полис. — 1997. — № 1.

1.2. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ПАРТНЕРА В РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Егоров Александр Игоревич

канд. ист. наук, доцент ДПИ НГТУ,

г. Дзержинск

E-mail: dr.egoroff-al2012@yandex.ru

Противостояние, как ведущая парадигма, определила ключевые тенденции развития международных отношений в XX веке. Первая и Вторая мировые, а также холодная войны способствовали воспитанию общественного сознания в духе нетерпимости к интересам и ценностям противоположной стороны. В биполярную эпоху западные государства, позиционировавшие себя в качестве оплота демократии, оказались затронутыми этим процессом не меньше, чем державы социалистического лагеря. Видение мира в черно-белом изображении позволило не только идентифицировать себя с Востоком или Западом, но и сформировать в общественном мнении устойчивые стереотипы, представлявшие другую сторону в откровенно негативном свете.

Официальная пропаганда активно способствовала нагнетанию чувства страха перед потенциальным противником, создавая мифы об его исконной агрессивности. В этом плане государства-предшественники современных России и Германии — Советский Союз и ФРГ, накопили в послевоенный период серьезный негативный опыт взаимного восприятия.

С момента своего возникновения руководство Федеративной Республики Германии рассматривало СССР в качестве основного потенциального противника, угрожающего самому ее существованию. В 1949 г. первый федеральный канцлер ФРГ К. Аденауэр заявил: «Нашим главным врагом был и остается Советский Союз... Его целью является вовлечение всей Германии в сферу своего влияния и контроля» [4, с. 148]. После начала в 1950 г. войны на Корейском полуострове и обострения международной обстановки Аденауэр выразил опасение, что «если американцы объявят об отсутствии у них интереса к Федеративной Республике, то она — пропала!» [4, с. 247]. Позднее лидер ХСС Ф.-Й. Штраус отмечал: «Решающим мотивом

осуществления политики безопасности ... было всеобщее, повсеместное ощущение угрозы. Боялись нападения русских...» [4, с. 249].

Федеральное правительство на протяжении всего послевоенного периода было вынуждено считаться с тем, что в случае вооруженного конфликта на континенте ФРГ не сможет собственными силами противостоять мощи СССР, на стороне которого находились такие преимущества как: статус державы-победительницы во Второй мировой войне; обладание огромным военным потенциалом, в том числе ядерным оружием; контроль над ситуацией в восточной части бывшей Германии.

Потенциальная угроза со стороны СССР, уязвимость ФРГ в силу особенностей ее геополитического положения (наличия общей границы со странами, оказавшимися в сфере влияния Советского Союза, небольшой глубины территории в направлении Восток-Запад, значительной плотности населения), пребывание на ее территории войск США, Великобритании и Франции, а также идеологическая близость с правящими кругами этих стран — все эти факторы обязывали федеральное правительство проводить политику безопасности, направленную на укрепление своих позиций в военно-политических структурах стран Запада. В свою очередь, власти СССР рассматривали ФРГ в качестве потенциальной реваншистской силы, готовой поставить под вопрос незыблемость политических и территориальных реалий, сложившихся после окончания Второй мировой войны.

Такие обстоятельства способствовали формированию закостенелого образа врага, что оставалось константой политического мышления не только правящих кругов двух стран, но и значительной части их общественности.

В период советской «перестройки» были предприняты попытки преодоления такой ситуации, на что в немалой степени было нацелено новое политическое мышление, провозглашенное лидером страны М.С. Горбачевым. С его помощью реформаторы надеялись по-новому сформировать отношения со странами Запада, в том числе с ФРГ. В ход был пущен тезис о необходимости деидеологизации межгосударственных отношений. Наиболее точно смысл этих слов объяснил политолог Г.Х. Шахназаров, писавший: «На чем же базировалась концепция противостояния двух миров? На идее, что XX век — это революционная эпоха перехода от капитализма к социализму, и что этот конфликт происходит через схватку мирового пролетариата с мировой буржуазией. Конфликт сразу выливается в межгосударственное столкновение, социалистических и капиталистических

государств. Но поскольку основное содержание международных отношений составляет взаимодействие не политических течений и социальных слоев, а государств в буквальном смысле этого слова, постольку принципиально неверно отождествлять отношения между государствами с отношениями между общественно-политическими системами». То, что можно назвать межсистемными отношениями, принадлежит к сфере идеологии, а отношения между государствами вещественны. К тому же Шахназаров указывал на ложность мнения о противоположности двух общественных систем. «И социализму, и капитализму в равной степени присущи такие элементы, как товарное производство в сочетании с планированием экономического процесса, сильное государство, эффективное социальное обеспечение», — полагал он [3, с. 68].

Крах Советского Союза и социалистической системы положил начало переходу международной системы в качественно новое состояние, существенной чертой которого являлся свободный выбор пути своего развития. Реализуя ее, страны Центральной и Восточной Европы взяли курс на вступление в западные союзы (НАТО и ЕС), что в определенной степени привело к размыву четкой идентичности стран Запада. С одной стороны, это создало предпосылки для преодоления взгляда на мир в черно-белом цвете, а с другой — потенциально вело к формированию новых разделительных полос в Европе, где интересы РФ оказывались ущемленными.

На фоне такой перспективы российское восприятие партнеров на континенте, не лишаясь идеологического аспекта, стало все более приобретать прагматичный характер. Возобладало рациональное стремление ориентироваться на сотрудничество, прежде всего с теми державами, которые могли способствовать решению Россией ее многочисленных проблем. В условиях, когда бывшие союзники один за другим отворачивались от РФ, Германия, напротив, проявила желание развивать двусторонние отношения, в том числе предоставляя Москве финансово-экономическую помощь.

Если в предшествующий период «образ врага» в двусторонних отношениях был лишь смягчен, то в постбиполярную эпоху обнаружилось стремление Москвы разрушить этот идеологический стереотип. В этом случае появлялась надежда на более эффективное использование возможностей, открывающихся в связи с российско-германским сближением.

Успех в решающей степени зависел от коренной реконструкции образа Германии и немецкого народа в сознании россиян.

Для этого нужно было действовать системно, достигая поставленной цели путем согласованных действий в нескольких сферах жизни.

Ключевой областью преодоления «образа врага» оставалась идеология, впрочем, тесно связанная с культурой, экономическими и политическими процессами. На ее долю выпала важная миссия — способствовать преодолению чувства страха перед противоположной стороной, а также обеспечить ликвидацию барьера взаимной отчужденности, что до сих пор препятствовало переходу Германии в массовом сознании россиян из списка «чужих» в психологически более комфортную категорию «нейтральных». Предпосылкой такого перехода являлся перенос акцента в восприятии ФРГ на специфику ее положения в центре европейского континента, а потому имеющую немало общего с Россией, которая традиционно выступала в качестве своеобразного моста между двумя континентами.

Исследователь И.А. Петров отмечал: «Граница Восточной и Западной Германии условно проходит по Эльбе. К западу от Эльбы традиционно располагались более индустриально развитые территории, прежде всего рейнско-вестфальско-саарский ареал развития тяжелой промышленности. Общество здесь было более открытым и мобильным, ориентированным на Запад, и преимущественно на Великобританию.

К востоку от Эльбы население было преимущественно аграрным, общество — более закрытым, традиционно-патерналистским, ориентированным на милитаризм и экспансию. Преобладающие здесь аграрно-юнкерские сообщества ориентировались в своих связях прежде всего на Россию» [1, с. 37].

Это обстоятельство позволяло воспринимать ФРГ не как западную державу в чистом виде, чьи ценности, безусловно, чужды российским. К тому же накопленный опыт авторитарного и тоталитарного прошлого, как и успешный опыт его преодоления, позволяли отстроить Германию от стран классической западной демократии.

Дополнительный фактор положительных ассоциаций возник в связи с выдвижением в качестве нового российского лидера В.В. Путина, продолжительное время жившего и работавшего в Восточной Германии, а также хорошо владеющего немецким языком. Этот государственный деятель выражал заинтересованность в налаживании контактов с Германией (например, во время встречи в ноябре 1999 г. с федеральным канцлером ФРГ Г. Шредером), проявлял компетентность в экономических вопросах, где акцентировал внимание на защите права собственности и недопустимости

выхода бюрократического аппарата в своей деятельности за рамки правового поля.

Оптимизма добавляли встречи германских политических деятелей и бизнесменов с В.В. Путиным в пору его пребывания на посту председателя правительства РФ. 12 марта 2000 г., за две недели до президентских выборов в России, представительная делегация Восточного комитета немецкой экономики посетила Москву и имела с Путиным обстоятельную беседу. «Сложилось впечатление, что российский премьер — хорошо информированный лидер, мыслит реалистично и прагматично», — описывал впечатления от встречи член делегации, председатель Комитета К. Мангольд [5].

К тому же в пользу сглаживания острых углов между Россией и Германией работал исторический фактор, а именно многовековой характер двусторонних отношений, в ходе которых стороны неоднократно выступали партнерами при решении острых международных проблем. Став президентом, В.В. Путин акцентировал внимание на этом аспекте, используя знаменательные поводы. Так, накануне празднования 60-летия окончания Великой Отечественной войны Путин подчеркнул: «Нас (Россию и Германию — А.Е.) связывает очень многое», имея в виду прежде всего страницы истории [2].

Вместе с тем глава государства намеренно апеллировал к просвещенной части общества, называя Германию одним из центров европейской цивилизации с богатейшим культурным наследием. Приход нового лидера вызывал надежды на интеграцию в европейские структуры, а ФРГ воспринималась в качестве силы, способной оказать поддержку в решении этой проблемы. 25 сентября 2001 г., произнося речь перед депутатами германского бундестага, В.В. Путин, в частности, заявил: «Я считаю, что Европа только укрепит свое положение центра мировой политики на длительную перспективу, если объединит собственные возможности с российскими человеческими, территориальными и природными ресурсами, а также с ее экономическими, культурными потенциалом, а также потенциалом в области безопасности» [6].

Решающей предпосылкой двустороннего сближения следует признать фундаментальные изменения в государственной и общественной системе, экономике, в других сферах российской жизни, происшедшие в годы реформ. Благодаря им РФ впервые в своей истории встала на путь построения открытого общества, которое, несмотря на культурный релятивизм, предлагало остальному миру принять конкретные ценности, а именно совместную ответственность

за мир, его устойчивое развитие, безусловное соблюдение прав и свобод человека. Важным сплачивающим моментом явилось наличие у России и Германии общих задач на мировой арене, в том числе борьба с терроризмом, организованной преступностью, незаконной торговлей наркотиками, низким уровнем жизни и болезнями.

Это позволяло надеяться на успех в решении проблемы преодоления «образа врага» в российско-германских отношениях.

Список литературы:

1. Петров И.А. Объединение Германии. Историко-культурные и общественно-психологические аспекты // Международный исторический журнал. 2000. № 9. С. 35—39
2. Совместное интервью Президента России Владимира Путина и Федерального канцлера Г. Шредера газете «Бильд», 7 мая 2005 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://archive.may9.ru/ru/section.php?docId=10717>.
3. Шахназаров Г.Х. Восток – Запад // Коммунист. 1989. № 3. С. 67—78.
4. Штраус Ф.-Й. Воспоминания. Пер. с нем. М.: Международные отношения, 1991. — 510 с.
5. Mangold K. Wirtschaftsfaktor Russland. Die deutsche Wirtschaft hat. Anlaß zur Hoffnung // Internationale Politik. 2000. № 5. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang2000/mai2000/documentation.htm>.
6. Rede des russischen Staatspräsidenten, Wladimir Putin, vor dem Deutschen Bundestag am 25. September 2001 in Berlin // Internationale Politik. 2001. № 10.
7. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang2001/oktober2001/documentation.htm>.

1.3. СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Сафонова Анна Сергеевна

аспирант кафедры социально-политических технологий СПбГПУ

E-mail: merry.pr@yandex.ru

Как показывают опросы общественного мнения [11], проведенные в молодежной среде на тему патриотизма, ситуация в стране за последние 10—12 лет практически не изменилась. К сожалению, такие понятия как «патриотизм» и «гражданственность» так и не приобрели свой смысл среди поколения, рожденного в начале 90-х.

Некоторые исследователи отмечают, что радикальная трансформация ценностных ориентаций российской молодежи в последние 20 лет идет преимущественно в направлении вытеснения общественно значимых ценностей сугубо индивидуалистическими. Кроме того, как отмечают ученые, данная трансформация в целом характеризуется утверждением технократической парадигмы и вытеснением принципов гуманистической [3, с. 126].

События последнего десятилетия XX века оказали негативное влияние на сознание населения страны. На протяжении этих лет снижался уровень российской культуры, искусства и образования, как одних из самых важных инструментов воспитания чувства патриотизма и гражданского долга. Вместо этого постепенно происходило насаждение западной культуры, направленной не на воспитание новых высоких целей и идеалов, а скорее, на разрушение уже имеющихся.

Основная проблема заключается в том, что сегодняшняя молодежь — поколение начала 90-х годов, родилась уже в совершенно новом государстве, не успев застать времена Советского Союза, когда были сформированы определенные нормы и ценности, обычаи и устои. Россия начала 90-х — это государство, претерпевавшее изменения во всех сферах общественной, социальной и политической жизни, государство, еще не нашедшее для себя путь развития.

Таким образом, новое поколение начинало свою жизнь в государстве не имеющим определенной идеологии, а образовавшийся вакуум начал быстро разрушать национальное самосознание

русского человека. Прежде всего, здесь мы говорим о феномене «массовой культуры» с ее культом насилия и эгоизма, который препятствовал (и продолжает препятствовать) зарождению патриотической идеи в обществе.

В результате отсутствия какой-либо политики в сфере воспитания и образования, а шире именно в сфере гражданско-патриотического социализации в конце XX — начале XXI века российское общество столкнулось с утратой чувства патриотизма, гордости за свою Родину и ее народ, историю и культуру великой России.

Основной причиной создавшегося положения явилось практически свертывание патриотического и гражданского воспитания молодежи и в первую очередь учащихся и студентов образовательных учреждений [12, с. 130].

Трудно оспорить тот факт, что школа является одним из основных институтов воспитания детей, в том числе воспитания гражданского. А гражданское воспитание основывается на таких понятиях как патриотизм и гражданственность. В данном контексте актуальным становится новый законопроект «Об образовании в Российской Федерации», который в первом чтении приняла Государственная Дума.

К сожалению, как и любой закон, он имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Но прежде всего мы отметим, что в новой версии закона упущены вопросы нравственного и психического здоровья детей, вопросы патриотического воспитания. Кроме того, вызывает тревогу положение русского языка. Ольга Леткова, директор Общественного центра правовых экспертиз и законопроектной деятельности, член Центрального Совета Ассоциации родительских комитетов и сообществ России «АРКС» отмечает, что язык обучения будет определяться самой образовательной организацией. До сих пор у нас в стране был один государственный язык-русский, на котором и происходило обучение. Субъекты Федерации могли добавлять свои языки в качестве регионального компонента. Теперь каждый субъект Федерации сможет проводить обучение только на своем языке. Это значит, что мы теряем единое языковое пространство, что, в свою очередь, может привести к расколу территориальной целостности [5].

В современной обстановке мы все чаще сталкиваемся с так называемым понятием «реактивного патриотизма». Данный вид патриотизма является защитной реакцией, возникающей в сознании людей, в ответ на пропагандируемые в последние годы тезисы о том, что «Россия никогда не станет цивилизованной страной», «Россию

ждет крах» и т. п. Распад Советского Союза, поражение в холодной войне, падение авторитета нашей страны — все это послужило причиной возникновения в сознании людей определенных образов врагов, предателей и т. п. Именно «реактивный патриотизм» сегодня очень распространен в молодежной среде, он порождает некий комплекс неполноценности, называемый по-другому «Номо Sovieticus» [2]. Такая подмена понятий, прежде всего, опасна проявлениями национализма и ксенофобии. По определению, патриотизм — это любовь к своей Родине, любовь к своей религии, любовь к своему народу, своей истории, своей культуре, а не движение «против». Тем не менее, по данным исследования ВЦИОМ, проведенного 5—6 июня 2010 года, более четверти (27 %) россиян видят патриотизм именно в защите своей страны от нападок и обвинений [8].

Таким образом, исследования на тему патриотизма сегодня продолжают быть актуальными.

Так, в декабре 2010 г. кафедрой политологии СПбГПУ было проведено исследование на тему понимания студентами феномена патриотизма. Объектом исследования явились студенты пяти технических факультетов СПбГПУ разных курсов (объем выборочной совокупности составил 224 респондента в возрасте от 17 до 22 лет).

Цель исследования — выяснить, что студенты понимают под понятием «патриотизм» и насколько среди них распространены радикальные настроения.

Исследование включало в себя пять основных блоков.

1. Уровень политической и социальной активности студентов.

Каждый член общества, так или иначе, позиционирует себя в политической среде: разделяет те или иные политические взгляды, участвует или не участвует в выборах, в политических акциях, либо, как минимум, проявляет свою позицию в форме политической лояльности или протеста. Политическая (или гражданская) позиция, политическая активность выступают, таким образом, как необходимый элемент поведения молодежи [9, с. 68].

Исследование показало, что меньше половины опрошенных студентов считают себя политически активными людьми. На вопрос «Считаете ли Вы себя социально и политически активным человеком?» «да» ответило всего 20,25 % респондентов, «нет» 58 % респондентов, затруднились с ответом 21,75 % респондентов.

Кроме того, у подавляющего большинства респондентов участие в общественно-политической жизни сводится к отслеживанию информации о событиях в стране и за рубежом с помощью СМИ —

69 %. Почти вдвое меньше голосуют на выборах — 38 %, 8 % — участвуют в митингах, 3 % отметили членство в политической партии, и 15 % указали, что их участие в общественно-политической жизни не сводится ни к чему из вышеперечисленного (Везде, где сумма ответов превышает 100 %, респондентам была дана возможность выбрать несколько вариантов ответа на вопрос).

На вопрос о желании стать членом какой-либо политической партии всего 8 % молодых людей ответили положительно, 72 % ответили отрицательно, 20 % не ответили на этот вопрос. Отметим, что отсутствие желания участвовать в партии или политическом движении, прежде всего, мотивируется тем, что молодежь сама может выражать свою гражданскую позицию — 35,5 %, 8,5 % — не считают себя патриотами, 22,5 % указали вариант «другое» без уточнения выбора, 31 % — затруднились ответить на данный вопрос.

Приведенные нами данные указывают на тот факт, что в российском обществе царит недоверие к политическим партиям. Молодые люди в своем большинстве не участвуют и в общественных процессах, бойкотируют выборы и политическую жизнь страны в целом. Сегодня во главе угла стоят другие ценности: ориентирование на личный успех, профессиональный и карьерный рост, материальное благополучие и создание семьи.

2. Гражданская самоидентификация.

Одним из самых близких понятий к понятию патриотизм является понятие гражданственности. Гражданственность, прежде всего, подразумевает под собой политическую и социальную активность индивида, его включенность в жизнь общества. А также способность, желание и готовность выступать в роли гражданина и полноправного участника политических и социальных процессов страны.

Гражданская самоидентификация подразумевает под собой два основных понятийных поля. Первое поле — политическое. В данном случае — это самоидентификация личности с определенными политическими институтами и структурами, отношение к власти и выражение своей гражданской позиции. Второе поле — культурное. Здесь мы говорим об отношении индивида к таким понятиям, как «патриотизм», «Родина», «Отечество».

В данном ключе довольно показательны ответы на вопрос «Как бы Вы себя охарактеризовали?» проведенного нами исследования. Ответы распределились следующим образом: «гражданин России» — 63 %, «житель своего региона, города, села» — 32 %, «представитель национальности» — 30 %, «представитель

профессии» — 28 %, «гражданин мира» — 20 %, а 11 % указали бы на семейное положение и 9% на религиозные взгляды.

Данные опроса свидетельствуют, с одной стороны, о формирующейся идентичности, связанной с национальными ценностями (опирающимися на страну в целом, на самоидентификацию с отдельным регионом или городом). С другой стороны, третье место (пусть и с большим отрывом от первой позиции) идентификации по национальному признаку может указывать на наличие кризисных явления в современном российском обществе, особенно распространенных в молодежной среде.

3. Трактовка феномена патриотизм.

Прежде всего, говоря о патриотизме, нельзя не упомянуть о важности изучения истории нашей Родины. Прежде всего, потому, что патриотизм тесно связан с осознанием исторического прошлого народа. Настоящее и будущее нашей Родины неотделимо от ее прошлого. Патриотизм — это ощущение духовной связи с Отечеством; для нас — с Россией. Это любовь к ее прошлому и настоящему, это надежда и вера в ее будущее [10, с. 14].

Патриотизм не заложен в человеке на генетическом уровне. Это, прежде всего, социальное качество индивида, которое не передается по наследству, а формируется на протяжении всей жизни.

На вопрос «Вы считаете себя патриотом?» утвердительно ответили 73 % опрошенных, отрицательно ответили 20 % респондентов. Затруднились с ответом 7 % студентов. Данные показатели свидетельствуют о противоречиях и трудностях в процессе политической социализации молодежи, об отсутствии или недостаточной работе необходимых институтов, обеспечивающих информационную поддержку данного процесса.

При этом на вопрос «Считаете ли Вы необходимыми уроки патриотического воспитания для молодежи?» утвердительно ответило 46 % респондентов. Отрицательно ответили на данный вопрос 42 % респондентов, 8 % затруднились с ответом. Наибольшее количество молодых людей, считающих необходимым проведение уроков патриотического воспитания, полагают, что их надо проводить в школах — 85 %. Кроме того, 26 % и 33 % опрошенных указали на необходимость такого рода уроков в училищах и вузах соответственно.

Наиболее популярными ответами на вопрос «В чем, по Вашему мнению, проявляется патриотизм» стали ответы: «уважение традиций» — 74 %, «конструктивная критика власти и недостатков

в стране» — 34 %, «создание семьи и воспитание детей» — 29 % и «работа по специальности с максимальной отдачей» — 19 %.

Достаточно печальны ответы студентов на вопрос «Кого из Ваших современников Вы можете назвать патриотом?». Большинство — 48 % ничего не ответило на данный вопрос, а порядка 9 % указали на то, что таких людей в России нет. Данные показатели могут свидетельствовать о нехватке выдающихся личностей в современной России. Тем не менее, некоторые молодые люди отнесли к патриотам таких политических деятелей, как В.В. Путин — 16 %, В.В. Жириновский — 10 %, Д.А. Медведев — 4 %, Г.А. Зюганов — 2 %. Некоторые указывали на В.В. Познера, Ж.И. Алферова, С.П. Капицу, В.И. Матвиенко, М.С. Боярского, Н.В. Расторгуева и т. п.

Но, к счастью, молодое поколение помнит и знает о самом трудном времени испытаний, когда решался вопрос о судьбе нашего Отечества, когда армия и народ проявили истинный, небывалый по силе патриотизм, который явился основой духовно-нравственного превосходства над непобедимым доселе врагом. Тогда именно этот исторический факт свидетельствовал о том, что форма власти, общественная система, прежде всего, опираются на высшие духовные ценности народа в годы суровых национальных испытаний. И при определенных исторических условиях происходит их очищение, обновление и проявление в интересах всей страны.

Так, наиболее популярным событием, поднимающим патриотический дух молодежи, остается победа в Великой Отечественной войне. Этот вариант ответа указал 81 % учащихся. Также 57 % отметило успехи наших ученых, 54 % — успехи спортсменов, 52 % — полет в космос Ю. Гагарина, 36 % — победу в Отечественной войне 1812 года, 16 % — победа над интервентами в 1612 году.

4. Источники информации о патриотизме и политических организациях.

Возрастные особенности определили формирование специфической молодежной субкультуры, которая весьма податлива к влиянию средств массовой информации. Данные опросов свидетельствуют о достаточно высокой степени информированности молодежи, прежде всего студентов, о политической борьбе в современной России через средства массовой коммуникации, включая Интернет, тогда как более половины молодежи не интересуется информационно-политическими программами [7, с. 197].

При ответе на вопрос «Назовите Ваши источники информации о явлениях патриотического характера», занимая первое место,

лидирует Интернет — 89 %, далее следует телевидение — 42 %, документальные фильмы — 42 %, художественные фильмы — 41 %, художественная литература — 36 %, журналы — 32 %, семья — 29 %, радио — 20 %, друзья — 20 %, молодежные движения — 13 %, музыка — 18 %, другое — 6 %.

5. Отношения к патриотическим и экстремистским общественно-политическим организациям.

Отвечая на вопрос «Как вы относитесь к деятельности политических партий и движений патриотической направленности?» 31 % ответили, что положительно, 25 % ответили, что отрицательно, 35 % респондентов относятся к указанным организациям нейтрально, а 9 % затруднились ответить.

На вопрос об отношении к экстремистским организациям были получены следующие данные: 55 % ответили, что отрицательно, 9 %, что положительно, 2 % указали, что являются членами данных организаций, 34 % затруднились ответить.

Многие зарубежные и русские деятели (А.И. Герцен, Б.Г. Ананьев, В.Б. Белинский) указывали на то, что формирование патриотизма происходит уже в детском возрасте и закладывается в семье через такие понятия как любовь и уважение. С первых дней жизни у ребенка формируются познания об окружающем мире, закладываются понятия любви и уважения. В течение первых трех лет возникает фундамент доверия. Далее, с трех до пяти-семи лет происходит освоение базовой гражданско-патриотической информации. Первые представления о Родине ребенок получает через народное творчество (сказки, песни, басни), через мультфильмы и книги отечественных авторов. Именно на основе этих источников информации зарождаются и формируются основы патриотизма и гражданственности. Здесь большое значение придается внутреннему климату семьи, который определяется взрослыми (родителями и ближайшими родственниками) и от которых по существу зависит, будет ли их ребенок с детства приобщаться к культуре своей страны.

По мнению В.И. Лутовинова: «Главная цель патриотического воспитания может быть сформулирована следующим образом: возрождение в нашем обществе патриотизма как важнейшей духовно-нравственной и социальной ценности, формирование и развитие подрастающего поколения, обладающего важнейшими граждански активными социально значимыми качествами, способного проявить их в созидательном процессе в интересах нашего общества, в укреплении и совершенствовании его основ, в том числе и в тех видах деятельности, которые связаны с его защитой» [6, с. 94].

В.К. Левашов видит цель патриотического воспитания, прежде всего, в развитии в российском обществе высокой социальной активности, гражданской ответственности, духовности, становление граждан, обладающих позитивными ценностями и качествами, способных проявить их в созидательном процессе в интересах Отечества, укрепления государства, обеспечения его жизненно важных интересов и устойчивого развития [4, с. 99].

Патриотизм как явление национальной духовности и компонент общественного сознания в настоящее время, когда Россия «собирает камни» своей истории, актуален для российской действительности не в меньшей степени, чем много веков назад. Сила любой страны во многом определяется силой патриотизма ее граждан.

Особенного внимания заслуживает научно-исследовательская литература последних двух десятилетий, т. к. этот период связан с началом и развитием кардинальных преобразований во всех сферах нашей жизни. Глубокие изменения претерпели не только основы нашего непосредственного бытия, но и высшие ценности, среди которых особое место занимает патриотизм. Именно он оказался в эпицентре борьбы самых различных, зачастую противоположных взглядов, мнений, убеждений, позиций, дискуссий и т. п. В ходе этой полемики, острота которой лишь несколько ослабла за последнее время, наряду со скандальными, конъюнктурно-спекулятивными публикациями появилось немало и таких работ, которые характеризуются творческим, исследовательским подходом к осмыслению патриотизма и проблем его формирования в нашем обществе [1, с. 27].

Список литературы:

1. Выршиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодёжи в современном российском обществе. Монография. — Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006. — 172 с.
2. Зиновьев А. Гомо советикус. Парабеллум. — М.: Московский рабочий, 1991. — 416 с.
3. Казарина-Волшебная Е.К., Комиссарова И.Г., Турченко В.Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // Социология молодежи. — 2012. — № 6. — С. 126.
4. Левашов В.К. Патриотизм в условиях глобализации: о чем свидетельствуют данные социологических опросов // Вестник РАН. 2005. — № 2, — С.99.
5. Леткова О. Прощай, народное образование [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/10/19/prowaj_narodnoe_obrazovanie/.

6. Лутовинов В.И. В патриотизме молодёжи — будущее России. — М.: Фонд Андрея Первозванного, 1999. — 206 с.
7. Орлов И.Б. Политическая культура России XX века. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 351 с.
8. Патриотизм: настоящий и «квасной» — 2010. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13576>.
9. Тимерманис И.Е. Студенческое самоуправление как объект исследования и ресурс общественного развития. — СПб.: Диалог, 2006. — 215 с.
10. Троицкий В.Ю. О патриотическом воспитании // Русский Вестник. — 2004. — № 16. — С. 14.
11. Федоров В. Патриотизм у россиян в прошлом // Газета «Московский комсомолец»: — 2010. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2010/07/04/514036-patriotizm-u-rossiyan-v-proshlom.html/>.
12. Чернов В.В. Гражданско-патриотические аспекты социализации российской молодежи // Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути трансформации: Материалы «круглого стола»/ Под ред. Н.С. Федоркина, Н.В. Карповой. — М.: КДУ, 2009. — 168 с.

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРИЧИНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Семенова Екатерина Леонидовна

студент НИ ИрГТУ, г. Иркутск

E-mail: semenova.katyunya@mail.ru

Бутакова Дарья Андреевна

канд. социол. наук, доцент НИ ИрГТУ, г. Иркутск

E-mail: feonel@yandex.ru

К числу наиболее сложных и трудноразрешимых проблем современности относятся межэтнические конфликты. Это форма межгруппового конфликта, в котором группы с противоположными интересами различаются по этническому признаку [1, с. 52]. И хотя, межэтническая политика государства призвана регулировать социально-политические отношения с целью согласования интересов различных этнических и национальных групп и наиболее полного удовлетворения их потребностей, но, как показывает практика последних событий, ни в одном государстве не могут адекватно отрегулировать ее положения [2, с. 109].

Межэтнический конфликт является своего рода тормозом в решении проблем общественной жизни людей различных этносов. Погасить разразившийся конфликт крайне трудно, он может длиться

месяцы, годы; затухать, затем разгораться с новой силой. Все это может быть причинами социальной нестабильности, национализма, политических спекуляций.

Наличие националистической составляющей почти во всех конфликтах современности — свидетельство того, что ни учеными, ни специалистами в области этнической политологии, ни правоведами, ни политиками, ни социологами до сих пор не найдены универсальные решения или действенные пути для предотвращения национальных конфликтов.

Обострение межэтнических конфликтов можно отнести к наиболее сложным проблемам развития современной России. Особую значимость они приобретают в полиэтнических регионах, к которым можно отнести и Иркутскую область, где на протяжении всей истории ее существования взаимодействуют культуры разных этносов.

Все эти факторы и обусловили актуальность нашего исследования. Объектом данного исследования выступила студенческая молодежь, обучающаяся в НИ ИрГТУ.

Предметом исследования — мнение студенческой молодежи НИ ИрГТУ относительно причин межэтнических конфликтов и путей их разрешения.

Цель исследования заключалась в изучении мнения студенческой молодежи НИ ИрГТУ относительно причин межэтнических конфликтов и путей их разрешения.

Этапность нашего исследования была выстроена в следующем порядке:

1. определить отношение студенческой молодежи к проблеме межэтнических конфликтов в условиях вуза;
2. выяснить причины межэтнических конфликтов с точки зрения студентов;
3. определить отношение студенческой аудитории к студентам разных национальностей;
4. проанализировать мнение студентов относительно возможных путей решения проблемы межэтнических конфликтов.

Нами был проведен социологический опрос на тему «Причины межэтнических конфликтов и пути их разрешения на примере студенческой молодежи Национального Исследовательского Иркутского Государственного Технического Университета», в ходе которого были опрошены 236 студентов НИ ИрГТУ (50 % мужчин и 50 % женщин, что позволило отразить специфику генеральной совокупности пропорционально выборке.). В опросе участвовали

студенты, идентифицирующие себя как русские (80 %), буряты (16,7 %) и азербайджанцы (3,3 %).

Согласно полученным данным, о возникновении конфликтных ситуаций между российскими студентами разных национальностей в НИ ИрГТУ слышали 71 % российских студентов русской национальности и 100 % российских студентов других национальностей.

40 % студентов оценили вероятность возникновения подобных конфликтов в НИ ИрГТУ скорее как низкую, 27 % студентов затруднились ответить, 17 % студентов считают, что вероятность скорее высокая, 10 % оценивают ее как высокую и 6 % как низкую. Что может говорить о том, что ситуация в межэтнических отношениях в НИ ИрГТУ достаточно благополучная.

Мы поинтересовались мнением студентов о возможных причинах конфликтов на национальной почве (вопрос задавался в открытой форме, ответили на него 83 % респондентов). Чаще всего говорили о национальных, расовых предрассудках (48 %); о различиях в воспитании (16 %); о различиях в менталитетах (12 %); о личной неприязни (12 %). Высказывались мнения, что конфликты происходят в алкогольном опьянении (8 %). Кто-то считает, что причина конфликтов кроется в различии национальных традиций и религий (4 %). Полученные данные говорят о том, что у большинства опрошиваемых наличествуют стереотипные представления о других этносах.

Респондентам был задан открытый вопрос о том, какие меры нужно предпринять, чтобы предотвратить конфликты между российскими студентами разных национальностей в НИ ИрГТУ (на него ответило 67 % студентов). Чаще всего предлагалось проводить совместные развлекательные и спортивные соревнования (45 %). 25 % респондентов предложили проводить «пропаганду дружбы народов», подразумевая под этим скорее воспитание толерантного отношения молодежи к представителям других национальностей. 15 % студентов считают, что «нужно меньше пить». Кто-то предлагает ввести раздельное обучение (10 %), а кто-то — установить контроль (5 %). Отсюда следует, что отношения с другими этносами носят эпизодический характер, и первое впечатление или недостаток информации определяют представления носителей разных культур друг о друге.

В следующем вопросе была предпринята попытка определить установки студентов НИ ИрГТУ относительно представителей различных национальностей, предложив им указать в какие

отношений они готовы вступить с представителями указанных этнических групп. В предложенной респондентам шкале было выражено 5 позиций в порядке увеличения социальной дистанции. Наименьшая социальная дистанция была представлена в позиции «Вступил бы в брак», наибольшая — в позиции «Не хочу общаться ни при каких обстоятельствах».

По полученным ответам на данный вопрос, можно говорить о том, что наименьшая социальная дистанция у респондентов с русскими, что легко объяснить принадлежностью большинства опрошенных к этой национальности. Следом по шкале социальной дистанции находятся такие национальности как украинцы, белорусы, буряты, татары. Наибольшая социальная дистанция у респондентов оказалась с цыганами, чеченцами, китайцами, грузинами, узбеками. Что также может указывать на стереотипность суждений респондентов, связанных с отсутствием достаточной информации.

Так как за последние годы в России значительно выросла численность молодежных националистических группировок, то респондентам был предложен вопрос о том, как они относятся к возникновению подобных организаций. Результаты свидетельствуют о том, что большинство опрошенных российских студентов осуждает националистические образования (57 %), нейтрально к ним относятся 33 %, но есть и те, кто поддерживает их идеи (7 %), 3 % затруднились ответить на этот вопрос.

Доброжелательное отношение респондентов к представителям других национальностей выразилось в ответах о допустимых для них формах дискриминации по национальному признаку. Оскорбление на бытовом уровне считают не допустимым 53 % опрошенных, допустимым в определенных ситуациях — 43 %, допустимым — 4 % респондентов. Отношение к представителям некоторых национальностей как к людям «второго сорта» считают не допустимым 63 % респондентов, допустимым в определенных ситуациях — 23 %, допустимым — 14 %. Физическое насилие по отношению к лицам других национальностей считают не допустимым 73 % опрошенных, допустимым в определенных ситуациях — 17 %, допустимым — 10 %. Ограничения при приеме в учебные заведения и на работу считают не допустимыми 67 % респондентов, допустимыми в определенных ситуациях — 23 %, допустимыми — 10 %. Ущемление прав и свобод (навязывание русской культуры, обязательного изучения русского языка) считают не допустимыми 60 % респондентов, допустимыми в определенных ситуациях — 17 %, допустимыми — 23 %.

Можно предположить, что негативное отношение к представителям других национальностей объясняется отсутствием опыта реального конструктивного взаимодействия с представителями других этносов, так как основная жизнедеятельность большинства респондентов протекает в единой культурной среде, где реальные этнические отличия во многом нивелируются и не являются определяющими. Отношения с иными этносами, как правило, эпизодические.

Проанализировав результаты проведенного исследования, можно предложить следующие меры предотвращения межэтнических конфликтов именно для НИ ИрГТУ: воспитание толерантного отношения молодежи к представителям других национальностей посредством совместных развлекательных и спортивных мероприятий, агитации о союзе народов и терпимости, тренингов, объединяющих представителей разных этносов.

Список литературы:

1. Арутюнян Ю.В. Этносоциология: учебное пособие для ВУЗов / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 52 с.
2. Асмолов А.Г. Толерантность: различные парадигмы анализа // Толерантность в общественном сознании России. — М., 2008. — с. 109.

2.2. СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МОТИВАЦИЯ МОБИЛЬНОСТИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СТРАНАХ СКАНДИНАВИИ (НА ПРИМЕРЕ ШВЕЦИИ)

Ермолина Марина Анатольевна

*канд. юрид. наук, доцент СПбГУ,
г. Санкт-Петербург*

E-mail: ermolinama@gmail.com

Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.» по мероприятию 1.5 «Проведение научных исследований коллективами под руководством приглашенных исследователей» Соглашение № 14.В 37.21.0278 «Психолого-педагогическое исследование профессиональной мобильности и правосознания молодых специалистов РФ и стран Скандинавии»

Современная ситуация на рынке труда в странах Скандинавии ассоциируется с принятой в 2000 году Лиссабонской стратегией (Lisbon Strategy), которая предлагает правительствам стран Европы работать над «самой динамичной и конкурентоспособной, основанной на знаниях экономикой в мире» [4; 1]. В 2002 году была принята Декларация Европейской комиссии и министров образования стран ЕС по развитию сотрудничества в области профессионального образования и обучения в Европе, получившая название «Европейского процесса» [3, с. 31]. Данный документ предусмотрел план устранения препятствий для мобильности рабочей силы в странах ЕС. Отсутствие профессиональной мобильности рассматривается как барьер к адаптации в условиях рынка.

Изучение мобильности рабочей силы является желательным для европейского рынка труда с экономической, правовой и социальной точек зрения, принимая во внимание значительные различия в профессиональной мобильности стран Европы.

Так, несмотря на большую долю старшего населения, шведские компании в сфере занятости не заинтересованы в поиске претендентов, возраст которых превышает пятьдесят лет. По данным исследования, проведенного агентством по набору рабочей силы, только восемь процентов шведских работодателей заинтересованы в сохранении таких работников [6].

Интересен и другой факт: только треть молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет состоят в профсоюзах. В середине девяностых эта цифра состояла 80 процентов. В числе причин — взносы за вступление, более индивидуалистический характер рынка труда, временные затраты на вступление и т. д. На сегодняшний день, в сравнении с теми же девяностыми, в 2,5 раза меньше лиц, занятых полный рабочий день, при аналогичном количестве рабочей силы. При этом более чем $\frac{3}{4}$ студентов университетов Швеции готовы к поиску работы за рубежом [9].

В то же время свыше 15 процентов респондентов из Университета Линчёпинга [2], уже имевшие опыт работы за границей, все же предпочитают продолжить обучение в своей стране с перспективой дальнейшего трудоустройства [5]. В связи с этим возникает вопрос: достаточно ли страна делает для того, чтобы удержать талантливых выпускников?

По сравнению с другими странами Европейского Союза, Швеция имеет невысокий уровень безработицы: 5,7 % среди людей в возрасте 15—74 лет. Тем не менее, число безработных среди молодежи значительно выше среднего показателя по ЕС: 12,5 % среди лиц в возрасте 16—24 лет (октябрь 2008 года).

Вместе с тем высок уровень незанятости среди группы 16—24 лет. Среди причин создавшейся ситуации — пресыщенность рынка выпускниками (которые хотят работать только по специальности) и другие. Высокий уровень безработицы среди молодежи в Швеции объясняется также тем, что по стране в целом высокая стартовая зарплата и жесткое трудовое законодательство. При этом работодатели считают, что они подвержены большому риску, нанимая неопытного работника без квалификации.

Очевидно, что еще тяжелее приходится тем, у кого нет диплома о квалификации. Вместе с тем данная возрастная группа также предпочитает поиск работы за пределами своей страны [8]. В чем же причины сложившейся ситуации?

Согласно исследованиям, проведенным Шведским национальным советом по делам молодежи (данный государственный орган

защищает права молодых людей в обществе), занятость среди молодежи в последние годы снизилась за счет следующих факторов:

1. все большее число молодых выпускников приходят на рынок труда, что приводит к насыщению рынка специалистами в отдельных сферах;

2. в связи с экономическим спадом происходят изменения в ситуации на рынке труда;

3. нестабильная занятость среди молодежи в связи с распространённостью различных форм временной занятости и найма людей в этой возрастной группе.

Рынок труда в Швеции регулируется законодательством, которое создает рычаги для мобильности рабочей силы и для новых участников в трудовом рынке. Именно этот фактор в последнее время упоминается Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Немаловажно, что все формы образования в Швеции финансируются за счет государства.

Статистические данные, приведенные ОЭСР, указывают на четкую корреляцию между уровнем образования и способностью менять работу. Следовательно, повышение уровня образования на протяжении всей жизни — основной инструмент политики в сфере профессиональной мобильности [3, с. 31].

В то же время факторы, отражающие рост мобильности рабочей силы в скандинавских странах еще более значимы, как для рынка труда, так и для экономического роста. Бесспорным достижением является стремление молодежи к получению образования, повышению квалификации и реализации способности к труду в условиях рынка. Развитие системы образования привело к тому, что растущая часть молодежи способна адаптироваться к условиям рынка.

Список литературы:

1. Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. — М.: Альпина Паблишер, 2003. — 509 с.
2. Линчeping — город в провинции Эстергётланд, седьмой по величине город в Швеции. Линчepingский университет (основан в 1975 году) имеет 3 факультета — технический, медицинский и философский. В 2010 году в университете обучалось 18 910 студентов // Википедия. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://ru.wikipedia.org>.
3. Олейникова О.Н., Муравьева А.А., Аксенова Н.М. Обучение в течение всей жизни как инструмент реализации Лиссабонской стратегии. — М.: РИО: ТК им. Коняева, 2009 — 131 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.cvets.ru>.
4. Job Mobility in the European Union: Optimising its Social and Economic Benefits. Final report. Policy and Business Analysis. April 2008. — 158 с.
5. Sweden «at risk» of losing global battle for talent // The local Sweden's news in English. October 30, 2012. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.thelocal.se/37168/20111104/>.
6. Sweden «shuns» older workers: study // The local Sweden's news in English. October 30, 2012. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.thelocal.se/40114/20120405/>.
7. The Lisbon Review 2002 — 2003. An assessment of Politics and reforms in Europe. World Economic Forum. 2002. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <https://members.weforum.org>.
8. Unemployment high among young people in Sweden; [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.eurofound.europa.eu/eiro/2008/11/articles/se0811019i.htm>.
9. Young Swedish workers abandon unions // The local Sweden's news in English. October 30, 2012. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.thelocal.se/37168/20111104/>.

СЕКЦИЯ 3.

ФИЛОСОФИЯ

3.1. ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Мирошникова Галина Александровна

*преподаватель общегуманитарного цикла ГБОУ АО СПО
«Астраханский государственный политехнический колледж»*

г. Астрахань

E-mail: vesoro@yandex.ru

Мы живем в достаточно сложное время, хотя, если подумать, т вряд ли на Руси когда — либо было время «легкое для проживания». Но особенно XX век, на мой взгляд, потряс нас такими переменами во всех сферах жизни, неопределенность достигла небывалых масштабов, что человек «потерялся» на какое-то время в этом множестве проблем. Ответы на вопросы «Что же с нами происходит?», «Что нас ждет в будущем?» повисли надолго в воздухе без ответа. Мифы ушли в прошлое, влияние религии значительно ослабло, а обыденное мировоззрение никак не могло ответить на многочисленные вопросы, которые, как сначала могло показаться, вдруг всплыли перед человеком. Но, с другой стороны, если бы у человека не было проблем, забот, переживаний, и философии, как таковой, могло бы не быть. Ведь именно философия всегда играла значительную роль в решении человеческих проблем. Главная её функция — формировать мировоззрение и тем самым оказывать опосредованное влияние на принятие практических решений. Одна из основных задач философии, на мой взгляд, изменить человека. Жизнь не стоит на одном месте, меняется, то быстрее, то медленнее и ее надо изучить как можно глубже.

Человеческие потребности настолько велики, что и сама философия становится многофункциональной сегодня. Роль философии в жизни человека очень велика. Еще Платон говорил, что под влиянием философии душа человека очищается и «человек становится подлинно совершенным». Каждый человек, когда-либо, задавался вопросом: «Что такое философия? И зачем она нужна?» Философия, как наука, основывается на познании сути мироздания. Она плотно переплетается с наукой, религией, искусством, помогая человеку познать себя и окружающий мир.

Сегодня основы философии изучают со школьной скамьи. Хотя есть мнение, что философия слишком сложна для понимания и не стоит в таком юном возрасте «засорять» головы сложными понятиями. Возможно, поэтому в некоторых учебных заведениях преподавание философии перенесли на последние курсы, считая, что студенты вторых и третьих курсов еще не «созрели» до изучения этой дисциплины, и мой многолетний опыт преподавания подтверждает правоту таких действий.

С одной стороны, истины философии может постичь только человек с большим жизненным опытом. Хотя с другой стороны, человек мудрый может уже и не задает себе столько вопросов, сколько их возникает у юного. Конечно, ни то, ни другое не помешает. Но юность — лучшее время для вопросов и попыток получить ответ на них. Юность — это возраст, когда совершается одно из важнейших открытий — открытие самого себя.

Философское знание своим происхождением обязано такой способности человека, как способность удивляться, так считал Аристотель. Философия, пожалуй, больше спрашивает, чем отвечает, для нее вопросы часто оказываются важнее ответов. И юность чаще удивляется, спрашивает чаще, чем другие возрасты, и вопросы ее бывают острее, чем вопросы людей, которые ко многому привыкли, многое знают, и масса вещей им уже кажется вполне естественными. Подросток более критично относится ко всему, что его окружает, хочет многое понять и оценить. Вот здесь и нужна ему философия, которая поможет сформировать его мировоззрение, даст ценностные установки, которые определяют направленность его деятельности. Есть кризис, всеохватывающий, глобальный, можно говорить и о духовном кризисе в частности, и навряд-ли кто-то уже нашел ту тропинку, по которой человечество дойдет до «светлого завтра», но искать пути решения этих проблем жизненно важно для человечества.

Приступая к изучению философии, в течение ряда лет задаю студентам вопрос о необходимости ее изучения и, к своему великому

сожалению, часто слышу отрицательный ответ (в среднем 70—80 %). И что интересно, так отвечали студенты, которые уже перешли на старшие курсы, а вот процент отвечающих отрицательно из числа первокурсников, только поступивших после девятого класса, меньше. Сомневаюсь, что это свидетельствует о понимании значимости философии, скорее здесь срабатывает своего рода установка: раз предмет включен в перечень изучаемых дисциплин, значит, он нужен. Сегодня тенденция непонимания значимости философии снижается. Студенты, наконец-то, стали осознавать, что важно не только овладеть профессиональными знаниями, но и расширять свой интеллектуальный потенциал и такая дисциплина как философия очень даже помогает в этом. Ведь философия не отвлекает от изучения спецпредметов, а служит средством познания и преобразования мира и удовлетворяет многие духовные потребности и запросы человечества. Критический метод мышления, который является основой философствования, требует не только специальной теоретической подготовки, но и практики, точно так же, как и любая другая деятельность. Пренебрежение этими требованиями часто является причиной жалоб на «непонятность», «трудность» философии, пренебрежительного, скептического отношения к ней. Способности к философскому мышлению вырабатывается не одноразовыми действиями. Умению мыслить философски надо учиться, как экономическому, математическому, историческому и другим формам мышления. Одной из бед нашего преподавания как раз и является желание дать знания в готовом виде и только в последние годы наметилась тенденция к искоренению такой методики обучения. Конечно, каждый человек «немножечко» философ, но задача предмета поднять студента с уровня «философствования» бабушек со скамейки, которые в тысячу первый раз утверждают, что до революции кипятки были горячее, до уровня человека, который способен использовать приобретенные знания в практической плоскости. Философию нельзя свести только к научному знанию — многие ее проблемы недоступны естественнонаучным методам. Например, проблемы нравственности, бытия, смысла жизни, вопросы бессмертия, духовной сферы и другие.

Мир философии — это особый мир, где действуют свои законы, своя шкала ценностей, свои мерки. Из философии никогда не уходят проблемы, которые волновали предыдущие поколения. Понятия и категории философии не являются результатом опытных обобщений. Философская правда отличается от научной истины. Недаром русскую философию больше интересовала правда, а не истина. Критерием философии выступает всемирно-историческая практика в ее всеобщих

результатах и значениях, т. е. мир в целом, его соответствие всеобщим нормам человеческого бытия. Таким образом, философия не является ни искусством, ни религией, ни наукой, ее нельзя свести ни к одной из форм общественного сознания; она формирует свой специфический взгляд на мир, опираясь на совокупный интеллектуальный опыт человечества. Причин невосребовательности философии несколько, и нет смысла винить студентов в непонимании значимости этой дисциплины. Кризис философии — это не столько результат творческой слабости профессиональных философов, сколько прямое проявление философского уровня данного общества. Каждое общество имеет такую философию, какой оно достойно. А некоторые даже полагают, что философия вообще устарела, что она якобы должна быть заменена чем-то другим, более совершенным. Но сам ход развития истории доказывает, что философия жизненно необходима. А проявления кризиса существуют во всех науках, они были, и будут проявляться всегда. Так что в этом смысле философия не исключение. Кризисные явления в философии сегодня в немалой степени являются следствием невнимания к ее запросам в советский период. Если в средние века философия была «служанкой богословия», то в период существования СССР она также обслуживала интересы власти, и это не могло не сказаться на ее содержании, развитии, вернее отсутствии таковом. И сегодня мы имеем то, что имеем. Четко обозначилась потребность современной философии в переосмыслении самой себя. И в преподавании философии это тоже явно ощущается. С одной стороны явное падение интереса к важнейшей из наук, падение уровня философского образования, с другой — «опасность сепаратизма, обусловленного и уровнем философской культуры преподавателя и его политической аганжированности». / См. Основы философии в вопросах и ответах. Учеб. пособие. Изд. «Феникс». 1997., с 4/.

Изначально философия объединяла все имеющиеся знания — географию, математику, астрономию, медицину, активно использовала сведения из мифов, религии, искусства. Недаром Аристотель, говорил о философии как единственной, самой развитой форме теоретического знания, называя ее «высшим благом и высшим добром» / см. Аристотель. Метафизика. М., 1934. С. 211/. Именно потому, что философия формирует наиболее общие законы развития общества природы, она способствует интеграции научного знания молодежи. Благодаря философии есть возможность увидеть общую тенденцию развития глобальных проблем, динамику их взаимодействия и взаимобусловленность. И как результат всего вышесказанного появляется

возможность более четкой ориентации в потоке научной информации по глобальным проблемам. Философия ставит вопросы смысла жизни человека, смерти и бессмертия, счастья, свободы, вечности, разума.... Об этом самом важном люди всегда и размышляли.

Слово «философия» греческого происхождения и переводится как «любовь к мудрости». На Руси философию называли «любомудрием». Это понятие имело различные значения. Так, Геродот и Фукидид определяли его как стремление к знанию, образованию, умственным занятиям. Считается, что впервые это слово произнес Пифагор, который в ответ на вопрос о том, кто он есть, ответил: «Я философ» / Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 334/. Окончательно закрепили использование термина "философия" связано Сократ, Платон, Аристотель. Вся история развития философии свидетельствует о том, что это учение всегда было связано с интересами людей, их желанием разрешить сложные проблемы. И все острее проявлялась необходимость в философских и научных знаниях о мире, основой которых являются не мифологические образы и разнообразные верования, а понятия, логика, рациональное мышление. Возникает теоретическое отношение к миру. Появляются новые формы мышления, с более высоким уровнем обобщения, абстрагирования.

Размышляя над вопросом, почему студенты так бездумно отвергают значимость философии в их жизни, я пришла к пониманию того, что их пугает сложность этого предмета. Ведь для них философ — это вечно задумчивое, бородатое и говорящее непонятные вещи существо, которое столь далеко от современных проблем. Куда проще представить себе образ конкретного банкира, знаменитого спортсмена, выдающегося ученого и стремиться им подражать. Их идеи просты и понятны. А философское знание глубоко лично, императивно. Ведь еще английский философ Б. Рассел определил место философии в духовной жизни человека как «ничейную землю». В науке познал конкретные законы, приобрел конкретные навыки и живешь спокойно. Если что-то устарело, изучил новое и опять все нормально. В философии кумулятивность исключена. Говоря упрощенно, закон Архимеда и в Африке остается таковым. А вот содержание предмета философии постоянно уточняется, изменяется, каждый философ — самостоятельная фигура, его философская концепция отражает и дух времени, в первую очередь, и характер, и опыт, и нравственные установки. Поэтому навряд ли можно будет когда-либо заявить, что идеи того

или иного философа устарели, их не стоит изучать, примерять к сегодняшнему времени.

Философские размышления требуют глубокого изучения и осмысления, это диалог эпох, это единение многообразия. Все более продуктивным и разнообразным становится диалог различных философских течений. И в этом определенная сложность для понимания. Это не просто выучить таблицу умножения и потом автоматически ее использовать. Этот не прекращающийся процесс «самоосознания». Философию интересует взаимопроникающее единство мира в целом и универсального человека, которое проявляется затем в способах целостного видения мира и наиболее общих характеристиках человеческого бытия. Философия одна из древнейших наук, но остается на сегодня одной из востребованных в силу тех функций, которые она выполняет. Она никогда не устареет, она смотрит в будущее. Она направлена на спасение человечества от краха, хаоса. Философия это наука, направленная обеспечения будущего человечества. И это не громкие слова, а реалии жизни. Ни одна из других наук, в силу ограниченности объекта изучения, не может взять на себя эту функцию.

Да, добиться успехов в изучении философии, конечно же, трудно. В современном мире с его многообразием знаний, гуманистических ценностей, жизненных ориентиров создание целостного образа мира оказывается задачей невероятно сложной. Но задачу эту решать надо. Человечество, однажды осознав роль и значение философии, всегда будет обращаться к арсеналу ее идей. Философия нам нужна. Нам нужно воспитать новое молодое поколение, оптимистично оценивающее будущее своей страны, желающее само изменить к лучшему этот сложный мир, именно поэтому роль философии в современном мире неуклонно растет. Наконец, вся человеческая жизнь в целом становится в философском отношении все более насыщенной. Чем больше в мире новаций, творчества, тем больше философия необходима человеку. Подлинная философия носит напряженный характер, она заложена в потребностях и запросах человеческого существования. Отсюда ее жизненная значимость и востребованность. Философия выявляет и вырабатывает смысл человеческих действий, поступков, формирует стратегические цели. Величайшее значение в развитии человеческой цивилизации имела концепция идей, разработанная Сократом и Платоном. Главным в их учении является идея всеобщего блага. В конечном счете, именно эта идея стала основой современной цивилизации. В последнее время много говорят о философской концепции всеобщей ответственности.

Концепция ответственности призвана противостоять действиям различного рода эгоистов и экстремистов, всех тех, кто пытается вести себя безответственно по отношению к обществу. В современном обществе это особенно актуально. Если современный человек знаком с философскими постулатами добра и ответственности, он не будет совершать безответственных, легкомысленных поступков, не будет приносить вред обществу и другим людям. Это еще одна причина значимости философии в настоящее время. Философия всегда личностна. Поиск человеком самого себя — дело сложное и индивидуальное. Здесь не может быть универсальных рецептов. И единой философии никогда не было. Но, тем не менее, мы можем четко обозначить ее функции — мировоззренческая, познавательная, гуманистическая, аксиологическая, критическая, выполняющая задачи преодоления устаревших догм и взглядов, праксеологическая, интегративная, состоящая в обобщении и систематизации всех форм человеческого опыта и знаний. Философия должна рассматриваться как социально-историческое знание, тесно связанное с жизнью, постоянно развивающееся вместе с ней. И хочется надеяться, что в ближайшем будущем эта наука и дисциплина вернет себе и интерес со стороны студентов, и прежнее уважение

Список литературы:

1. Анишкин В.Г., Шманева Л.В. Великие мыслители: история и основные направления философии в кратком изложении. — Ростов н / Д: Феникс, 2007. — 337 с.
2. Горелов А.А. Основы философии: учебное пособие для студ. сред. проф. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2009. — 256 с. (с хрестоматией).
3. Губин В.Д. Основы философии: учебное пособие. — М.: ФОРУМ: ИНФРА — М.: 2009. — 288 с. (Профессиональное образование).
4. Канке В.А. Основы философии: учебное пособие для студ. сред. спец. учеб. заведений. — М.: Университетская книга; Логос. 2009. — 286 с.
5. Скирбекк Г. История философии: учебное пособие / Пер. с англ. В. Кузнецова. — М.: «Владос». 2008.

3.2. ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

КУЛЬТУРА СЕГОДНЯ. КРАТКИЙ АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОСТИ

Лях Станислав Сергеевич

*аспирант кафедры «Философия» ГОУ ВПО МГТУ,
г. Мурманск*

E-mail: stanislav-lyah@mail.ru

Прошло уже более десяти лет как мы перешагнули рубеж тысячелетия. Стоя у истоков XXI века, мы, не переставая, продолжаем рассуждать об итогах XX столетия, анализируя его события. За минувший век человечеству было суждено преодолеть сложный, тернистый, тяжелый путь, путь через мировые потрясения, революции и войны, идеологические противостояния, гонку вооружения и холодную войну. Этот век был поистине динамичный, интенсивный и с точки зрения развития научно-технической мысли. Только созданная теория относительности Эйнштейна перевернула все доселе привычное представление о физических процессах в пространстве и времени. В значительной степени больше других все эти метаморфозы затронули наше государство, нашу страну, которой пришлось пройти через столько испытаний. Научно-технический прогресс XX столетия породил собой современное информационное общество, являющееся на сегодняшний день новой набирающей темпы и интенсивно развивающейся социально-исторической формацией.

«Информационное общество» — это общество, обеспеченное всеми необходимыми материальными ресурсами и сориентированное на стратегическое доминирование интеллектуально-информационного ресурса во всех его аспектах, который характеризуется: абсолютной неисчерпаемостью, экологичностью, социальной интегративностью [1, с. 318]. Выделим основные черты информационного общества, к ним можно отнести:

1. Увеличение роли информации, знаний и информационных технологий в жизни общества;

2. Возрастание числа людей, занятых информационными технологиями, коммуникациями и производством информационных продуктов и услуг, рост их доли в валовом внутреннем продукте;

3. Нарастающая информатизация общества с использованием телефонии, радио, телевидения, сети Интернет, а также традиционных и электронных СМИ;

4. Создание глобального информационного пространства, обеспечивающего: а) эффективное информационное взаимодействие людей, б) их доступ к мировым информационным ресурсам и в) удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах;

5. Развитие электронной демократии, информационной экономики, электронного государства, электронного правительства, цифровых рынков, электронных социальных и хозяйствующих сетей;

Прогресс сегодня развивается с такими темпами, что сложно делать какие-либо прогнозы даже на какие-нибудь несколько лет вперед. Так сложно было предположить еще десять лет назад, что мобильные телефоны, смартфоны, коммуникаторы и другие средства сотовой связи получают в наше время такое массовое распространение, причем как в количественном показателе, так и в качественном ключе. Техника дошла до уровня, когда вчерашняя научная фантастика сегодня становится вполне реальной научной закономерностью. Изменения такого рода влекут за собой неотвратимо к развитию и перестановке приоритетов во всех сферах жизни общества. Сегодня мы вплотную подошли к пониманию прогресса в современной ситуации как доминанта экономического базиса над остальными условиями, что во многом вторит взглядам крупнейших экономистов-ученых XIX века на прогресс будущего. Оптимизация в экономической сфере, развитие информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, реализация нанотехнологий в инженерной области, медицине — все это порождает непрерывную причинно-следственную череду. В такой обстановке существенно возрастает опасность квазиинтенсивности, которая буквально может быть описана как «развитие для развития», «прибыль ради прибыли».

Все это заставляет задуматься и обратиться к одной из важнейших сфер жизни общества, проанализировать какие изменения претерпевают в ней — духовной сфере. Ее богатство и развитие напрямую зависит от духовных ценностей. Духовные ценности — это своеобразный духовный капитал человечества, накопленный за тысячелетия, который не только не обесценивается, но и, как правило, должен возрастать. Природа духовных ценностей исследуется в теории ценностей (аксиологии), устанавливающая соотношение ценностей с миром реальностей человеческой жизни. Речь идет, прежде всего, о моральных и эстетических ценностях.

Они по праву считаются высшими, ибо во многом определяют поведение человека в других системах ценностей [2, с. 349]. Передаваясь из поколения в поколение, духовные ценности в свою очередь формируют мировоззрение, мировосприятие будущих поколений, и являются показателем духовности, внутренней нравственной основой, как личности, так и в широком смысле этноса, нации, общества. Таким образом, духовные ценности можно определить как теоретическую составляющую реализаций и развития в духовной сфере. В зависимости от качественного содержания ценностей они могут приводить к духовному прогрессу, регрессу или стагнации. Практическую же реализацию духовной сферы общества мы видим в Культуре.

Культура — это совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей. Высокий уровень чего-либо, высокое развитие, умение. Материальные и духовные ценности, составляющие духовно-общественное бытие человека [3, с. 307]. Что же было достигнуто в культурном плане за последние десятилетия?

Во время существования СССР в культурных достижениях резко доминировала идеологическая составляющая. Культура времени «социалистического реализма» была политизирована принципами и идеями марксизма-ленинизма.

Анализирую историю становления и развития культуры советского общества, стоит отметить, что она представляет собой очень противоречивое явление как статически, так и динамически. В первом случае — в своей основе, в идеологических принципах. Во втором — в процессе развития на протяжении существования советского строя. Рассматривая советскую культуру, начиная с истоков ее зарождения, мы наблюдаем ее относительное изменение, диктуемое объективными причинами, при общей внутренней идеологической статичности. За основу построения советского общества принимались взгляды на социально-политическое развитие цивилизации К. Маркса и Ф. Энгельса, изложенные ими в своих научных работах. В «Манифесте коммунистической партии» они четко показали, каким образом должен протекать процесс трансформации в социализм, а затем и в коммунизм. За основу брались экономические потребности личности, общества и вытекающие отсюда взаимоотношения между субъектами в сфере производства. Разработанная система научного обоснования доказывала неизбежность перехода из одной формации (капиталистической) в другую (коммунистическую) на основании, прежде всего, экономических изменений. В последствие эти взгляды были осмыслены и в значительной степени

дополнены В.И. Лениным. В 1917 г. предпринята попытка скачкообразного перехода от феодально-самодержавного устройства к социалистическому, сопровождаемая революционными преобразованиями. Таким образом, с самых истоков зарождения советской культуры мы наблюдаем ее противоречивость. С одной стороны — формационный подход к развитию, выдвинутый теоретиками марксизма обрекал культурное развитие на предопределенность, и как следствие духовный догматизм. С другой же — жизненные реалии и практическое претворение коммунистических идеалов отражали отступление от основных постулатов, относительную гибкость в процессе становления. Условно культурный феномен советского строя можно разделить на две составляющие: политическую и духовно нравственную. На разных этапах развития соотношение их в процентном эквиваленте было различным (например, отступление Сталина в годы Великой Отечественной войны от официальной линии и сближение с духовенством), однако доминирующая роль всегда оставалась за политической составляющей. Это, как показала история, в конечном счете, приводит к краху системы, обратная ситуация к культурной революции и дальнейшему развитию (Китай).

В процессе построения социализма политическая линия сохраняла тоталитарный характер, малейшие расхождения от генеральной линии партии, сопровождались гонениями, общественной дискредитацией. За годы советской власти наблюдалось последовательное претворение духовных ценностей, в жизнь выражающееся в нравственном воспитании. Огромную роль здесь сыграло, прежде всего, образование, его вседоступность, обязательность, всесторонность. За время от «всеобуча» до развитой системы просвещения была проделана колоссальная работа. Подавляющее большинство России — неграмотное крестьянство переведено в качественно новое состояние благодаря обучению грамоте, тем самым нанесен сильный удар по прежнему социальному неравенству. Образование отличалось тесной связью с воспитанием личности, учебные заведения ориентировались на воплощение в программе обучения этических установок [4, с. 202].

Как известно все сферы жизни общества взаимосвязаны между собой и взаимообуславливают свои изменения. В советское время акцент в развитии делался на отдельные области, диктуемые гонкой вооружения, идеологическими предрассудками и догмами, вследствие этого ущербность и псевдо гармоничность к закату советской эпохи дошла до своего апогея.

С одной стороны пропаганда «советского образа жизни», культурного воспитания, начинающегося для детей еще со школьной скамьи, с первого ленинского значка «октябренка», являло собой образец нравственного воспитания, поведения в обществе, этикета, развития с юных лет патриотизма и любви к Родному Отечеству. В решении задач культурного становления молодого поколения были заняты все без исключения государственные и политические институты, радио, телевидение, газеты и т. д. С другой же стороны наблюдалось явное отставание в экономическом развитии от ведущих европейских стран. Сохранение командно-планового принципа построения приводило к изобилию дефицита. Цензура в социальной и политических сфере возвращала противоречия и диссидентство. Следствием экстенсивных методов производства являлось снижение эффективности применения новых технологий. Все это привело к возросшему антагонизму, вылившемуся в «Перестройку» и прекращение существования СССР. Распад Советского Союза и последующее становление России, как социально-историческое явление, в силу прошлых противоречий, сопровождалось перераспределением потенциалов, сменой приоритетов в развитии с прежних культурных на позиции производства. В результате мы получили противоположно полярную картину, где «советские культурные идеалы» изгоняются в забвение. Такие отношения грозят порождением очередной крайности.

За время перехода в современную историческую формацию воспитано целое поколение в духе новых ценностей. Многие сегодня ошибочно считают, что понятие культуры, духовных ценностей носит преимущественно прикладной характер и в наше время является чем-то отстраненным от практики. В истории существует немало примеров отражающих подлинную практическую сущность культуры. Целые цивилизации прекращали свое существование в первую очередь в силу внутреннего культурного дисбаланса и, в конечном счете, разложения. Причем это возникало как по причине упадка (Римская империя), так и из-за резвившегося догматизма и подмены ценностей (СССР).

Современный механизм развлечений препятствует духовному росту. Мы просто созерцаем мелькающие пред глазами картинки, стараемся быстро схватывать и понимать быстро меняющиеся образы. А между тем, самым главным элементом приобщения к культуре является обращение человека внутрь самого себя. Огромная сумма знаний, которую преподносят сегодня, не может быть использована в жизни. Вот как об этом говорит сам Й. Хейзинг: «Непереваренные

знания тормозят работу мысли, преграждают дорогу мудрости. Многознание превращается в маломудрие».

Таким образом, становится очевидным, что культурная составляющая, базирующаяся на духовных ценностях, играет огромную роль в становлении и развитии здоровой личности, здорового общества. Необходимо учесть уроки данные нам историей, не предаваться крайностям в вопросах анализа и принятия решений. Культурный дисбаланс (идеологизация и обратная крайность — нравственная вакханалия) приводит неотвратимо к изменениям в других сферах жизни общества, нарастанию избыточного напряжения, которое, как правило, выливается в революции, войны и прочие насильственные перемены. Культурное развитие сегодня требует учета анализа возможных изменений в иных сферах. Системный подход должен применяться комплексно и на протяжении всего процесса преобразований, с корректировкой задач, способствования их решения в зависимости от текучести изменений в современности. Сейчас существует вероятность реализации духовных ценностей, используя телевидение, развивающуюся сетевую инфраструктуру с имеющимися в ней социальными сетями, сайтами, сообществами. Пресса в наше время издается как в печатном, так и в электронном виде, что существенно расширяет возможности ознакомления с материалом. В настоящий момент у большинства граждан есть возможность выхода в глобальную информационную сеть «Интернет», являющуюся всеохватывающим информационным порталом. Существует большое количество виртуальных развлечений, симуляторов, форумов для он-лайн общения, что значительно расширяет возможности для культурно-информационного воздействия, процесса нравственного воспитания. Есть также возможность проведения интернет-конференций, дебатов и брифингов. Анализ и оценка результатов может осуществляться, используя интерактивный мониторинг информации в виртуальных сетях. Что касается осознания культуры как социальной составляющей, то здесь важно произвести переоценку места культуры в жизни общества, отойти от отвлеченно-прикладного понимания ее сути. Этому должна способствовать:

1. выработка и пошаговая реализация методологии, системы нравственного воспитания;
2. интеграция культурного воспитания в различные сферы производства и общественных отношений, упрочнение позиций всеобщего охвата, и как следствие отказ от укореняющегося обособленно второстепенного понимания;

3. повышения актуальности проблематики духовного развития, увеличение занятости граждан в культурной жизни государства;

4. формирование в современных условиях менталитета социума ценностной направленности.

Необходимо сознавать, что от состояния культуры сегодня зависит воспитание духовности, нравственности, патриотизма молодого поколения, и в конечном итоге будущее нашей страны.

Список литературы:

1. Лактионов А.А. Информационное общество: М.: АСТ Мидгард, 2004. — 507 с.
2. Кохановский В.П. Философия: учеб. пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. — 576 с.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1995. — 928 с.
4. Каменец А.В. Политическая культура России: учеб. Пособие. М.: Брандес, 1997. — 141 с.

3.3. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Грызова Ульяна Игоревна

*преподаватель, кафедра философии науки и социологии,
Оренбургский государственный университет,
г. Оренбург
E-mail: ulya87@mail.ru*

Характер заявленной темы диктует необходимость предвзвешивать обсуждение связей с общественностью как варианта социальной технологии уточнением и соотношением содержания соответствующих понятий.

В наши дни понятие «социальная технология» получило широкое распространение во многих сферах социально-гуманитарного знания. Более того, данное понятие постепенно становится все более отчетливым выражением созидательного потенциала этого знания. Его содержание при этом обогащается. Так, еще в 1984 г. в работе г. И. Иконниковой указывалось, что социальная технология — это «своеобразный механизм соединения знаний с условиями их реализации. Именно через технологизацию знаний получает сознательное выражение отношение людей к организации их деятельности по реализации поставленных целей и задач» [5, с. 27]. В «Новой философской энциклопедии», изданной в 2010 г., социальные технологии трактуются как «практически ориентированное социальное знание, имеющее целью создание и изменение организационных структур, и управление социальным поведением людей; совокупность методов и приемов решения задач (достижения целей), выработанных в процессе социального планирования и социального проектирования» [3, с. 65].

Важно подчеркнуть, что социальные технологии не являются выдумкой досужих теоретиков, а их повсеместное внедрение не имеет ничего общего с преходящей модой. Такие технологии возникают естественным образом как атрибут общества, достигшего такого уровня развития, который имеет место сейчас.

Анализ разнородных и разнообразных литературных данных и их творческое переосмысление позволили нам установить, что социальные технологии представляют собой целенаправленное

алгоритмизированное практическое использование соответствующими специалистами комплексов форм, средств и методов коммуникативно-управленческой деятельности, с высокой мерой вероятности приводящее к успешной реализации поставленных целей и задач. По ходу применения этих технологий происходит, как пишет В.Г. Афанасьев, переход объективных законов развития общества в механизм социального управления [1].

Сферами, в которых в современную эпоху в первую очередь сосредоточены процессы реализации возможностей социальных технологий, выступают бизнес, политика, деятельность органов исполнительной власти и некоммерческих организаций. Однако интенсивное вовлечение обсуждаемых технологий в разрешение все более многообразных социокультурных проблем позволяет сделать предположение о том, что в обозримом будущем их использование станет неотъемлемой составляющей любых событий, вызывающих интерес у каких-либо человеческих сообществ.

Перейдем к понятию «связи с общественностью». Феномен, мыслимый в данном понятии, обнаруживается как система информационно-аналитических действий, чей принцип заключается в обеспечении реализации целей субъекта управления на основе честного и уважительного отношения к тем лицам и организациям, на которые направлено его влияние [7]. Смысл функционирования связей с общественностью, представляющих собой социально-коммуникативную технологию управления [4; 6] состоит, как мы полагаем, в оптимизации отношений реализующих его субъектов со значимыми для них фрагментами социальной среды.

Реалии современной российской социокультурной действительности таковы, что нашим соотечественникам не вполне ясно, чем же все-таки являются связи с общественностью по своей сути: кому-то выгодным изощренным манипулированием людьми с целью искажения их представлений о подлинном положении вещей, или же этически вполне допустимым механизмом эффективного управления общественным мнением. Это непонимание вполне объяснимо. Дело в том, что всякая технологичность, как вполне резонно отмечает В.П. Барышков [2], имеет манипулятивную составляющую. Тем не менее, надо полагать, что обсуждаемая технология, подобно едва ли не всякому иному социально обозначающемуся феномену, сама по себе этически нейтральна. Разрушительный или же созидательный вектор воздействия на общественное мнение ей придают конкретные индивиды и их группы. И если специалисты по реализации интересующей

нас технологии станут придерживаться декларируемых соответствующими международными и национальными организациями целей и норм профессиональной деятельности, а в существующих законодательных актах будут представлены аналогичные правовые нормы и предусмотрены действенные санкции за их нарушения, то связи с общественностью с большой вероятностью окажутся позитивным фактором социокультурного развития нашей страны и каждого ее гражданина.

Нет никаких сомнений в том, что связи с общественностью могут быть целенаправленно использованы как весьма продуктивный социально-технологический механизм обеспечения внутренней и внешней гармонии той социокультурной системы, в рамках которой они воплощаются в жизнь [8]. Следует обратить внимание и на то, что вносить важный, порой решающий вклад в возникающий совокупный гармонизирующий эффект данной технологии помогает актуализация ее потенциалов по упорядочиванию входящей и исходящей информации, циркулирующей в социокультурном пространстве.

Стоит отметить также, что информационно-коммуникативное взаимодействие, осуществляемое в рамках связей с общественностью, окажется эффективным только тогда, когда ему будет присущ субъект-субъектный характер. Иначе говоря, применение данной технологии даст искомый результат в том случае, если адресат управляющего воздействия (часть его целевой аудитории) выступит в этом процессе не пассивно претерпевающей стороной, а стороной активной, адекватно реагирующей на все воспринимаемое. При этом субъект, осуществляющий воздействие, может быть признан ведущим, а субъект, воспринимающий его — ведомым.

Далее имеет смысл указать на то, что социальные технологии призваны обеспечивать успешное решение множества разнообразных информационно-коммуникативных задач, постоянно встающих перед обществом и его членами. Примерами таких задач являются стимулирование процессов изменения того или иного объекта, стабилизирование его состояния, прогнозирование изменений в его состоянии, проектирование его желательного состояния и т. д. Думается, что в перечень задач, решаемых посредством применения социальных технологий, надо обязательно включить и позиционирование какого-либо объекта. Соответственно технологии, для которых данная задача является приоритетной, следует причислить к позиционирующему типу.

В число технологий позиционирующего типа могут быть включены те, которые обеспечивают создание положительного

имиджа определенных лиц или организаций и по своей сути довольно-таки явственно тяготеют к использованию с целью влияния на общественное мнение. Причем подавляющее большинство технологий рассматриваемого типа с полным на то основанием должно быть квалифицировано как различные модификации связей с общественностью.

Применение социальных технологий позиционирующего типа предполагает, что транслирование социальной информации о некотором объекте должно проходить так, чтобы часть целевой аудитории, включившейся в данный процесс в роли ведомого субъекта, индивидуального или совокупного, получала представления о признаках, выгодно отличающих его от всех иных, в том числе и очень похожих объектов и, как следствие, обрела устойчиво-положительное отношение к нему. Связи с общественностью, как и другие технологии подобного рода вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств всегда направлены на то, чтобы в сознании ведомого субъекта сложился стереотип, обеспечивающий именно такое отношение к объекту с его стороны, которое нужно ведущему субъекту.

Список литературы:

1. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981. — 432 с.
2. Барышков В.П. Знание и социальные технологии [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/63395/Baryshkov.pdf>.
3. Быченков В.М. Технологии социальные // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. — С. 65.
4. Гавра Д.П. Социально-коммуникативные технологии: сущность, структура, функции // Петербургская школа PR и рекламы: от теории к практике. Вып. 1: сб. статей; отв. ред. А.Д. Кривоносов. СПб.: Роза мира, 2003. — С. 28—46.
5. Иконникова Г.И. О понятии социальной технологии // Философские науки. — № 5. — 1984. — С. 21—29.
6. Кужелева-Саган И.П. Онто-гносеологические и философско-методологические основания научного знания о связях с общественностью: автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.01. Томск, 2008. — 46 с.
7. Кузнецов В.Ф. Связи с общественностью: Теория и технологии: учебник. М.: Аспект Пресс, 2007. — 302 с.
8. Поверинов И.Е. Паблик рилейшнз как механизм гармонизации социальной среды: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Саранск, 2000. — 16 с.

РЕЛИГИЯ И СОЦИАЛИЗМ: СХОДСТВА И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Редкокашина Валерия Валерьевна

*соискатель кафедры Философия Волгу,
г. Волгоград*

E-mail: redkokashinavaleriya@mail.ru

В центре внимания настоящего исследования сравнительный анализ таких идеологий, как религия и социализм. В процессе работы производится ссылка на различные социальные доктрины религии. В заключении сделаны выводы, касаемые точек соприкосновения двух рассматриваемых мировоззренческих позиций.

Любое общество, помимо всего прочего, представляет собой совокупность различных идеологий. Если вести речь о социумах демократического толка, то здесь практически все мировоззрения (за исключением, разумеется, откровенно антигуманистических) находятся в равном положении и имеют возможность полноценного взаимодействия, оказывая, таким образом, определенное влияние на общественный прогресс. Однако в случае различных авторитарно-тоталитарных режимов те или иные идеологические позиции нередко находятся в конфронтации, полностью отрицая какую-либо социально-историческую ценность друг друга. Религия во все времена играла значительную роль в политической системе, нередко находясь в положении единственной государственной идеологии. Так, например, А.С. Хомяков рассуждал следующим образом: «В нашем отечестве общее положение дел, в отношении к вере, по крайней мере, удовлетворительно и было бы еще лучше, если б у нас было поменьше официальной политической религии, если бы правительство могло убедиться в том, что христианская истина не нуждается в постоянном покровительстве, и что чрезмерная о ней заботливость ослабляет, а не усиливает ее. Расширение умственной свободы много бы способствовало к уничтожению бесчисленных расколов самого худшего свойства, которые беспрестанно возникают и распространяют свое вредное влияние в простом народе» [8, с. 319]. И, если в Российской Империи религия в лице православия сама являлась идеологией, то в Советском Союзе произошло упомянутое выше «столкновение» данной формы мировоззрения с уже новой государственной идеологией — социализмом. При формальном праве на свободный выбор

вероисповедания религиозная составляющая бытия фактически оказалась вне закона.

Безусловно, подобное положение дел отнюдь не являлось случайным. В.И. Ленин ясно говорил о том, что «Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством» [3, с. 3]. Следовательно, можно констатировать, что при такой разновидности социализма (т. е. атеистического) неизбежно имело место «вытеснение» из полноценной общественной жизни ряда членов социума, являющихся приверженцами религиозного мировоззрения. Неслучайно И.А. Ильин утверждал следующее: «Социализм антисоциален потому, что он убивает творческую инициативу; уравнивает всех в нищете и зависимости, чтобы создать новую привилегированную касту партийных чиновников-угнетателей; проповедует классовую ненависть вместо братства; правит террором, создает рабство и выдает его за справедливый строй. Именно поэтому истинную социальность (свободу, справедливость и братство) надо искать в несоциалистическом строе» [2, с. 39].

При этом необходимо понимать, что социализм в целом не может предполагать ни обязательного государственного атеизма, ни ущемления прав личности, равно, как и религия. Соответственно, главная общая черта данных идеологий заключается именно в том, что та или иная государственная власть может, условно выражаясь, придать им соответствующую окраску, необходимую для претворения в жизнь определенной политики. Как справедливо замечал Н.А. Бердяев, «Государство по своему происхождению, сущности и цели совсем не дышит и не движется пафосом свободы, ни пафосом добра, ни пафосом человеческой личности. Государство есть прежде всего организатор природного хаоса, оно движется пафосом порядка, силы, мощи, экспансии, образования больших исторических тел» [1, с. 172].

Итак, использование тех или иных (изначально весьма безобидных) идеологий в качестве своего рода механизма для подавления инакомыслия является обычной практикой со стороны тоталитарной системы. Так, в основе политики Советского Союза стоял приоритет определенного класса над интересами индивидуума. В конечном итоге утопичность коммунистической идеи сыграла свою отрицательную роль и привела к распаду государства. Что же касается религии, то здесь необходимо отметить, что данная форма общественного сознания допускает сотрудничество с государственной

властью, ни примыкая к этой самой власти. Именно на подобного рода принципе отчасти базируются все современные легитимные социальные доктрины различных вероучений. В. Соловьев в работе «Оправдание добра» писал, что: «С христианской точки зрения государство есть только часть в организации собирательного человека, — часть, обусловленная другою, высшей частью — церковью, от которой оно получает свое освящение и окончательное назначение — служит косвенным образом в своей мирской области и своими средствами той религиозной цели, которую прямо ставит церковь, — приготовлению человечества и всей земли к Царствию Божию. Отсюда две главные задачи государства — консервативная и прогрессивная: охранять основы общежития, без которых человечество не могло бы существовать, и затем улучшать условия этого существования, содействуя свободному развитию всех человеческих сил, которые должны стать носительницами будущего совершенного состояния и без которых, следовательно, Царствие Божие не могло бы осуществиться в человечестве» [5, с. 529—530]. Так, в «Основах социальной концепции РПЦ» говорится, что «Во взаимоотношениях между Церковью и государством должно учитываться различие их природ. Церковь основана непосредственно Самим Богом — Господом нашим Иисусом Христом; богоустановленность же государственной власти являет себя в историческом процессе опосредованно. Целью Церкви является вечное спасение людей, цель государства заключается в их земном благополучии» [5].

Таким образом, можно прийти к выводу, что главной отличительной особенностью рассматриваемых идеологий является отношение, иначе говоря, соприкосновение с государством. Если социализм представляет собой сугубо государственное явление, то религия (о чем свидетельствуют соответствующие социальные доктрины) в принципе не является связанной с определенной государственной системой, поскольку направлена в первую очередь на отражение внутреннего мира индивидуума. Соответственно, малейший выход вероучением за данные рамки, неизбежно приводит к нарушению собственной социальной доктрины, которую вполне можно охарактеризовать, как один из показателей эволюции данной формы общественного сознания.

Следует отметить, что именно суть идеологии определяет отношение последней к личности, ее правам и свободам. Небезосновательно утверждение Ф. Энгельса относительно того, что «В истории первоначального христианства имеются достойные внимания точки соприкосновения с современным рабочим движением.

Как и последнее, христианство возникло как движение угнетенных: оно выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов. И христианство, и рабочий социализм проповедают грядущее избавление от рабства и нищеты; христианство ищет этого избавления в посмертной потусторонней жизни на небе, социализм же — в этом мире, в переустройстве общества» [4, с. 467]. Вот и в современных социальных концепциях религии имеются положения, свидетельствующие о четко выраженной социальной направленности данного института. Так, например, согласно Социальной позиции протестантских церквей России «Христианин должен заботиться не только о собственном благополучии, но непременно и об улучшении качества жизни других людей по принципу: *«Возлюби ближнего, как самого себя» (Мк. 12:31)*. Сознывая ценность каждой человеческой личности, созданной Творцом по Его образу и подобию, мы определяем «ближнего» не по конфессиональной, национальной или родственной принадлежности. Для нас ближний тот, кто нуждается в помощи, которую мы способны оказать" [7].

Итак, религия и социализм представляют собой весьма сложные и неоднозначные идеологии, которые играли и продолжают играть значительную роль в истории. Более того, данная роль подлежит непрерывному изучению со стороны историков, философов, обществоведов и проч.

Религия, будучи специфической формой мировоззрения, отражающего соответствующий многокомпонентный (причем, всегда сугубо индивидуальный) духовный мир человека, не может быть тотально переплетена с тем или иным государством. Последнее, в свою очередь, является сугубо «земным» институтом, в основу которого должен быть положен полноценный диалог различных мировоззрений.

Социализм же в первую очередь следует охарактеризовать, как государственную политику, суть которой также заключается в неукоснительном соблюдении прав граждан вне зависимости от их мировоззренческих позиций. Здесь в принципе не могут иметь места такие факторы, как: популистское провозглашение всеобщего равенства, сводящееся на практике к банальной «уравниловке», провозглашение приоритета интересов определенного класса перед интересами конкретного индивидуума, а равно тотальное неприятие религиозной составляющей бытия.

Однако различные государственные режимы могут по-разному использовать рассматриваемые идеологии, нередко извращая

их изначальную суть, заключающуюся прежде всего в защите индивидуума от всяческой несправедливости.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. — М.: Республика, 1993. — 383 с. — (Библиотека этической мысли).
2. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948—1954 годов. В 2 т. Т. 1 / И.А. Ильин. — М.: МП «Рарог», 1992. — 344 с.
3. Ленин В.И. Социализм и религия; Об отношении рабочей партии и религии / В.И. Ленин. — М.: Политиздат, 1988. — 24 с.
4. Маркс К. Сочинения; изд-е 2-ое / К. Маркс; Ф. Энгельс. — М.: Гос. изд-во полит. литер-ры, 1962. — 804 с.
5. ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] / Архиерейский собор 2000 г. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422> — 2012. — 06 сент. — Загл. с экрана.
6. Соловьев В.С. Оправдание добра / В.С. Соловьев. — М.: Республика, 1996. — 480 с. — (Б-ка этической мысли).
7. Социальная позиция протестантских церквей России [Электронный ресурс] / Религия и СМИ. — Режим доступа: <http://www.religare.ru/print7724.htm#14> — 2012. — 06 сент. — Загл. С экрана.
8. Хомяков А.С. Сочинения богословские / А.С. Хомяков. — С.-Петербург: Наука, 1995. — 479 с.

3.4. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ АНИМЕ В КОСПЛЕЕ

Самойлова Елена Олеговна

*магистрант 2 курса, ФГБОУ ВПО
«Пятигорский государственный лингвистический университет»,
г. Пятигорск
E-mail: blu_sky_angel@mail.ru*

Шаев Юрий Михайлович

*канд. филос. наук, доцент
кафедры философии культурологии и этнологии, ФГБОУ ВПО
«Пятигорский государственный лингвистический университет»,
г. Пятигорск
E-mail: existentia20065@yandex.ru*

Проблема интерпретации, рассматриваемая на протяжении веков целыми поколениями философов и мыслителей, приобретает особое значение в XX и в XXI веках, в связи с технологическим, информационным и культурным развитием. Текст, являющийся основным элементом интерпретации, перестает мыслиться как нечто материальное, написанное, теперь им становится все то что воспринимает и понимает человек. Элементы культуры также кристаллизуют различные мысли и идеи, имеют определенную направленность. Феномен культуры становится текстом, который не напрямую, а иносказательно, пытается донести ту или иную идею. В качества зафиксированной идеи, каждый элемент культуры становится сложным знаком, который несет тот или иной смысл, и может отсылать нас к целому ряду взаимосвязанных идей. Общеизвестно, что знаками могут выступать вполне реальные вещи, так и идеальные. Более того идеи и смыслы к которым они отсылают могут быть вымышленными, или находится в виртуальной реальности. Однако это не исключает их взаимодействия. Такое взаимодействие двух реальностей и культуры, мы можем наблюдать в феномене косплея.

Термин «*косплей*» происходит от английского «*costume play*» и означает «*костюмированная игра*». Однако *косплей* — это не театрализованное представление (хотя элементы театра

и актерской игры являются несомненным атрибутом косплея), — это особый феномен искусства, который сочетает в себе элементы традиционной восточной культуры, компоненты западной культуры, и который поддерживает постоянную связь с кибер-феноменом аниме (японские мультфильмы).

Как мы писали выше, различные элементы культуры можно рассматривать в качестве сложных текстов, которые зачастую без контекста бывает трудно, или даже почти невозможно, понять и интерпретировать. Персонаж аниме реальности так же представляет собой текст, или определенное письмо, поскольку он доступен для понимания и восприятия, и которое актуализируется посредством визуализации в вымышленном мире аниме, и реализуется в актуальном мире живыми людьми. Как отмечал Ф. Понж в книге «На стороне вещей»: «Возможно, все и вся — и даже мы сами — суть лишь представления божественной материи: тексты, созданные её гениальным воображением. Оттого в некотором смысле, можно сказать, что вся природа, в том числе и люди, — это не что иное, как письмо; но письмо особое — не означающее, так как оно не отправляет на к какой-то конкретно системе значений; поэтому речь идет о мире безграничном — в буквальном смысле его непомерном, без меры» [4, с. 133]. Но, как и любой текст, героев аниме возможно интерпретировать. Способ их интерпретации называется косплеем.

Косплей — это своего рода индивидуальное искусство, которое состоит в интерпретации героев аниме, фильмов, компьютерных игр, манги и комиксов. Тем самым, косплей можно рассматривать в качестве интерпретативного феномена. Как отмечал, Хосе Ортега и Гассет «Искусство — это отражение жизни, натура, увиденная сквозь индивидуальную призму, воплощения человеческого и т.д.» [5, р. 353—386]. Косплей полностью соответствует, данному утверждению. Являясь частью массовой культуры, из-за связи с компьютерными и виртуальными феноменами, косплей, однако остается феноменом, где сильны индивидуальные особенности интерпретации персонажей. Причем это касается не, только внутренних качеств, внутреннего мира, но и даже внешнего вида. Так, косплееры на один и тот же костюм выбирают разные ткани, зачастую варьируются и цвета. Все это зависит от индивидуальной перцепции, как внешнего вида, так и внутреннего мира героя. Поэтому разнятся и костюмы и актерская игра косплееров. Ведь одному косплееру, герой запомнился как позитивный, вечно радующийся жизни, другому как переживающий тяжелые моменты прошлого, вечно вспоминающим что-то грустное и печальное.

Косплей это особый вид интерпретации, которая «...является плодом индивидуального искусства, а искусство овладения ею зависит от гениальности интерпретатора» [2, с. 108]. Хорошо выполненный косплей всегда привлекает внимание, и дело здесь не только в качественно выполненном костюме. Немало важную роль играет и актерское мастерство косплеера, который должен быть способен передать то или иное чувство персонажа, выразить его радость, боль, счастье или грусть. Любой косплеер является интерпретатором виртуального персонажа. Но, как и сложный текст, который для перевода требует определенных навыков и умений, а зачастую и помощь опытного переводчика, косплей так же может интерпретироваться по-разному: от начинающих косплееров (или косплей «из шкафа») до профессиональных косплей-моделей.

Персонажи аниме, коих пытаются интерпретировать косплеер, являются компонентами так называемого «третьего мира». Как известно понятие «третьего мира» было введено впервые К. Поппером, и под которым он подразумевал — содержание книг, библиотек, памяти компьютеров [3, с. 295—296]. Содержание аниме-реальности также возможно отнести к «третьему миру», так как само аниме и идеи, которые оно манифестирует, является продуктом человеческой деятельности, человеческого сознания. Несмотря на то, что «третий мир» отчасти является автономным (имеет свой временной и пространственный континуум), он неразрывно связан с «первым» (мир физических объектов, материальный мир) и «вторым» (мир душевных состояний, психологических проявлений) мирами. В косплее связь все трех миров проявляется наиболее отчетливо, однако идет она не от «первого мира» к «третьему» а наоборот: от виртуальной реальности к реализации персонажа в актуальной действительности.

«Третий мир», к которому и относятся аниме герои явление сложное и противоречивое, которое посредством косплея актуализируется «здесь» и «сейчас». Несмотря на то, что косплеер актуализирует чуждый феномен для нашей с вами реальности, герой аниме так и остается «чужим» для нее. Настоящее бытие «принимает» его только на определенное время, например на время фотосессии или аниме-фестиваля. Эта «временность» позволяет человеку примерить различные образы: побыть и эльфом, и рыцарем, и самураем; и даже на время наделить себя качествами которыми он ранее не обладал: храбростью, решительностью, мужеством.

«Второй мир» представлен чувствами, эмоциями, и в целом, психологическим состоянием аниме-героя. Сложность интерпретации

данного «мира» состоит в том, что различные люди оценивают внутренние характеристики героя по-разному. Так как герои аниме, являются зачастую сложными персонажами, то разные косплееры видят его с различных точек зрения: один может обратить внимание на его веселость и добродушие, другой на обидчивость и трогательность и т. д. В связи с этим возникает конфликт интерпретаций: когда одного и того же персонажа изображают-играют по-разному, и зачастую даже хорошо подготовленный костюм не спасет косплеера, если он не сумел показать внутренний мир выбранного им героя.

«Первый мир» в косплее представлен реализацией внешнего вида персонажа, а также окружающей человека актуальной действительностью, которую он старается максимально точно приблизить к альтернативной реальности. Окружающей его мир становится как бы отражением части виртуального мира, его двойником. Хотя данное свойство «похожести» временно. Настоящая реальность будет связана с аниме героем-косплеером только на время, пока не закончится фотосессия, после она снова станет частью актуальной действительности, которая уже расторгнет всякие связи с виртуальным аниме миром.

Однако, не смотря даже на качественный костюм, и хорошую актерскую игру полностью воплотить все онтологические потенции невозможно персонаж есть симулякр. Материальный двойник виртуального образа. Если, по мнению Ж. Бодрийера «двойник — воображаемая фигура», то косплей опровергают данный постулат. Человек не являясь «воображаемой фигурой» актуализирует в реальности виртуального героя. В своей книге «Соблазн», Ж. Бодрийер указывает на то, что «материализация двойника делает смерть неотвратимой...» [1, с. 289] т. е. наступает смерть оригинала. «Смерть» оригинала, в данном случае аниме персонажа, невозможна, как и смерть человека. Перевоплощаясь в аниме героя, человек не только сближает две реальности: виртуальную и актуальную, но и актуализирует аниме героя. Его собственная личность отходит на второй план, но полная «смерть» ее невозможна, в частности и оттого что персонаж, выбранный им, может быть ему не близок, его чувства чужды ему, а манера поведения отталкивает. Все это ведет к тому, что полноценный симулякр виртуального героя становится невозможным, и личность человека прорывается наружу. Тогда имеет место так называемое «отсутствие отыгрыша», когда косплеер не сумел передать внутренний мир героя. Отношение между героем аниме и косплеером должны быть основаны не только на внешнем сходстве (хотя и оно важно), но на внутренних свойствах, интимной

близости душ, без которых полноценный косплей просто невозможен. Герой и косплеер должны дополнять друг друга, а не противоречить. Выбирая персонажа, косплеер основывается не только на внешнем сходстве, но и на сходстве внутреннем, или выбирает героев, чьи душевные качества ему не хватает в актуальной действительности. Тем самым происходит процесс временного насыщения человека, чуждыми (но желанными для него) в реальной жизни характеристиками.

Таким образом, современное явление японской культуры косплей, представляет собой сложный, многоструктурный феномен, который реализует различные онтологические аспекты виртуального и реального бытия. Персонаж аниме реальности представляет собой сложный знак, который реализуется в трех мирах: виртуальном (вымышленный мир аниме героев), в мире чувств и переживаний человека, и в реальном (материальная реализация аниме героя). Все три мира взаимосвязаны друг с другом, дополняют друг друга. Косплеер, в свою очередь, вбирает определенные качества персонажа, временно «становится» им. Тем самым, косплей позволяет осуществить не только взаимопроникновение двух реальностей, но и взаимодействие человека и вымышленного героя.

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. — 317 с.
2. Герменевтика история и современности (критические очерки). М.: Мысль, 1985. — 303 с.
3. Никоненко С.В. Английская философия XX в. СПб.: Наука, 2003. — 776 с.
4. Понж Ф. На стороне вещей. М.: ИТДК «Гнозис», 2000. — 202 с.
5. Ortega y Gasset J. La desumanización del arte. Madrid, 1950. — P. 256—386.

СЕМИОТИКА РЫНКА И КИБЕРПРОСТРАНСТВО

Шаев Юрий Михайлович

канд. филос. наук, доцент

*кафедры философии культурологи и этнологии, ФГБОУ ВПО
«Пятигорский государственный лингвистический университет»,*

г. Пятигорск

E-mail: existentia20065@yandex.ru

В настоящее время происходит быстрое развитие информационных технологий и их проникновение во все сферы жизни. Особенно быстро и интенсивно информационные технологии проникают в экономическую сферу жизни общества. Это проявляется в том, что рыночные отношения оказываются тесно связанными с различными сегментами киберпространства как особой информационной среды. В настоящее время можно зафиксировать следующие тенденции в ходе процесса сближения и взаимопроникновения рыночных процессов и самой среды киберуниверсума.

Во-первых, рынок вбирает в себя и широко использует семиотические ресурсы киберпространства. Это касается тех явлений, в которых рыночная система использует все ресурсы киберпространства для повышения своей эффективности, что касается как функциональных аспектов, так и семиотических аспектов. Сюда можно отнести рост и развитие сети интернет-магазинов, аукционов, различных сервисов и услуг. Данные субъекты рыночной системы, существующие в киберпространстве, позволяют повысить эффективность рыночных показателей прибыли, снижения транзакционных издержек, снижения временных потерь. Сюда же можно отнести вопросы, связанные с технологическими и техническими аспектами информационных технологий, например, процессы обновления аппаратной части компьютера (hardware).

Развитие производительности современных компьютеров идет настолько быстрыми темпами, что производительность вырастает в разы и на рынке появляются компьютеры, производительность которых является даже излишней для выполнения некоторых задач. Это касается использования компьютерной техники в офисных целях, когда наличие сверхвысокой производительности не является необходимой. Здесь вполне справедливы марксистские выкладки, касающиеся развития производственных отношений и производительных сил. Последние всегда развиваются быстрее и опережают производственные отношения, тот экономический уклад, который

существует в обществе. Это можно проиллюстрировать не только на примере усиления морального устаревания компьютерной техники и информационных технологий, но и устаревания правового компонента надстройки общества, если пользоваться марксистскими терминами.

Говоря о возможностях виртуального пространства в экономической сфере, следует отметить огромную роль виртуальной реальности и особенно сети Интернет в развитии финансовых и сырьевых рынков, операции на которых невозможны на сегодняшний день без активного использования информационных технологий. Ведущие торговые площадки, будучи соединенными посредством информационного пространства, чутко и мгновенно реагируют на изменения в производственной, политической обстановке в тех или иных регионах. В настоящее время они представляют собой сложнейшие системы, анализ устройства и функционирования которых — отдельная тема исследований.

Говоря в самом общем смысле, функционирование рынка помимо экономической логики подчиняется еще и логике семиотической. Если рассматривать процесс ценообразования и динамики цен на те или иные товары, то здесь можно обнаружить семиотические закономерности, так как изменения цен — это не только некая фактическая данность для субъектов рыночной системы — начиная от домашних хозяйств и кончая государством, это еще и система знаков и знаковых комплексов, ориентируясь на которые множество экономических субъектов выстраивает поведение.

Цены могут фиксировать и обозначать как внутризэкономические интернальные закономерности, так и, например, политические изменения, социологические явления (вспомним хотя бы «парадокс бережливости» Д.М. Кейнса [3] или более глубинные трансформации общественных настроений. В виртуальной среде, которая сегодня пронизывает все уровни экономической системы общества эти семиотические особенности и механизмы рынка становятся особенно явственными.

Сегодня информационные технологии диктуют быстрый и по возможности свободный обмен результатами научной, творческой деятельности. Это может создавать проблемы с авторским правом, которое до сих пор консервативно в этом вопросе.

Рыночно-семиотические механизмы были описаны Ж. Бодрийаром в ходе критики политической экономии знака [1]. Так, например, рыночная система старается захватить индивида в сеть отношений, навязать ему целую сеть взаимосвязанных потребностей, где человек

выступает лишь своеобразной точкой их реализации. Причем, согласно основным положениям бодрийяровской критики, потребности человека как таковые никогда не исходят из самого существования человеческой субъективности, исходя из его природы, а всегда диктуются экономической системой, логика которой, в конечном счете, обуславливает и основные параметры системы политической. В целом, рыночно-политическая система стремится к тотализации контроля и к возможно более полному захвату индивида, превращению его в часть и функциональный элемент этой системы. Подобные процессы происходят и в виртуальной реальности. Это касается различных аспектов вовлечения человека в виртуальный мир, который захватывает индивида в экономическом отношении, но и вовлекает в отношении онтологическом, когда современный человек, выполняя свою работу или развлекаясь часы проводит во взаимодействии с компьютером, большое количество времени оставаясь «он-лайн».

Во-первых, стоит сказать о времени, которое проводит в сети, во взаимодействии с виртуальной реальностью современный человек. Это время постоянно увеличивается. Существуют различные виды и способы структурирования времени в киберпространстве: интернет серфинг, общение в сети, компьютерные игры. Каждый из этих компонентов тесно связан с рыночными и маркетинговыми механизмами. Например, в столь популярных сейчас социальных сетях представлены все эти компоненты.

В плане поиска информации сейчас появляются различные платные сервисы, специализированные программы и различные интернет-службы. Что касается общения, то и в этой сфере задействованы экономические механизмы.

В сфере компьютерных игр активно используются экономические механизмы. Сама компьютерная игровая индустрия приносит многомиллионный доход — доходы таких крупных компаний и студий, таких как Bethesda, Ubisoft, Акелла исчисляются миллионами долларов. Как и многие сферы экономики, она ориентирована на постоянное привлечение большого количества людей и удержание определенного контингента геймеров. Для этих целей используются специальные маркетинговые ходы, такие как выпуск сиквелов и приквелов популярных компьютерных игр, создание сетевых версий игр, выпуск символики и сувениров, поддерживающий интерес к той или иной игре.

Часто от правильно проведенной сегментации рынка и выстраивания по результатам анализа маркетинговой стратегии зависит

экономический успех того или иного проекта. Многие игры позволяют приобретать различные артефакты, которые в дальнейшем могут быть проданы в различных сетевых магазинах.

Иначе говоря, из области виртуальной реальности могут появляться товары, которые затем циркулируют на рынке. Данные товары обладают не только «потребительскими» свойствами — возможностью использования в дальнейшем игровом процессе, но и качествами и характеристиками престижа, о которых писал Т. Веблен [2], правда применительно к определенному сообществу людей — для других частей общества данные товары и блага могут быть лишены как потребительских качеств, так и качеств, связанных с социальными аспектами потребления. Особенно это касается купли-продажи достижений в тех или иных играх.

Итак, сферы современной рыночной экономики и киберпространства оказываются тесно связанными и взаимодействующими. Часто можно проследить действие одной семиотической логики, управляющей рыночными процессами и трансформирующей экономические принципы и закономерности в принципы устройства и функционирования различных слоев виртуального пространства.

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж.К критике политической экономии знака: перп с фр. — М.: Академической проект, 2007. — 335 с.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: «Прогресс», 1984. — 367 с.
3. Кейнс Д.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 2002 г. — 139 с.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

К ВОПРОСУ ПОДГОТОВКИ ТАТАРСКИХ УЧИТЕЛЕЙ В КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ МЕДРЕСЕ ДО КОНЦА XIX В.

Арсланов Алмаз Мехаметгалиевич

аспирант, К(П)ФУ,

г. Казань

E-mail: almazarslan@yandex.ru

Татары-мусульмане, в большинстве своем проживавшие в Восточной части Российской империи, имели сложившуюся веками традицию мусульманского образования. Точкой отсчета, по нашему мнению, надо считать принятие Ислама булгарами в 922 г., что повлекло установление дипломатических и других отношений с наиболее развитыми исламскими странами, а в последствии и перенятие научных и культурных достижений этих стран в Булгарию. Еще в X веке, по сообщениям арабского ученого, географа ибн-Руста, в Булгарских городах и селениях существовали мечети и начальные школы с муэдзинами и имамами [4, с. 49].

С завоеванием данных территорий монголами, а в последующем с образованием здесь Золотой Орды, традиции мусульманского образования не уходят в бытие, они перенимаются самой Золотой Ордой, а после распада данного государства воспринимаются казанскими татарами [2, с. 142].

Из застоя в системе образования, связанного с завоеванием Казанского ханства в 1552 г. войсками Ивана Грозного, а также немилостью государства по отношению к народностям, проживавшим на данной территории, татары-мусульмане начали выходить лишь к концу XVIII — началу XIX.

В начале XIX в. г. Казани было уже несколько мектебов и медресе, если быть точным к 1816 г. при 8 казанских мечетях были 4 школы, мектебы и медресе появлялись в селениях. К середине XIX в. только в Казанском крае насчитывалось 430 мектебов и 57 медресе [4, с. 58].

В данной статье мы хотим остановиться на наиболее существенных моментах народного, в частности, педагогического образования у татар до начала XX века.

Практически до конца XIX в. татары-мусульмане получали образование и воспитание в конфессиональных школах — в мектебах (Мектеп, мектеб, мактап (араб. *بئكم* — «там, где пишут»; письменный стол; школа) — мусульманская начальная школа в странах Востока и Российской империи) и медресе (Медресе (араб. *مدرسة*, букв. «место, где изучают») — мусульманское учебное заведение, выполняющее роль средней школы и мусульманской духовной семинарии). Школы были практически в каждой деревне и располагались при мечетях. Миссионер Я.Д. Коблов отмечает: «Среди народов, населяющих восточную часть России, татары-магометане занимают первое место. Процент грамотности среди них высок даже по сравнению с русскими. Из какого бы сословия ни происходил татарин, он непременно знает начало вероучения, умеет читать и писать по-татарски...» [5, с. 1], что также подтверждается словами К. Фукса: «Татарин не умеющий читать и писать, презирается своими земляками и, как гражданин не пользуется уважением других» [8, с. 126]. Что также подтверждается упоминаниями В.В. Радлова: «...Шакирды (учащиеся мусульманских учебных заведений) стоят умственно гораздо выше наших учителей приходских школ» [6].

Для подготовки педагогических кадров, вплоть до 70-х годов XIX в., не было специальных учебных заведений, соответственно, педагогический состав мектебов и медресе пополнялся за счет своих же выпускников. Например, в 1875 г. 86,7 % мулл-учителей Уфимской губернии образование получили в школах этой же губернии 206 [7, с. 61]. Распорядителем мектеба был мулла, но вопросы обучения учеников он возлагал на хальфу — шакирда не получившего никакого педагогического образования. В мектебах (начальной школе), где не было специально разработанных программ, ступени образования не были установлены. Обучение велось по строго чередующимся книгам, написанным в XI—XVI вв., содержание которых состояло из догматов веры и нравоучительных рассказов. В большинстве случаев очередность книг выглядела так: «Иман шарты» (букварь и догматы веры на татарском и русском языках),

«Ясин» (сура из Корана), «Хафтияк» (одна седьмая часть Корана) и Коран. Вот как характеризует обучение в медресе Дж. Валиди: «Начинающий ученик не только не понимал смысла этих сочинений, но даже не разбирал их букв и слов (...) только при дальнейшем продолжении курса, благодаря многократному повторению, ученик начинал осваиваться с буквами (...) и это — лишь при условии сравнительной способности ученика (...)» [3, с. 107].

После прохождения данного курса книг ученик имел право продолжить образование в медресе (высшей школе). В медресе, как в высшей школе, готовили учителей, способных преподавать в мектебах. Медресе имело 10 ступеней, каждая ступень, соответственно, носила название изучавшейся книги. Предметы обучения делились на две категории: «вспомогательные», для основательного и всестороннего понимания религии, и «основные», изучение собственно религии. В медресе углублялись знания по арабскому языку, логике, юриспруденции, мусульманской философии. На первой, второй и третьей ступенях обучали арабскому языку, а после этого приступали к «умственным» наукам (логика — «мантик» и философия — «хакмат»). Далее преподавались религиозные науки — «наклият» («келям»)-религиозная сторона, «фикх» и «усулу-фикх»-правовая сторона ислама). Арабский язык в медресе изучался как язык Корана и богослужения. Стоит отметить, что татарский язык не изучался вовсе, так как считался языком мужиков [3, с. 107].

Нельзя утверждать, что в медресе не преподавались светские науки. В программе они были представлены следующими предметами: «Фараиз», «Шамсия», которые заключали в себе математические сведения, трактат по логике — «Исагоги» (по Аристотелю), арифметика, сведения о браке, продаже, барыше, о закладке вещей, хифзысыххат (гигиена) и др. [1, с. 88].

К середине XIX века уже были видны слабые стороны традиционной системы образования, подготовки педагогических кадров татарского народа. Несоответствие по формам обучения, по содержанию образования требованиям педагогики, неизменность на протяжении десятилетий учебных программ, «схоластичность» образования, архаичность методики, отсутствие классно-урочной системы, отсутствие подготовки к последующей преподавательской работе приводило к трудностям в освоении знаний, а так как после окончания медресе шакирды становились муллами и учителями и преподавали так, как сами были обучены, получался некий «замкнутый круг».

Рост капиталистического производства и соответствующих ему производственных отношений, что в свою очередь повлекло за собой коренные перемены в обществе, затронувшие практически все стороны жизни, в том числе и сферу образования. Татарский народ, который сформировался в нацию именно во второй половине XIX века, не стоял в стороне от данных процессов, происходивших в общественной жизни Российской империи. Считаем нужным отметить, что результаты изменений можно увидеть уже к концу XIX — началу XX века: разрабатывается татарский язык и его грамматика, появляются книги по истории, географии, гигиене физике и др. на татарском языке, развивается литература, открываются школы, появляется театр и т. д. Ориентация татарской буржуазии поворачивается в сторону Запада, в частности Москвы.

Проникновение новых идей в жизнь татарской общины естественно отразилось и на деле образования. Татарская интеллигенция стала выражать недовольство системой конфессионального образования татарского народа, ее схоластицизмом, отдаленностью преподаваемого от повседневной практичной жизни, полного господства религии над наукой. Данное недовольство порождает возникновение в обществе реформаторско-просветительского движения — джадидизма. Джадидисты, среди которых выделяются видные ученые-педагоги Ш. Марджани, К. Насыйри, Р. Фахрутдинов, Г. Махмудов, Х. Фаизханов настаивали на необходимости реформы школьного образования, в частности включения светских наук в учебные программы медресе, изменения методов обучения и т. д.

К концу XIX — началу XX века дело подготовки татарских учителей перешло в ведение джадидистских или новометодных медресе и, отчасти, специализированных учительских школ — Казанской татарской учительской школы (1876—1917). Так как целью данного труда не ставился вопрос изучения способов подготовки учителей в реформированных, а также специализированных учебных заведениях, рассмотрение данной проблемы требует более тщательного изучения в последующих работах.

Подытоживая можно сказать, что подготовка учительских кадров вплоть до конца XIX в. имела установленную систему. Получив в мектебе базовое образование ученик-шакирд переходил в медресе, где и готовили мугаллимов, способных преподавать в мектебах, что и обеспечивало воспроизведение педагогических кадров для татарского народа. Но к середине XIX в. слабые стороны подготовки педагогических кадров татарского народа начали открыто проявляться отставанием татарского народа от темпов развития других

народностей, в том числе турецкого и русского. Несмотря на все недостатки классической системы образования, не стоит забывать, что многие представители интеллектуальной элиты, впоследствии сыгравшие важную роль в развитии татарского народа, среди которых выдающиеся татарские просветители, общественные деятели, историки, писатели Ш. Марджани, К. Насыри, Х. Фаизханов, с. Кукляшев, М. Акмулла, г. Махмудов, г. Ильяси, Р. Фахрутдинов, г. Баруди, Ф. Карими и многие другие вышли из медресе классического типа обучения.

Список литературы:

1. Амирханов Р.У. Татарское просвещение в зеркале истории (дооктябрьский период) / Р.У. Амирханов// Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. — Казань: Мастер Лайн, 2001. — с. 88.
2. Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья / В.М. Горохов. — Казань, 1941. — 260 с.
3. Дж. Валиди Очерк истории образованности и литературы татар: (до революции 1917 г.)/ Дж. Валиди. — Москва; Петроград: Госиздат, 1923. — с. 107.
4. История Татарской АССР: с древнейших времен до наших дней / под ред. З.И. Гильманова. — Казань: Изд-во Казанского университета, 1968. — 720 с.
5. Коблов Я.Д. Мечты татар-магометан о национальной общеобразовательной школе. / Я.Д. Коблов — Казань: 1908. — 20 с.
6. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Д. 56. Л. 15.
7. Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60—90 годы XIX века. / М.Н. Фархшатов. — М.: Наука, 1994. — 144 с.
8. Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Краткая история города Казани. / К. Фукс. — Казань: Фонд ТЯК, 1991. — 210 с.

РУССКАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ШКОЛА: ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Валиева Елена Николаевна

*канд. ист. наук, доцент Новосибирского государственного
архитектурно-строительного университета (Сибстрин),
г. Новосибирск*

E-mail: valieva.elena@mail.ru

Российская эмиграция занимает особое место в истории России XX века. Революционные события и Гражданская война способствовали тому, что порядка 2 млн. наших соотечественников вынуждены были в 20-е годы покинуть свою родину. Подавляющее большинство из них воспринимали эти жизненные перипетии как временное испытание, будучи уверенными в скором падении власти большевиков. «Розовые и красноватые, зеленые и белые, — писал в своих мемуарах великий князь Александр Михайлович, — они все ждали, когда падут большевики, чтобы вернуться в Россию...» [1, с. 365] Поэтому, особенно на первых порах, сильно было желание сохранить русскую культуру и ее основу — русский язык. В связи с этим организации русской школы за границей придавалось большое значение.

Этому процессу способствовали и иные причины. Во-первых, значительное количество русскоязычных детей, заинтересованных в получении образования: порядка 40—45 тыс. человек. [4, с. 79] Во-вторых, высокий процент интеллигенции в эмигрантской среде, в состав которой входили и работники образования, и деятели науки и культуры, что позволяло качественно решать кадровые вопросы в процессе организации школьного дела в условиях эмиграции. В-третьих, благоприятные условия, предоставляемые правительствами некоторых государств, таких как Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Болгария и др. Власти этих государств не только позволяли русским беженцам открывать свои культурные и образовательные учреждения, издательства, но и финансировали часть из них, способствовали трудоустройству инженеров, экономистов, деятелей науки и культуры.

Самым распространенным типом образовательного учреждения русского зарубежья стала гимназия. Наиболее соответствующим целям и задачам эмиграции был признан универсальный тип восьмиклассной смешанной гимназии с двумя концентриками. Наряду с гимназиями существовали и другие типы учреждений, соответствующих системе

образования дореволюционной России: начальные школы (церковно-приходские, государственные), реальные училища, профессиональные школы, курсы заочного обучения. Зачастую с учебными заведениями учреждались интернаты. Это было вызвано объективными условиями, в которых находились эмигранты. Например, в Болгарии из учащихся девяти школ 7 % были круглыми сиротами, 30,6 % — полусиротами [2].

Русская школа за рубежом работала по учебным планам гимназий и прогимназий, утвержденным Министерством народного образования дореволюционной России. Предпочтение отдавалось игнатьевской программе, которая сближала гимназию с реальной школой. Эта программа была универсальной и позволяла осуществлять непрерывность образования, что в условиях эмиграции было крайне важно. Также она обеспечивала выбор получения классического или реального образования. В ее основу была положена идея К.Д. Ушинского о национальном воспитании учащихся, поэтому первое место уделялось изучению родного языка и литературы — это соответствовало главной задаче эмигрантской школы. Программы предусматривала достаточное количество факультативов, что позволяло использовать их на изучение языка, литературы, истории и географии тех стран, где находились учебные заведения. Кроме того, она подразумевала совместное обучение юношей и девушек, что наряду с системой интернатов восполняло роль семьи.

Главными предметами эмигрантской русской школы оставались русский язык, литература, география, история, Закон Божий. Основной целью обучения являлось воспитание у русских учащихся уважения и любви к высшим ценностям отечественной культуры. Особое значение в новых условиях играла история: она оживляла чувство Родины, утерянное многими учащимися. Предполагалось даже ввести особую дисциплину — родиноведение, чтобы заразить учеников «чувством родины». Значительную роль в жизни русской школы играли внеурочные мероприятия, прежде всего, День русской культуры. Его празднование было приурочено ко дню рождения А.С. Пушкина — 6 июня, когда читались лекции по русской литературе, истории, исполнялись музыкальные и поэтические произведения российских авторов.

Отличительной чертой русских школ за рубежом является и проникновение в них трудового начала. Это было связано как с тяжелым материальным положением учебных заведений, которое заставляло администрацию организовывать учащихся для хозяйственных нужд школы, так и с необходимостью прививать трудовые

навыки для последующего более легкого трудоустройства выпускников. Нельзя не согласиться с выводом А.А. Стрельцова о том, что русская зарубежная школа представляла собой целостный педагогический феномен, несмотря на обширную географию, удаленность, зачастую замкнутость образовательных учреждений.

Формально история русской школы за рубежом берет свое начало в 1920 г. в турецком Константинополе. Большую роль тогда сыграл Всероссийский союз городов (Земгор), который изыскал средства и людей для организации гимназии. 5 декабря торжественно открылась константинопольская гимназия, где учились 320 детей. Ее директором стал А.П. Петров. К концу первого года своего существования количество учащихся увеличилось до 550 [5, с. 249]. Существовала гимназия на американские средства. В дальнейшем судьба ее свяжет с Чехословакией, предоставившей переселенцам комплекс из 32 зданий. Практически одновременно с константинопольской была открыта русско-сербская гимназия. Ее учредителем и директором стал бывший профессор Санкт-Петербургского университета В.Д. Плетнев. К 1929 г. в ней училось 250 чел [5, с. 252].

Всего, по данным Земгора, к началу 1924 г. за границей насчитывалось 90 русских школ, в которых обучалось 8835 учеников, в интернатах находилось 4380 детей [3, с. 21]. Таким образом, к концу 20-х гг. эмигрантская школа охватывала около 20 % подрастающего в эмиграции поколения. Основной причиной этого являлась неравномерность расселения эмигрантов, проживающих компактно только в крупных городах (Прага, Берлин, Париж, Харбин). Другой причиной является политика некоторых государств, направленная на сознательную ликвидацию русской школы. Это, прежде всего, Польша, Румыния, Финляндия, страны Прибалтики — так называемые лимитрофные государства. По видимости, эти государства тяготили любые отношения с «поработившей» их когда-то Россией, поэтому здесь не только не оказывалось поддержки русским школам, но и проводилась политика, направленная на их закрытие.

К концу 1920-х гг. стал меняться и статус русских учебных заведений в Европе, постепенно утрачивался их национальный характер, из-за возрастания доли коренного населения терялась специфика обучения.

Со временем изменилась и психологическая атмосфера русского зарубежья. В начале 1930-х гг. многие эмигранты потеряли надежду на возвращение в Россию и стали отдавать детей в местные школы. Отпала необходимость препятствовать денационализации и ассимиляции русских детей. Для большинства семей главным теперь стало

воспитание подрастающего поколения в качестве граждан той страны, где они живут. Представители второй волны эмиграции (с 1944 г.) уже стремились быстрее адаптировать своих детей. По той же причине, а также из-за материальных проблем, политики национальных государств многие эмигрантские школы прекратили свою деятельность. К причинам свертывания русских образовательных учреждений можно отнести и давление на правительства стран, поддерживающие российских эмигрантов, со стороны СССР, укрепившего к этому времени свое положение на международной арене. В том числе, поэтому была свернута «Русская акция» в Чехословакии.

Вторая мировая война, принесшая оккупационные режимы в страны Европы, лишь ускорила этот процесс. Таким образом, к 1939—1940 гг. большинство русских школ было закрыто. Дольше всего просуществовала русская гимназия в Париже: формально — до 1961 г. К началу 1950-х гг. в ней обучалось не более 75 учащихся [5, с. 262].

Список литературы:

1. Воспоминания великого князя Александра Михайловича. М., 2001 — 437 с.
2. Зими́на В.Д. Дети русской эмиграции: выживание ради сохранения России // Новый исторический вестник — 2004 — № 2(11) — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.nivestnik.ru/index.html>.
3. Сабенникова И.В. Русская школа за рубежом // Преподавание истории в школе. — 2005. — № 2. — с. 20—24.
4. Седова Е.Е. Педагогическое образование в русской межвоенной эмиграции // Педагогика . — 2008. — № 10. — с. 79—89.
5. Стрельцов А.А. Гимназии русского зарубежья // Вопросы образования. 2006. № 2 — с. 248—264.

**ВОПРОСЫ ЗЕМСКОГО
И ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВО ВЗГЛЯДАХ ОБЩЕСТВЕННЫХ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.**

Купченко Константин Владимирович

*канд. ист. наук, старший преподаватель, Смоленский филиал
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Российский государственный торгово-экономический университет»,
г. Смоленск*

E-mail: konstan1977@yandex.ru

Работа выполнена при поддержке Администрации Смоленской области и РГНФ. Проект регионального конкурса «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее», Грант № 12-11-67004 а(р).

В целях привлечения внимания общества к отечественной истории и роли России в мировом историческом процессе 2012 год в нашей стране проводится под знаком «Год российской истории» [16]. В связи с этим представляется небезынтересным проследить параллели процессов, происходящими в стране с уже имеющимися конкретными историческими примерами. К подобным, можно отнести вопросы развития местного самоуправления.

Данная тема привлекательна еще и тем, что в последнее время в науке и в государственной жизни достаточно широко рассматриваются проблемы местного самоуправления, связанные с его реформированием на современном этапе развития Российской Федерации. Интерес к ним вызван политическими и экономическими процессами, которые происходят сегодня в обществе. Со всей очевидностью следует полагать, что местное самоуправление для России является неизбежным историческим фактором развития, без которого невозможны как экономические преобразования, так и политическая стабильность. При проведении реформ в России необходимо использовать результаты научных исследований по региональному управлению, современную специфику исторического развития.

Кроме того, руководство Российской Федерации считает вопрос о местном самоуправлении одним из самых сложных и конфликтных в государственном строительстве и одной из основных задач

в этой сфере является проведение фундаментальных научных исследований в области местного самоуправления [2; 16].

В связи с этим большую значимость имеют труды отечественных политических и общественных деятелей России конца XIX — начала XX вв. — периода, когда местное самоуправление в России получило широкое развитие.

Относительно роли земств в общественной и политической жизни страны различные концепции выдвигались еще на стадии подготовки реформы освобождения крестьян: были высказаны многочисленные пожелания переустройства местного управления, поскольку одной из отрицательных сторон русской провинциальной жизни было всевластие администрации. Особенно отчетливо принципы разрушения старого административного устройства были изложены в записке тверского предводителя дворянства А.М. Унковского, ставшего впоследствии одним из инициаторов земской реформы [7, с. 58].

Но, как отмечал в своей работе «Местное самоуправление в России» А.А. Кизеветтер: «В самих законодательных актах освободительной эпохи уже заложены были некоторые семена столь быстро восторжествовавшей затем реакции. Не случайно комиссия по организации земских учреждений, открыв свои работы под предводительством Николая Милютина, продолжала и завершила свою деятельность под руководством Валуева. Смена лиц означала собою смену правительственного курса» [10, с. 110].

П.А. Валуев решил разработку земской реформы связать с преобразованием Государственного совета, включив в его состав временных выборных членов от губерний. После проведения реформы Государственного совета представители от земств уже как постоянные члены должны, по замыслу П.А. Валуева, войти в Государственный совет. 2 июня 1862 г. основные положения земской реформы были утверждены Александром II и осенью того же года опубликованы. Однако только в мае 1863 г. доработанные проекты земской реформы были представлены Валуевым в Государственный совет. В речи при обсуждении проекта земской реформы в Государственном совете П.А. Валуев высказал свою концепцию на место земских учреждений в системе государственного управления: «Не может быть и речи об участии земских учреждений в заведовании повинностями государственными. Законодатель создает земство не государственное, а уездное и губернское, коему предоставляется участие постоянное и непрерывное в управлении всем почти местным хозяйством. Предоставив же земским учреждениям участие в делах общегосудар-

ственного интереса значило бы раздроблять единую государственную правительственную власть между 40 или 50 отдельными единицами и подвергать общественный порядок и весь государственный строй опасностям, в важности которых едва ли кто позволит себе сомневаться» [9, с. 307].

«Положение о губернских и уездных земских учреждениях» было подписано императором 1(13) января 1864 года, тем самым ознаменовав начало проведения земской реформы. С 60-х гг. XIX в. «земство» прочно утвердилось как термин, обозначающий выборные органы местного самоуправления. В тот же период ряд общественно-политических организаций стали употреблять термин «земство» в значении «представительная власть от народа». Во главе этой власти они видели Земский собор, надеясь, что он станет высшим представительным органом власти в России.

Но земская реформа не предусматривала одновременное и повсеместное введение земств в стране. За 11 после реформы лет земства были созданы лишь в 34 губерниях из 59. Компетенция деятельности земств была строго регламентирована. Не была создана и мелкая земская единица — волостное земство.

Подобная ограниченность преобразований в последующие годы вызвала появление предложений по доработке и улучшению местного управления в стране. Некоторые проекты реорганизации местного управления исходили от высших представителей администрации губерний. Так, архангельский губернатор А.П. Энгельгардт в ежегодных отчетах не только докладывал императору о конкретных нуждах губернии, но и выдвигал планы модернизации учреждений и экономики, увязывая местные проблемы Архангельска с основными проблемами империи. В отчете за 1898 г. губернатор подчеркивал, что развитие губернии тормозят «застой и рутин», характерные для деятельности многих местных административных органов. Здоровая инициатива, считал он, невозможна без «живых, отвечающих требованиям времени учреждений» [14, с. 204]. А.П. Энгельгардт предлагал создать в Архангельской губернии орган, наподобие земства со схожими функциями: оно было призвано активизировать местный потенциал и содействуя с властями развивать народное образование, медицину, культуру, принимать участие в решении вопросов местной экономически и предпринимательства и т. д. А.П. Энгельгардт считал, что такое земство целесообразно создать только на губернском уровне, поскольку, как он считал, «местные земские учреждения обеспечены по закону значительно большими полномочиями, чем в губерниях неземских губернаторы со всеми губернскими и даже центральными

правительственным учреждениями, ведающими земское дело в сих губерниях» [14, с. 204].

С точки зрения развития общественной мысли начала XX в. интерес представляет записка С.Ю. Витте «Самодержавие и земство» (1908 г.), с которой четко разделяются полномочия и сфера деятельности государственной администрации и органов земского самоуправления, поскольку неограниченная монархия и самостоятельная деятельность выбранных гласных в земствах неизбежно порождают конфликты в управлении.

Из проектов реорганизации земства, предложенных в начале XX века, определенный интерес представляет доклад А.Д. Голицына «Ближайшие задачи земской реформы», с которым он выступил на заседании Центрального комитета Союза 17 Октября в мае 1913 г. Резко критикуя земскую контрреформу 1890 г. А.Д. Голицын предложил свой проект реорганизации земств. Он включал три основных пункта: уничтожение сословного принципа при выборах в земство; пересмотр норм земельного ценза при выборах; предоставление новым избирательным законом права избрания гласных не только в пределах своей курии, но и соседних. А.Д. Голицын считал, как и многие представители либерального направления в России, что русское земство — это здание без фундамента (волостного земства) и крыши (земского органа). Он писал в своем докладе: «...Ежели будущие реформаторы пожелали бы увенчать новое земское здание красивым куполом, то необходимо было бы предусмотреть право губернским и уездным земствам для выполнения еще более общих задач объединиться с областными или общеземские организации» [3, с. 19].

Проводимая вслед за земской городской реформа так же вызвала появление различных идей и проектов преобразований.

Отметим так же, что большинство исследователей второй половины XIX в. не разграничивают понятия «местное самоуправление» и «местное управление» [18, с. 37].

В научной литературе России в рассматриваемый период широко обсуждались теории местного самоуправления, разработанные в Западноевропейских странах и практический опыт его осуществления.

В частности, Шрейдер Г.И. в работе «Наше городское общественное управление» проводит сравнение местного самоуправления России и Англии. Автор отмечает, что зарубежный опыт местного самоуправления полезен, но использовать иностранную практику как образец для прямого подражания — значит предьявлять

невозможные и невыполнимые требования к Российским муниципалитетам [18].

Исследователи конца XIX — начала XX вв. — А.Д. Градовский, А.А. Кизеветтер, И.И. Дитятин — пришли к выводу о том, что местное самоуправление возможно при любой форме правления, но степень его реализации будет различной в условиях сильного централизованного правления или при экономической и административной децентрализации.

В их работах получили дальнейшее развитие проблемы соотношения государства и общества, централизма и децентрализации, сочетания в системе управления принципов представительства и профессионализма.

По общему признанию учёных, самой идее и тем более практике местного самоуправления в России приходилось довольно тяжело пребывать в силу давления консервативного характера самодержавной государственной системы. «Если взглянуть повнимательнее на ход развития внутреннего управления в его историческом прошлом, — писал известный правовед И.И. Дитятин, — меры или средства с целью упорядочения областного управления, по существу своему всегда одни и те же. Правительство, какое бы оно ни было, всегда значило два начала, на которых всегда и строилось местное управление: выборное, представительское, и правительственное, приказное, чиновничье: на основании первого управление передавалось в руки общин, которые ведали его через своих «выборных людей», в силу второго оно ведалось исключительно вечевыми или княжескими органами, царскими «приказными» людьми, имперскими чиновниками. Оказывалось несостоятельным одно — обращались к другому» [8, с. 388].

В своих трудах учёные выделили два аспекта общественно-политической жизни России: значение местного самоуправления в жизни российского общества и роль местных органов в государстве в целом. При этом они подчёркивали, что деятельность по управлению — сложный, многоцелевой политический процесс, в котором на первый план выступают демократические ценности и профессиональная компетенция, отодвигая на второй план формальные положения о подотчётности управления [10, с. 138—139].

В центре внимания общественной мысли находилась одна из самых актуальных проблем теории и практики самоуправления — соотношение государственной власти и местного управления. Ее сущность заключалась в правительственной теории местного

самоуправления: административная децентрализация при сохранении политической централизации.

А.Д. Градовский рассматривал историю местного самоуправления через соотношение государства и общества. Безмерная централизация, по его мнению, часто приводит к потере общественного сознания и способствует развитию индивидуальных стремлений. Самоуправление и является именно тем средством, с помощью которого индивидуальная жизнь легче всего связывается с государственной. Общественный и государственный строй прочны лишь тогда, когда большинство людей может чувствовать свою связь с другими людьми и государством, не выходя из сферы своих обыденных занятий. Общественное единство, по мнению А.Д. Градовского, — опора единства политического. Вопрос лишь в том, в какой мере каждое правительство нуждается в самостоятельности местных учреждений и деятельности обществе, затем, в каком смысле вопрос этот может быть разрешен историей данного народа [4, с. 45, 48, 180].

В работе «История местного управления в России» Градовский А.Д. так же приводит вывод о необходимости децентрализованного управления. По его мнению, единство общегосударственных и местных интересов будет гарантировано только тогда, когда «деятельность власти в провинции будет направляться совокупностью местных условий, когда особый характер местности отразится и на особом характере управления, когда непредвиденные затруднения будут получать скорое разрешение, когда каждый новый факт в жизни местного общества будет вызывать соответствующую деятельность администрации, когда управление будет расти вместе с обществом» [5, с. 14].

В начале XX вв., в связи с особенностью исторической ситуации, проблема местного самоуправления приобрела политический характер. Реформирование системы государственной власти на демократической основе, к которой призывали представители общественно-политических сил страны, в определенной мере затрагивало преобразование системы местного управления. В исследованиях этого периода дано определение местного самоуправления. Прежде всего отмечается, что местное самоуправление является частью децентрализованного (т. е. переданного из центра на места) государственного управления, созданное местным населением на основе представительства для решения местных дел [11, с. 10—11; 13, с. 1—2].

Многие публикации затрагивали проблему единства государственного управления и местного самоуправления. По мнению

М. Курчинского «отношения между общиной и государством должно быть построено не на принципе подчинения, а на принципе совместной деятельности, обоюдного разграничения интересов». Той же точки зрения придерживается и Б. Веселовский: «Высшая государственная власть не должна вмешиваться в чисто мирные дела; она не должна нарушать самостоятельность местного самоуправления» [11, с. 10—11; 13, с. 1—2].

В проектах по совершенствованию местного самоуправления в России отстаивалась идея сохранения в местном самоуправлении самостоятельности общественных элементов — гаранта демократичности местного управления. Отмечалось также, что в практике местного самоуправления необходимо использовать лучшие достижения опыта европейской парламентской демократии с учётом российских традиций и условий. Авторы проектов высказывались за создание на местах единого правового социального управления [6].

Таким образом, как видно из вышеизложенного, общественная мысль России в конце XIX — начале XX веков интенсивно разрабатывала проекты реорганизации местного управления в стране. Развиваясь в пореформенный период, общественно-политическая мысль выработала основы положения местного самоуправления: децентрализация и независимость в деятельности органов местного самоуправления, степень их взаимодействия с органами государственной власти по решению вопросов местной жизни. Данные принципы актуальны и в настоящее время и некоторые положения этих проектов могут быть востребованы в современных условиях, в процессе поиска наиболее эффективных форм управления страной.

Список литературы:

1. Веселовский Б. Какое местное самоуправление нужно народу? — Спб., 1906. — 39 с.
2. Выступление В.В. Путина на заседании Госсовета РФ по реформе местного самоуправления 23 октября 2002 г. // Российская газета. — 2002. — 24 октября.
3. Голицын А.Д. Ближайшие задачи земской реформы: Доклад члена 3-ей Государственной думы кн. А.Д. Голицына в заседании Центрального ком. «Союза 17 октября» 5 мая 1913 года. М.: Т-во типогр. А.И. Мамонтова, 1913. — 23 с.
4. Градовский А.Д. Государство и провинция // Русский вестник. Т. 74 № 3—4. М 1868.
5. Градовский А.Д. История местного управления в России. С-Пб., 1868. — СХII с.

6. Губарев Д.Н. Проект гражданского управления в России. С-Пб, 1886.
7. Джаншиев Г.А., А.М. Унковский и освобождение крестьян. М., 1894. — 192 с.
8. Дитятин И.И. Из истории Городового положения 1870 г. // Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1895. — 591 с.
9. Историческая записка о ходе работ по составлению и применению положения о земских учреждениях. Б.М. 188?. — 587 с.
10. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России IX—XIX вв. Исторический очерк. М.: Изд. журн. «Русская мысль», 1910. — III. — 155 с.
11. Курчинский М. Муниципальный социализм и развитие городской жизни / Б-ка самообраз. под ред. П.И. Броунова и В.А. Фаусека. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907. — 111 с.
12. Михайловский А. Реформа городского самоуправления в России. М., 1908. — 109 с.
13. Немчинов В.И. Городское самоуправление. М.: Изд. В.М. Саблина, 1912. — 396 с.
14. Роббинс Р. Наместник и слуга // Отечественная история. 1993. № 1. с. 202—213.
15. Указ Президента РФ от 15 октября 1999 г. «Основные положения государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. — 1999. — 21 октября.
16. Указ Президента РФ от 9 января 2012 г. № 49 «О проведении в Российской Федерации Года российской истории». — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) («Официальный интернет-портал правовой информации»).
17. Шарапов С.Ф. Опыт русской политической программы (приложение к газете «Русское дело» № 13). М. 1905.
18. Шрейдер Г.И. Наше городское общественное управление. Этюды, очерки и заметки. Т. I. СПб.: [Изд. юрид. кн. склада «Право»], 1902. — 337 с.
19. Щепкин М.П. Опыт изучения общественного хозяйства и управления городов. Ч. I. М. 1882. — III, — 409 с.
20. Щепкин Н. Земская и городская Россия о народном представительстве. — Ростов-на-Дону, 1905.

РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ МИРЗАЧУЛЬСКОГО ОАЗИСА И ИХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Мирзаева Назира Джумановна

канд. ист. наук, ст. преп. ГГУ, г. Гулистан

E-mail: naziramirzayeva@rambler.ru

Изучение общественно-политического положения в Мирзачульском оазисе в конце XIX — начале XX в. и истории русских поселений в контексте политических и экономических процессов, протекавших в Туркестане, на основе широкого привлечения архивных источников, а также анализа естественных и механических факторов прироста и расселения населения, демографических последствий политики освоения Мирзачульского оазиса имеет важное научное и практическое значение. Так как в основу колониальной политики Российской империи была положена идея русификации края, вопросы переселения русского населения в Туркестан всегда оставались в центре внимания колониальных властей.

В этом отношении большое значение имеет всестороннее исследование процесса расселения русских переселенцев в Мирзачульском оазисе, их влияния на социально-экономическое развитие региона и роли русских поселений в истории данной территории. До настоящего периода данная проблематика в указанных хронологических рамках не выступала в качестве отдельного объекта исследования. Особенно, не достаточно освещены вопросы взаимоотношений жителей русских поселков с местным населением.

В рамках настоящей темы решаются следующие конкретные задачи: исследовать процесс освоения Мирзачульского оазиса Российской империей; рассмотреть вопрос переселения населения из центральных районов России в Мирзачульский оазис и процесс создания новых поселений; показать хозяйственный уклад русских поселений в регионе и выявить их особенности; изучить социальный, национальный, религиозный состав населения русских поселений в Мирзачульском оазисе; посредством исследования процесса адаптации переселенцев к новым условиям, выявить особенности взаимоотношений переселенцев с коренным населением.

Научная значимость исследования заключается в том, что материалы данной статьи могут быть использованы в процессе изучения истории русских поселений на территории Туркестана

в колониальный период, освещения политической, социально-экономической и этнодемографической истории Мирзачульского оазиса.

Рост количества новых деревень в Мирзачуле в конце XIX — начале XX вв. непосредственно связано с началом освоения новых территорий. Один из представителей имперской администрации А. Кушакевич считал, что освоение Мирзачуля приведёт к плотному заселению юга и юго-восточных торговых и политических путей Туркестанского генерал-губернаторства [7, с. 17].

Первоначально ротмистру Главного штаба Г.А. Аминову было поручено изучить следы древних ирригационных сооружений на территории между Чиназом, Ходжендом и Джизаком [1, № 2]. Однако предложение, разработанное Г.А. Аминовым было отклонено ввиду отдалённости и маловодности реки Зерафшана. Начальником Джизакского уезда И. Брежезицким было предложено восстановление арыка Туятортар, но оно также было безрезультатным [2, с. 852]. В 1871 г. инженер Н. Ульянов изучив Мирзачуль, в 1872 г. разработал проект его освоения посредством использования воды Сырдарьи. Из всех предложенных проектов, имперским правительством был избран именно этот проект. В 1874 г. на строительство канала было выделено 16 000 рублей [18, л. 99—101]. Из-за нехватки средств строительство канала, рассчитанного на полив 40 000 десятин земли, было приостановлено [6, с. 11]. В 1883 г. работы по орошению Туркестанского края и ведение сельского хозяйства были поручены Николаю Константиновичу Романову [19, л. 1]. По поручению Н.К. Романова в семи верстах от Бекабада была сооружена дамба, которая позволяла привести воды во внутреннюю часть Мирзачуля.

В 1897 г. специальная правительственная комиссия утвердила проект инженера Н.А. Петрова. Однако, проект не получил утверждения со стороны Петербургского комитета по технике, из-за дороговизны постройки каменной дамбы. Задолго до этого в 1885 г. Н.А. Петровым был представлен доклад Туркестанскому генерал-губернатору Н.О. Розенбаху о проектах освоения Мирзачуля [20, л. 139—144]. Член Государственной Думы Н.Л. Скалозубов подчеркнул необходимость выделения из государственной казны средств для завершения освоения северо-восточной части оазиса [9, с. 603]. В 1911 г. был утвержден новый проект, строительство канала было поручено инженеру путей сообщения С.Н. Чаеву. Согласно проекту на строительство было выделено 36.614.963 рублей 66 копеек [8, с. 34]. Предусматривалось завершить строительство 1 января 1915 г. 5 октября 1913 г. (по старому календарю) по 100 километровому каналу было торжественно спущена вода. Каналу было присвоена

имя Романова. С 1917 года канал стал называться Северный Мирзачульский, позже переименован в канал имени Кирова, в настоящее время канал называется «Дустлик» (Дружба).

В конце XIX — начале XX века строительство ирригационных сооружений и железнодорожных путей послужило толчком для перехода кочевого и полукочевого населения к оседлому образу жизни, большинство из которых стали заниматься орошаемым земледелием, в результате которого появились новые посевные площади.

Основная часть русского населения, переселившаяся в Мирзачульский оазис была земледельцами, столкнувшимися с проблемой нехватки земель для ведения хозяйства [10, с. 166—167]. Изданный правительством Российской империи 10 июня 1903 г. закон предусматривал предоставление определенных льгот переселенцам. К примеру, население переселившиеся в Туркестанский край в 15 летнем возрасте освобождалось от воинской повинности сроком на 6 лет. Согласно принятому 21 июня 1914 г. новому закону предусматривалось переселение на орошаемые земли Мирзачуля представителей всех христианских конфессий и население, имевшее определённое материальное обеспечение [4, с. 221—224].

Согласно информации, опубликованной в газете «Туркестанские ведомости», первый русский поселок — «Надеждинский» в Мирзачуле, был организован в 1885 г. [15, № 4]. По мнению же В.Ф. Караваева первый русский посёлок на территории Мирзачуля был основан в 1885 году Н.К. Романовым, заселенный запорожскими казаками, в честь которых был назван «Запорожье» [5, с. 92—93]. Посёлок находился на плодородной земле, однако, из-за трудностей, связанных с поливом земли лежали не использованными [3, с. 462—463]. В результате проведенных ирригационных работ на левом берегу Сырдарьи в разные годы, по инициативе Н.К. Романова было построено 8 русских поселков [21, л. 93]. В 1896 г. в Туркестан с помощью Н.К. Романова переехали представители Кубанской области, значительная часть которых состояла из сектантов. Первоначально их посёлок назывался «Волынский». Впоследствии из-за возникших внутри поселка религиозных разногласий, часть населения покинула посёлок и основала новый посёлок под названием «Нижний Волынский». После чего прежний посёлок стал именоваться «Верхний Волынский». В 1907 г. в новый поселок, построенного в честь Святого Спаса, переселилось 65 семейств [16, № 75]. В результате объединения поселков «Спасский» и «Духовский» был создан поселок городского типа (в настоящее время город Гулистан — административный центр Сырдарьинской области). С 1911 г. по 1914 г. поселок был

зарегистрирован в официальных документах под названием «Спасский». В 1908 г. в район озера Ахмонкуль, вблизи поселка «Нижний Волынский» переехало 4 семьи для занятия рыболовством. Самовольно заселившиеся эти семейства без разрешения стали сооружать на государственной земле жилые дома. Ввиду чего, поселок стал называться «Нахаловка» [11, с. 110].

В марте 1913 г. с целью расширения поливных земель в северо-восточной части Мирзачуля стали осваиваться новые земельные площади. В одном из таких мест не далеко от 121-го разъезда Среднеазиатской железной дороги был основан поселок «Велико-Алексеевский». Данный поселок был расположен на части земли, выделенной из земельного фонда, орошаемого каналом Романова в 12 верстах от железнодорожной станции «Сырдарья» в сторону станции «Голодная степь». 25 ноября 1913 года поселку было присвоено имя престолонаследника Российской империи Алексея. В дальнейшем здесь возник город Бахт (Счастье).

Основанный в 1916 г. поселок «Саратовский» был предназначен исключительно для участников-ветеранов I-Мировой войны и кавалеров Георгиевского ордена (креста) [22, л. 10]. В целом, в начале 1917 г. в Мирзачуле было 24 русских поселений [12, с. 218].

Имперская администрация считала необходимым для усиления русификации и развития монокультуры хлопка в крае привить навыки водопользования и его распределения. Переселившиеся русские крестьяне, в основном, выращивали пшеницу, рожь, рис, овес и дополнительно кукурузу, сафлор красильный, кунжут, кенаф, горох, просо, овощи и дыни. Начиная с 1910 г. началось постепенное увеличение площадей хлопковых полей. С 1911 г. в Мирзачуле широко было развито хлопководство.

Нехватка дренажных систем и неправильное водопользование переселенцев при поливе и промывке почвы привело к заболачиванию и засолению земель, в результате чего осложнилось экологическое состояние, участились инфекционные заболевания. Положение поселенцев осложняли проблемы, связанные с природными условиями, а также официальная политика властей. Несмотря на то, что русское население пользовалось большими привилегиями, было немало проблем в решении вопросов землепользования и водопользования.

Согласно статистическим данным, приведенным в официальном отчете 1892 г. в Мирзачульский оазис всего переселились 2044 человек, из которых 3 — дворян, 23 — мещан, 1117 — крестьян, 647 — казаков, 254 — пенсионеров и резервных руководителей

младшего звена [23, л. 9]. В русские поселения «Надеждинский», «Романовский», «Запорожский» могли поселиться исключительно казаки освобожденные от воинской службы [24, л. 3]. Формирование стабильных земледельческих хозяйств, способных стать опорой Российской империи на территории Туркестанского края осуществлялось не посредством искусственного переселения, а путем выдачи больших ссуд и выделения крупных земельных участков, способствовавших повышению экономического потенциала земледельческих хозяйств. В результате чего, стал появляться новый класс зажиточных крестьян, арендующих землю, где использовался наемный труд. Некоторые из них имели до 400 десятин земли [17, с. 57].

Как показывает анализ статистических данных в существовавших в Мирзачуле русских поселках в основном проживали русские, белорусы и украинцы. Только в поселках «Нижний Волынский», «Сырдарьинский», «Велико-Алексеевский» и «Спаский» проживали и представители других национальностей. Администрация Российской империи относилась к не православным переселенцам неоднозначно. Было запрещено переселение католиков, принявших православие, если только они не были по происхождению русскими [25, л. 33]. В частности, из-за того, что меннониты по происхождению не были русскими их переселение в край было признано нежелательным [26, л. 47]. Основанные с помощью правителей поселки «Надеждинский» и «Романовский» представляли собой очень крепкие православные хозяйства. Практически все сектанты были грамотными, вели здоровый образ жизни, поддерживали дружественные отношения как с переселенцами, так и с коренным населением. Сектанты поселка «Конногвардейский» во время трудностей связанных с водой самовольно разобрали заслоны, поставленные администрацией православного поселка «Николаевский» в результате неправильного распределения воды [27, л. 15.].

Главной особенностью хозяйственной деятельности русских поселений в Мирзачульском оазисе было строительство ирригационных сооружений. Население русских поселков до создания собственных хозяйств брало землю в аренду, занималось скотоводством, выполняло наемные работы. Кроме этого, переселенцы были привлечены к строительству каналов, занимались куплей-продажей, рыболовством и скотоводством. Переселенцы также занимались строительством железных дорог и ремеслом. Зажиточная часть населения отказавшись от земледелия занималась куплей-продажей пшеницы и хлопка. Построенный рядом с железнодорожной

станцией «Голодная степь» рынок оказал влияние на развитие местного товарооборота. Усовершенствовались техника обработки земли и орудия труда, что оказывало значительное влияние на экономическое развитие оазиса. Русские крестьяне начали применять некоторые новшества в сельском хозяйстве. На адаптацию переселенческого населения негативно повлияли не только природно-климатические условия, но и не знание способов ведения хозяйства, а также нормативно-правовые документы, принятые в сжатые сроки, без учета определенных условий и возможностей. Были проблемы с адаптацией к местному климату. В тоже время данная ситуация не оказала существенного влияния на процессы, связанные с переселением славянского населения империи в этот регион.

Местное население с большим уважением относилось к сектантам нежеля к православному, так как первые вели строгий и трезвый образ жизни. 1910 г. в поселке «Спасский» из средств Переселенческого управления для проведения религиозных мероприятий был построен храм [13, с. 210], куда был приглашен работать священник из России. Подобный храм был построен и в поселении «Надеждинский». Однако существовали и конфликтные ситуации между населением оазиса. Так, в 1909 г. в районе озера Ахмонкуль, самовольно переселившиеся русские разделили пастбища и пашни, принадлежащие местному населению [14, с. 124]. Тем самым, были ущемлены права местного населения. В том числе имперская администрация, для того, чтобы иметь большой фонд свободных земель, приняло решение о распределении местному населению территории для земледелия, из числа плохоорошаемых, заросших камышом земель. Также зачастую возникали конфликты между русскими и местным населением по поводу пастбищ.

В конце XIX — начале XX века в целях организации крепкого опорного пункта в крае империя вела политику переселения русских крестьян в Мирзачульский оазис. Для развития хлопководства в регионе колониальная администрация осуществила ряд мероприятий по созданию оросительных сооружений. На территории, где была сооружена ирригационная сеть, организовались русские поселения. Частичное освоение Мирзачульского оазиса привело к появлению новых населенных пунктов, некоторые из которых заложили почву для сложения новых городов. Однако социально-экономические проблемы и пренебрежительное отношение представителей власти сдерживали развитие этих поселений.

Список литературы:

1. Барон Аминов. Джизако-Чиназская Голодная степь и памятники бывшей в ней оседлости / Туркестанские ведомости. — 1873. — № 2.
2. Возобновление старого арыка Тюя — Тартарь // Туркестанское сельское хозяйство. — Ташкент, 1911. — № 11. — С. 852—853.
3. Владимиров К.Н. Путевые впечатления // Туркестанское сельское хозяйство. — Ташкент, 1907. — № 6. — С. 458—473.
4. Высочайше утвержденный 21 июня 1914 года, одобренный Государственным Советом и Государственною Думою закон об отводе орошаемых системою Романовского канала казенных участков Голодной степи, Ходжентского уезда, Самаркандской области // Вопросы колонизации. — СПб., 1914. — № 16. — С. 221—224.
5. Караваев В.Ф. Голодная Степь въ ея прошломъ и настоящемъ. Статистико-экономическій очеркъ. — СПб.: Типо-Литографія Н.Л. Наръкина, 1914. — 253 с.
6. Кашкин И. Очерки ирригации Туркестана // Туркестанское сельское хозяйство. — Ташкент, 1907. — № 1. — С. 6—14.
7. Кушакевич А. Заметки по Ходжентскому уезду. — Ташкент, 1875. — 20 с.
8. Курсиш А. Голодная степь. Очерк работ по орошению северо-восточной ее части. — СПб., 1913. — 70 с.
9. Об отпуске средств на окончание работ по орошению северо-восточной части Голодной степи // Туркестанское сельское хозяйство. — Ташкент, 1912. — № 3. — С. 603—604.
10. Первый поселок «Велико-Алексеевский» на землях, орошаемых системою Романовского канала // Вопросы колонизации. — СПб., 1915. — № 12. — С. 164—193.
11. Переселенческое дело в Туркестанском крае (Области Сыр-Дарьинская и Ферганская). — СПб., 1911. — 262 с.
12. Станишевский А.В. Голодная степь. 1867—1917. История края в документах. — М.: Наука, 1981. — 235 с.
13. Скрыплев П. Хлопководство и русские переселенцы // Вопросы колонизации. — СПб., 1913. — № 12. — С. 203—224.
14. Сырь-Дарья. Ср.-Аз. жел. дор. // Туркестанский сборник. — Т. 518. — С. 124.
15. Туркестанские ведомости. — 1904. — № 4.
16. Туркестанские ведомости. — 1908. — № 75.
17. Хроника // Туркестанское сельское хозяйство. — Ташкент, 1906. — № 3. — С. 56—58.
18. ЦГА РУз, ф. И-17, оп. 1, д. 25016, л. 99—101.
19. ЦГА РУз, ф. И-7, оп. 1, д. 166, л. 1.

20. ЦГА РУз, ф. И-40, оп. 1, д. 19, л. 139—144.
21. ЦГА РУз, ф. И-18, оп. 1, д. 11774, л. 93.
22. ЦГА РУз, ф. И-16, оп. 1, д. 1856, л. 10.
23. ЦГА РУз, ф. И-18, оп. 1, д. 222, л. 9.
24. ЦГА РУз, ф. И-18, оп. 1, д. 166, л. 3.
25. ЦГА РУз, ф. И-7, оп. 1, д. 3103, л. 33.
26. ЦГА РУз, ф. И-7, оп. 1, д. 5052, л. 47.
27. ЦГА РУз, ф. И-18, оп. 1, д. 6852, л. 15.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЗАЙНАЛАБИДА БАТЫРМУРЗАЕВА

Муцалханов Мавлетхан Солтаналиевич
канд. ист. наук, доцент ДГПУ, г. Махачкала
E-mail: mucallhanov@mail.ru

В системе исторического образования подрастающего поколения важное место занимают воззрения выдающихся и известных людей на историю страны и отдельных её регионов.

Обращение к проблеме исторических взглядов известных людей страны тесно связано с усилением в последние годы внимания к проблемам истории Отечества, ярким показателем которого стало объявление текущего года Годом истории России.

В данной статье сделана попытка рассмотреть взгляды на историю вообще и историю Дагестана, в частности, одного из активных общественных и политических деятелей Северного Кавказа первой четверти XX века Зайналабида Нухаевича Батырмурзаева (1897—1919 гг.).

Данная работа не является первым по счету исследованием, в котором обращено внимание ученых к историческим взглядам и наследию З.Н. Батырмурзаева. Анализ работ З. Батырмурзаева позволил известному специалисту в области литературы и культуры Кавказа, профессору С.Х. Акбиеву еще 2 десятка лет назад сделать вывод о том, что «дагестанская наука в лице З. Батырмурзаева имела очень эрудированного ученого-историка» [1, с. 101]. К такому выводу Солтанмурад Хаджакович пришел после основательного анализа всего творчества Батырмурзаева[2].

К рассматриваемой проблеме обратился автор этих строк в своем докладе, прочитанном на состоявшемся при кафедре истории Дагестана Дагестанского госпедуниверситета научно-практической конференции (12 ноября 2008 г) по проблема преподавания истории в вузе и школе [3, с. 24—30].

Как установлено исследователями и отражено в справочной литературе [4, с. 71—73], З.Н. Батырмурзаев родился в сел. Аксай (Яхсай) Хасавюртовского округа в семье писателя-просветителя. Сначала он заканчивает начальную школу родного села, затем экстерном — Хасавюртовское реальное училище.

В 1912—1914 гг. он учится в учебных заведениях Казани и Астрахани. Здесь примыкает к социал-демократическому движению. В 1914 г. Батырмурзаев возвращается на родину и в течение 1915—1917 гг. преподает в реальном училище слободы Хасавюрт.

В 20-летнем возрасте он становится известным поэтом, драматургом, публицистом и до своей смерти осенью 1919 г. (расстрелян в Хасавюрте денкиинцами) активно участвовал в событиях периода Гражданской войны.

Анализ опубликованных на страницах республиканских газет и в основном журналом «Танг-Чолпан» работ Батырмурзаева показывает, что проблемы истории в целом и истории Дагестана занимали большое место в жизни и творческой деятельности молодого исследователя. Ярким свидетельством сказанному являются его произведения — очерк-репортаж «Исторические дни в Дагестане», отрывок из романа «Почему не готовитесь», сатирическая новелла «Пиявки», а также статьи-некрологи — «Георгий Плеханов», «Исмаил Гаспринский» и т. д.

В нашу задачу не входит изучение всех работ З. Батырмурзаева, в которых подняты проблемы истории Дагестана, других регионов. В пределах своей работы, мы делаем попытку рассмотреть исторические взгляды, несомненно, талантливого и подававшего большие надежды исследователя, который оказался втянутым в водоворот событий начала XX века и погиб в их пучине в возрасте двадцати с небольшим лет.

Свое исследование молодой ученый начал в классическом варианте. В начале работы на суд взыскательного читателя он в тезисном порядке представил план-проспект, в который вошли различные аспекты и, которых, по мнению автора, должен учитывать исследователь, изучающий историю той или иной страны. При рассмотрении такого сложного в национальном отношении региона, как Дагестан, Батырмурзаев предложил сосредоточить

основное внимание, прежде всего, на этнографической характеристике региона.

Надо полагать, такой подход к исследованию исторического прошлого Дагестана З. Батырмурзаев рекомендовал исходя из следующих соображений. С одной стороны, без этого анализа сложно понять и осмыслить историческую действительность такого своеобразного региона России, да, пожалуй, и мира, каким является Дагестан. С другой стороны, на Батырмурзаева в данном отношении могло оказать довлеющее влияние сложившаяся в Дагестане традиция, когда изучение края начиналось, как правило, с этнографического анализа. Думается, достаточно будет в этом плане вспомнить труды этнических дагестанцев-исследователей XIX века — кумыка Девлет-Мурзы Шихалиева, лакцев Абдуллы Омарова и Саида Габиева, даргинца Гаджимурада Амирова и др., в которых проблемы гражданской, политической, культурной и т. д. истории изложены на фоне этнографического изучения истории этих этносов.

Давая этнографическую характеристику населению Дагестана, Батыр-мурзаев исходит из времени заселения края и делит племена на две группы. В первую он включил древних насельников, живших здесь до присоединения региона к России, которых он считал коренными. В их числе автор называет некоторых недагестанских представителей народов Кавказа, в частности, грузин, армян, казаков. Очевидно, это обусловлено тем, что отдельные или значительные в численном отношении представители этих этносов на территории Дагестана были представлены с давних пор.

В другую группу, по определению Батырмурзаева, должны войти те, кто поселился в Дагестане после присоединения к России — русские, поляки, немцы, европейские евреи и др.

При изучении истории страны или края, как справедливо полагал молодой исследователь, непременно следует уделить внимание географическим особенностям, без учета которых трудно воссоздать объективную картину развития того или иного государства, народа. «Не следует забывать, — назидает ученый, — о древних границах, природных условиях, религии и обычае племён».

Непосредственно истории Дагестана с древнейших времен посвящены 19 разделов, составленного З. Батырмурзаевым плана-перспекта. Эти главы предусматривают планомерное изучение истории Дагестана с эпохи великих переселений восточных народов и их взаимное влияние на культуру местного и пришлого населения. Отдельно ученый отмечает этап проникновения и распространения в Дагестане мусульманской культуры. На уровне научных достижений

своего времени, процесс проникновения ислама в Дагестан З. Батырмурзаев связывает с завоевательной «политикой Абумуслим-хана».

Как, наверно, успел заметить читатель, в изложении истории Дагестана Батырмурзаев больше внимания уделил политическим аспектам, где-то даже в ущерб другим сторонам проблем истории края. Исторические события у исследователя, как правило, связаны с именами конкретных исторических деятелей различных эпох. Перед читателем проходит история Дагестана периода монгольских завоеваний, борьбы народов Дагестана с полчищами Тамерлана (хромого Тимура), захватчиками во главе Надиром, ставшим, кстати, шахом Ирана в 1735 году после похода на Дагестан. Достаточно внимания Батырмурзаев уделил развитию политических, торгово-экономических и других отношений народов Дагестана с Россией, а также борьбе России, Ирана и Турции за влияние на Кавказе и в Дагестане.

На фоне событий всемирной истории рассматривает ученый историю политического дробления и экономического обособления отдельных регионов Дагестана, в частности, появление шамхальства, отдельных ханств и т. д. И, как события исторического значения, автор оценивает антиколониальную борьбу народов Дагестана, начало которому было положено еще в конце XVIII века, участием жителей Засулакской Кумыкии в совместном с чеченцами движении под руководством шейха Мансура (Ушурмы).

Рассматривая историческую перспективу в развитии народов Дагестана в составе России, Батырмурзаев указывает как на единственную возможность возрождения и развития самобытных культур, отмечая в этом процессе роль науки, просвещения, светских и других учебных заведений.

Глубоко осознавая роль исторических знаний в определении перспектив дальнейшего развития, Батырмурзаев обращается к историческому сознанию и знаниям народов Дагестана и с великим огорчением отмечает, что дагестанцы кроме легенд об аждахе, албаслы и других чудовищах совершенно не знают свою историю, особенно её древнюю часть. И, надо полагать, что обращение самого Батырмурзаева к истории Дагестана в те «горячие» годы начала двадцатого столетия было связано с желанием восполнить этот и другие пробелы в историческом сознании населения края.

Проведенный нами анализ с полным основанием позволяет сделать вывод о том, что труд Батырмурзаева «Взгляд на историю Дагестана» — это одна из первых попыток в XX веке создать труд по истории Дагестана. И, надо отметить, на уровне развития

исторических знаний своего времени, она оказалась довольно удачной. Автор старался учесть все многообразие мнений и суждений относительно истории в целом Дагестана и отдельных его этносов. Скажем, опираясь на труды современных историков, племя «авар» Батырмурзаев называет предками современных аварцев Дагестана. Что удивительно, до сих пор в ни в отечественной, ни в зарубежной историографии в этом вопросе не поставлена точка над «і». И там, и тут часть ученых допускает тождественность между аварами раннего средневековья и аварцами Дагестана. Дискуссионные материалы на эту проблему публиковали и продолжают публиковать в Дагестане издающиеся на русском газеты «Дагестанская правда», «Времена», «Ёлдаш», республиканские журналы.

Интерес представляет взгляд З. Батырмурзаева на историю как науку. Историю человечества он делит на всеобщую и частную. По мнению ученого, история отдельного народа — это зеркало, которое отражает происхождение, существование, достоинства, способности, жизнь, быт, культуру народа. Указывая на важность истории в судьбе народа, Батырмурзаев пишет о том, что «народ, имеющий свою историю, даже попав под временную власть завоевателей, всё равно вернёт свою свободу и независимость».

Указывая наличие глубокой и древней истории у народов Дагестана, Батырмурзаев с большим сожалением указывает на отсутствие серьезных исследований по истории края. «Дагестан, — пишет он по этому поводу, — являющийся очагом героев, имеющий героическое прошлое, оставлен без внимания, у нас отсутствуют исследования о нашем крае».

Как человек со сложившимися взглядами на историю Дагестана, Батырмурзаев затрагивает такую сложную проблему, как проблема многоязычия в Дагестане. Он прослеживает процесс становления и развития на территории Дагестана отдельных этносов, в частности, кумыков. Он говорит о влиянии внешнего фактора на формирование этого этноса и его языка. Рассматривая генезис кумыкского языка, исследователь отмечает, что на язык части аборигенов Дагестана в определенной мере начали оказывать влияние пришлые тюркские племена. Отсчёт таким народам ученый начинает с гуннов, пришедших в Европу во главе с Атиллой, затем были хазары, создавшие на обширной территории Прикаспийской низменности до стен Дербента могущественное государство — Хазарский каганат и т. д.

Батырмурзаев полагает, что под воздействием языка кипчаков, пришедших на южную Русь впервые в XI веке, и ставших последней волной тюркского нашествия на Европу и Кавказ, в XIII в.

заканчивается процесс формирования кумыкского языка и складывается средневековая Кумыкская народность.

Раскрытию исторических взглядов Батырмурзаева способствует также анализ его высказываний и мнений об уровне политического и общественно-экономического и культурного развития монголо-татар, оценка роли в истории человечества Чингисхана, Тамерлана и других деятелей.

Завершая анализ исторических взглядов З. Батырмурзаева, следует отметить еще один очень важный момент. С сожалением приходится констатировать тот факт, что основной исторический труд ученого — «Взгляд на историю Дагестана» — достался последующим поколениям не в полном объеме[5]. Случилось это из-за того, что журнал «Танг Чолпан» («Утренняя заря». Кум. яз.) на страницах которого напечатана часть этой работы, после года своего существования (1917—1918 гг.), перестал издаваться [6, л. 55].

О публикации где-либо продолжения указанного труда молодого ученого исследователям на сегодняшний день ничего неизвестно (если таковое вообще имело место). Остается надеяться, что неопубликованная часть исторического труда З. Батырмурзаева когда-нибудь будет обнаружена и станет достоянием научного сообщества и широкой общественности.

Список литературы:

1. Акбиев С.Х. Сердце — родному краю. — Махачкала, 2008. — 228 с.
2. Муцалханов М.С. возвращением Вас, Солтанмурад Хаджакович! Впечатление о книге С.-М.Х. Акбиева «Сердце — родному краю» (Махачкала, 2008) // Времена (Махачкала). 2009. 30 января.
3. Муцалханов М.С. Проблемы истории Дагестана в творческом наследии государственных и общественных деятелей края первой половины XX века // Состояние и проблемы преподавания истории Дагестана в вузах и школах республики: матер. Респ. науч.-практ. конф. (12 ноября 2008 г.) / Редкол.: М.Р. Гасанов (отв. ред.), М.С. Муцалханов (науч. ред.), Р.М. Султанбеков (сост.). — Махачкала: [Изд-во «Алеф»], 2008. — 72 с.
4. См.: Кумыкский энциклопедический словарь. Изд. 2-е., доп. / Сост. и гл. ред. К.М. Алиев; отв. ред. М.-Р. Ибрагимов. — Махачкала: Изд-во «Дельта», 2012. — 400 с.

5. Статья известного литературного критика, профессора филологии К.И. Абукова «Молодость, прожитая на совесть» (См.: Даг. правда. 1987. 20 сент.) со ссылкой автора на частную беседу с профессором З.Н. Акавовым, утверждает, что из-за ранней смерти молодого учёного среди незавершенных его работ оказался «обширный труд по истории народов Дагестана». Мы склоняемся к мысли, что речь здесь идёт о рассматриваемой нами выше работе З. Батырмурзаева «Взгляд на историю Дагестана», хотя, разумеется, полной уверенности в этом у нас нет.
6. Центральный Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 2370. Оп. 5. Д. 160. — 212 л.

**МИГРАЦИЯ И РАССЕЛЕНИЕ
РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СИБИРИ
В НАЧАЛЕ 20 ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ТУВИНСКОЙ
НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

Павлова Анна Владимировна

*аспирант кафедры теории и истории права и государства ГОУ ВПО
«Тувинский государственный университет»,
г. Кызыл*

E-mail: anna77pavlova@mail.ru

Миграция и расселение — процессы тесно связанные между собой. С помощью миграции, вызванной различными социально-экономическими причинами, осуществляется территориальное перераспределение населения между различными частями страны и отдельными населенными пунктами, возникновение новых и перестройка сложившихся систем расселения. Миграции вследствие специфики своей структуры вносили и вносят существенные изменения в демографические и социально-экономические характеристики расселения.

Серьезные социально-экономические преобразования, происходившие в 1920х—1940х годах в Туве, способствовали радикальным изменениям в жизни республики. Экономическая отсталость региона, отсутствие в республике квалифицированных кадров, а также природные богатства Тувы определили политику Советского государства по отношению к республике. В свою очередь, истори-

ческие, географические, социально-экономические и национальные факторы обусловили процессы переселения русского населения в Туву.

Переселенческое движение крестьян в районы Сибири из Европейской России нарастало по мере усиления земельного притеснения в центральных районах России и улучшения путей сообщения. С начала XX века Сибирь окончательно превратилась в основной район земледельческой колонизации. С открытием временного, а затем постоянного движения по сибирской железной дороге увеличился спрос на сельскохозяйственную продукцию и промышленные товары со стороны переселенцев [1, с. 52—53].

Происходившие в республике в период с 1920 по 1940-е гг. миграционные процессы, оказали значительное влияние, как на национально-культурное так и на социально-экономическое состояние Тувинской Народной республики. Реализация Советской Союзом переселенческой политики явилась одним из важных факторов, вызвавших изменения демографических процессов Тувы, переселение привело к значительным изменениям в численности и национальном составе населения Тувинской республики. Постепенное промышленное освоение территории республики способствовало усилению миграции из близлежащих Красноярского края и Минусинска, поскольку между Тувой и Россией в XIX — начале XX в. установились жизненно важные экономические связи, в которых Тува выступала сырьевой базой для развития местной промышленности в Минусинском крае и рынком сбыта российских промышленных товаров [9].

Потянувшийся вслед за торговцами поток русских крестьянских переселенцев имел положительное значение в хозяйственном развитии края, существенно влиял на развитие социальных отношений. Переселенцы в Пий-Хеме, Улуг-Хеме, Каа-Хеме, Хемчике и вдоль северного Танну-Ола построили более 200 поселков, деревень и хуторов, освоили тысячи десятин поливных, богарных и иных земель, где выращивалось продовольственное и товарное зерно, велось доходное скотоводческое и мараловодческое хозяйство. Русские населенные пункты размещались там, где имелись тучные поливные и богарные земли, соседствующие с тайгой. Эти земли приобретались иногда путем захвата, иногда в результате сделки, заключаемой между богатым переселенцем и тувинским чиновником [4].

В исследуемый период миграционные процессы в Туве в целом характеризовались регулярными изменениями объемов и направлений передвижения населения. Вместе с тем, на протяжении длительного времени в республике сохранялось преимущество за потоком пересе-

ленцев «село — город», в связи с чем, в своем большинстве происходило передвижение коренного населения из сел (деревень) в города.

Таким образом, характерным для Тувы в начале XX века было то обстоятельство, что во всем миграционном обороте на территории республики основная часть миграций приходилась на перемещения населения внутри самой республики. То есть, одной из особенностей процессов миграции в Туве являлся тот факт, что миграционная подвижность коренного тувинского населения ограничивалась пределами республики. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что уровень миграции тувинского населения за пределы своей республики всегда был крайне низок. Русскоязычное население, которое наряду с тувинскими жителями относилось к основным этническим группам республики, напротив, являлось активным участником миграционных процессов. В большинстве своем это были городские жители, выезжающие в другой город внутри республики или в какой-либо населенный пункт за ее пределами [8].

18 июня 1918 г. состоялось совместное заседание русского и тувинского съездов, где был принят Договор о самоопределении Тувы, дружбе и взаимной помощи русского и тувинского населения. В Договоре были разрешены вопросы политических и экономических отношений между русским и тувинским народами. «Объявляя себя независимым, — говорилось в Договоре, — урянхайский народ не должен нарушать прав русских граждан и во имя долголетней дружбы предоставляет русским в постоянное пользование занятые ими раньше земельные участки». Договором запрещалась продажа русским населением земельных участков, определялись условия рыболовства, пользования лесными богатствами, пахотными угодьями [5, с. 32—33].

На съезде 13 августа 1921 г., когда был собран Учредительный хурал Тану-Тува улус (Тувинской Народной Республики), был поднят вопрос о дальнейшей судьбе русского населения, проживающего на территории Тувы. В ходе обсуждения вопроса было принято решение о том, что русское население на территории Тувы в количестве 10300 человек считается русской советской автономной колонией, живущей по Конституции Советской России и ей непосредственно подчиненной [2, с. 62—63]. По поводу нового заселения русским населением территории Тувы съезд постановил, что «заселение на новые земли не разрешить, кроме района реки Шагонара, где уже отводятся новые земельные участки на двести партизанских хозяйств» [3, с. 82].

Анализ законодательства в рассматриваемый период позволяет говорить, что в конце XIX начале XX веков самостоятельного переселенческого и тем более миграционного законодательства не существовало, однако политика в рассматриваемой сфере государства была отражена в деятельности многочисленных ведомств, разрешавших различные вопросы, связанные с перемещением населения.

Так, в феврале 1922 г. в Туве был образован Совет Министров Тувинской Народной Республики. Было создано четыре министерства: иностранных дел, внутренних дел, юстиции и военных дел. В конце 1922 г. было образовано пятое министерство — Министерство финансов [10].

Анализируя рассматриваемый период, необходимо сделать вывод о том, что Тува стремилась к развитию конституционного законодательства, как основного, что подтверждается принятием за сравнительно короткий отрезок времени нескольких Конституций Тувы (в 1921, 1923, 1924 г.г.) [7, с. 3]. Процесс присоединения Советским государством Сибири, в том числе южных ее регионов способствовал социальному развитию коренных народов, проживающих там. Переселение в Туву других народностей, в том числе русского населения, способствовало сближению тувинского народа с другой культурой, иными традициями.

Миграция в Туве оказывала значительное влияние на политическую и социально-экономическую ситуацию, поскольку с правовой точки зрения это было обусловлено идеологией правового государства, которая республика начала выстраивать с момента создания, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Кроме того, политика Советского государства в 20—30-е годы XX века, была направлена на ускоренное промышленное и сельскохозяйственное развитие, как восточных регионов страны, так и Сибири, что в свою очередь способствовало активному заселению данных районов и как следствие увеличению плотности населения.

22 июля 1925 г., во время пребывания в Москве первой правительственной делегации ТНР, было заключено соглашение между СССР и ТНР, юридически оформившее дружественные отношения между обеими странами [6, с. 115].

Подводя итог сказанному, можно отметить, что через миграционные процессы в период становления и развития Тувинской народной республики шел процесс диалога и взаимообогащения национальных культур Тувы: тувинской, русской, хакасской, татарской и других. Развитию русско-тувинских отношений и как следствие усилению притока русскоязычных переселенцев

способствовали и такие обстоятельства как образование новых городов в Южной Сибири: Минусинска, Ачинска, Канска и некоторых других. Большой вклад в развитие тувинского региона в рассматриваемый период внесли переселения, явившиеся решающим фактором развития Сибири и затронувшие все регионы Сибири, включая Туву.

Список литературы:

1. Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма: Межвузовский сборник научных трудов. — Новосибирск: Изд.НГПИ, 1991. — 144 с.
2. Дубровский В.А. Создание суверенного государства в Центре Азии: Протоколы хуралов 1921 года. Село Бай-Хаак, 1991. — 126 с.
3. Дубровский В.А. Создание суверенного государства в Центре Азии: Протоколы хуралов 1921 года. Село Бай-Хаак, 1991. — 126 с.
4. История Тувы (Республика Тыва). Тува при маньчжуро-китайском господстве и русском протекторате. [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.ru-regions.ru/?p=218> (дата обращения 08.11.2012).
5. История Тувы в 2-х томах, Том II / ответст.редактор Потапов Л.П., Аранчин Ю.Л., Л.В. Гребнев, В.И. Дулов, Х.М. Сейфулин, Н.А. Сердобов, С.К. Тока. Москва, 1964. — 455 с.
6. История Тувы в 2-х томах, Том II / ответст.редактор Потапов Л.П., Аранчин Ю.Л., Л.В. Гребнев, В.И. Дулов, Х.М. Сейфулин, Н.А. Сердобов, С.К. Тока. Москва, 1964. — 455 с.
7. Конституции Тувы. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1999. — 216 с.
8. Статья в научно-периодическом издании. Анайбан З.В. Характеристика этнодемографических процессов Тувы в советский период// «Новые исследования Тувы» № 2—3, 2011. [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_2-3/3783-anayban.html (дата обращения 10.11.12).
9. Статья в электронном информационном журнале «Новые исследования Тувы»: «Национальный музей Республики Тыва» 2012, № 3 [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.tuva.asia/news/tuva/1981-russ-in-tuva.html>(дата обращения 07.11.12).
10. ЦГА РТ фонд 9. Оп. 1. д. 3.

4.2. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ПЛАНЫ АННЕКСИИ КАНАДЫ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1861—1865 Г.

Киселева Ольга Анатольевна
канд. ист. наук, доцент ВГПУ,
г. Вологда
E-mail: olgakiseleva03@mail.ru

Гражданская война 1861—1865 г. стала переломным событием как во внутреннем развитии Североамериканской республики, так и в ее внешней политике. В предвоенный период в деятельности американского государства доминировали интересы плантаторов-рабовладельцев, в значительной мере определявших основное направление экспансии — на Юг. С победой северян и восстановлением единства страны в 1865 году консолидация внешнеполитических интересов происходила на основе целей и устремлений предпринимательских элит Севера, сосредоточивших в своих руках государственную власть, опиравшихся на созданные во время войны вооруженные силы и сумевших обеспечить высокие темпы роста национальной экономики. Международные интересы вашингтонской администрации были провозглашены и обоснованы государственными секретарями США У.Г. Сьюардом (1861—1869) и г. Фишем (1869—1877). У.Г. Сьюард, явившийся предтечей целого ряда более поздних внешнеполитических доктрин, в 1867 году заявил: «Дайте мне уверенность, что никогда не будет незаконного сопротивления вооруженной силой президенту, несущему власть Соединенных Штатов, и дайте мне еще ... тридцать лет жизни, и я обещаю Вам во владение весь американский континент и контроль над всем миром» [3, с. 47]. Исходя из идеи предопределения судьбы («manifest destiny») и нагнетая существовавшие в Канаде настроения в пользу присоединения к США, Вашингтон использовал различные экономические и политические меры для достижения своей цели — аннексии Канады. Чрезмерное преувеличение Вашингтоном проамериканских локальных движений в провинциях Британской Северной Америки привело его к заключению о том, что вопрос о вхождении Канады в состав Союза превратился в практическую

проблему. Стронниками этой политической стратегии были радикальные республиканцы З. Чендлер, Н. Бэнкс, Ч. Самнер, Э. Стэнтон, Б. Батлер [4, с. 192]. Главным методом экономического давления стало аннулирование Соединенными Штатами режима наибольшего благоприятствования для Канады в торговле. В 1866 году американское правительство расторгло знаменитый «Договор о взаимности» с Канадой (1854), предусматривавший беспошлинную торговлю сельскохозяйственной продукцией и некоторыми видами сырья, регулировавший взаимное использование рыболовных угодий, водных путей и каналов, преследуя тем самым цель дестабилизировать канадскую экономику и заставить своих северных соседей интегрироваться с Соединенными Штатами. Довольно влиятельная «Чикаго Трибьюн» писала: «Канадцы несколько лет будут находиться на холме ..., но потом будут вынуждены постучаться, чтобы их приняли в состав Великой республики» [1, с. 293].

Следует признать, что этот шаг неоднозначно был принят в среде американских бизнесменов. Так, штаты Новой Англии, напротив, стремились к беспрепятственному ввозу дешевого канадского угля и соли, предприниматели целого ряда обрабатывающих отраслей были заинтересованы в емком канадском рынке для сбыта своей продукции и считали напрасными иллюзиями надежды на присоединение Канады путем «своего рода экономической блокады».

Тем не менее, перед Британской Северной Америкой открылись две макроэкономические перспективы: предложить Соединенным Штатам новые условия для возобновления договора, которые в будущем могли привести к формированию фактически единого экономического, а в перспективе — и политического пространства, либо создать альтернативный рынок путем стимулирования процесса национально-политического объединения канадских провинций. В значительной мере выбор оказался предопределен линией поведения, избранной в данной ситуации Великобританией. В результате дипломатической и политической борьбы возобладала тактическая линия той части английской правящей элиты, которая была склонна скорее согласиться с расширением самостоятельности Канады при сохранении ею тесных уз с метрополией, чем утратить их совсем в результате антиколониального восстания или же аннексии со стороны Соединенных Штатов.

Согласно Акту о Британской Северной Америке, принятому английским парламентом 29 марта 1867 года, была создана конфедерация — Канада, получившая статус доминиона. Предусматривалось формирование единого парламента конфедерации, исполнительная

власть сосредотачивалась в кабинете министров. Провинции получили довольно широкие прерогативы. При этом за Англией сохранился внешнеполитический суверенитет, право решать вопросы войны и мира. В состав конфедерации вошли четыре провинции — Онтарио, Квебек, Нью Брансуик и Новая Шотландия. За пределами доминиона остались Ньюфаундленд, остров принца Эдуарда и Британская Колумбия. Не вошла в состав единого образования и огромная территория, находившаяся во владении Компании Гудзонова залива [4, с. 208].

Еще до подписания Акта в Конгресс США стали поступать резолюции, требовавшие от президента Североамериканской республики выступить с протестом против консолидации канадских провинций в единую конфедерацию под управлением британской короны. 29 марта 1867 года, в день принятия документа английским парламентом, специальная сессия Конгресса одобрила резолюцию Н. Бэнкса, предупреждавшую о том, что данный шаг Великобритании усилит и без того крайне напряженную ситуацию в Северной Америке [7, с. 392].

Как известно, 30 марта 1867 года государственный секретарь США У.Г. Сьюард подписал с Россией договор о покупке Аляски. Это усилило позиции Соединенных Штатов на Тихом океане, в ущерб Англии. Сенатор Ч. Самнер, пользовавшийся исключительным влиянием во внешнеполитических делах, по поводу этого документа заявил: «Настоящий договор — очевидный шаг к оккупации всей Северной Америки» [2, с. 308]. Эта уверенность проистекала из выдвинутой Ч. Самнером концепции «естественных границ», согласно которой Канаде «предначертано оказаться в орбите своего великого соседа» [5, с. 223]. Полностью разделял эти взгляды и госсекретарь У.Г. Сьюард, считавший приобретение Аляски первым этапом «окружения» всей Британской Северной Америки, которое должно завершиться превращением канадских провинций в штаты Американского союза. Таким образом, заключение соглашения об Аляске предоставило сторонникам экспансионистской политики удобный повод для активной трансляции в общество традиционной доктрины о «континентальной судьбе США».

Создание доминиона на территории Канады не положило конца аннексионистским намерениям части политической и бизнес-элиты США. Этому, безусловно, способствовало и то, что значительная территория Британской Северной Америки оставалась вне юрисдикции канадского правительства. Но при этом изменились тактические приемы, при помощи которых представители влиятельных кругов

Вашингтона пытались реализовать свои устремления. Наиболее важными из них стали: подогревание в своих прагматических интересах аннексионистских настроений в ряде канадских провинций; попытка вмешаться в ход восстания на реке Красной (территория Компании Гудзонова залива) и план «обмена» Канады на отказ США от материальной компенсации ущерба, нанесенного Великобританией во время Гражданской войны (так называемых «алабамских претензий»).

Движения в пользу сближения с США существовали в большинстве канадских провинций. Исследователь их истории Д. Уорнер пришел к выводу, что их социальную основу составляла «экономическая элита провинций» — торговцы, предприниматели, судовладельцы, сумевшие заручиться поддержкой части рабочих угольной, лесодобывающей, рыбной и других отраслей производства, ориентированных на экспорт продукции в США и в наибольшей степени пострадавших от аннулирования Вашингтонском договора 1854 года. По его данным, в них участвовало до трети населения в Новой Шотландии, Британской Колумбии и ряде других регионов [6, с. 82].

Канадский аннексионизм во второй половине 60-х годов XIX века периодически достигал значительного напряжения. Президенту США поступали петиции от жителей Британской Колумбии с просьбой о принятии территории в состав Североамериканской республики. В Новой Шотландии была создана Аннексионистская лига, которая в своем «Манифесте» (1870) убеждала жителей провинции в необходимости выхода из конфедерации и заключения политического союза с США как средства достижения свободы экономических отношений с ними.

Несмотря на поддержку подобных организаций со стороны Вашингтона, их влияние в 1870-е годы постепенно сошло на нет. Это было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, формирование достаточно емкого национального рынка позволило Канаде преодолеть экономическую депрессию, связанную с последствиями отмены «Договора о взаимности» (1854). Более того, уже в 1870 году экспорт канадской продукции в США превысил объемы 1865 года. Во-вторых, все сильнее стали проявляться слабости самого аннексионистского движения в Британской Северной Америке. Будучи в некоторые моменты национальным по размаху, организационно оно оставалось локальным, не имевшим межпровинциальных каналов связи и, как правило, представляло собой серию не зависимых друг от друга действий. Наконец, имперское правительство Великобритании заявило о готовности пойти на самые решительные

меры в случае массовых угрожающих призывов к выходу из состава доминиона, что «отрезвило» многих участников подобных движений и организаций.

На рубеже 1860—1870х годов американцы предприняли попытку и непосредственного вмешательства в события на Северо-западе Британской Америки и в Земле Руперта, не вошедших в состав доминиона и долгое время являвшихся собственностью британской Компании Гудзонова залива. В 1869 году, после сложных переговоров с конфедерацией, Компания отказалась от притязаний на канадский Запад за громадный выкуп. Но при этом вопрос о передаче земель был решен как простая смена владельцев недвижимости, без учета прав проживающего на этой территории населения. Это стало главной причиной восстания в районе слияния рек Ассинибойн и Красная (ныне здесь стоит Виннипег, являющийся «воротами» на канадский Запад). Восставшие под руководством Л. Рилия приняли «Декларацию Земли Руперта и Северо-Запада», создали Временное правительство, выступившее против присоединения территории к доминиону без гарантии ей прав на самоуправление.

Стремление Вашингтона к территориальной и экономической экспансии на северо-запад континента привело к тому, что в район Ред-Ривер государственным департаментом были направлены секретные миссии, звучали предложения об оказании материальной помощи Л. Рилию и его сторонникам, в Сенат США вносились резолюции о посредничестве между доминионом и восставшими. Сенатор З. Чендлер даже потребовал начать переговоры «...с народом Виннипега о вхождении этого района в состав США в качестве территории или штата» [7, с. 931]. Другими словами, сторонники активного присоединения новых территорий стремились превратить враждебность к Канаде в дружественное отношение к США. Эти попытки провалились — влияние американского консула в Виннипеге генерала О. Мальмроса на восставших стало постепенно не только ослабевать, но и превратилось в открытую неприязнь к американским агентам.

С другой стороны, экспансионистские намерения и усилия американцев стали побудительным мотивом к ряду финансовых и политических уступок территориям Северо-запада со стороны британского и канадского правительств, перешедших от тактики прямого давления к политике лавирования и компромиссов. В результате восставшие и сочувствовавшие им жители приняли решение войти в состав конфедерации на правах провинции в соответствии с Актом о Манитобе, удовлетворившим многие

их требования. С вхождением в состав доминиона Британской Колумбии (1871) в основном завершился процесс объединения провинций, хотя им еще предстояло решить не менее сложную задачу — добиться реальной интеграции в единое государственное образование.

Таким образом, как это ни парадоксально, но в значительной мере американские экспансионистские устремления имели результат, противоположный предполагаемому, — способствовали образованию доминиона и сплочению канадских провинций в единый политический организм. После подписания Вашингтонского договора между США и Великобританией (1871), когда потерпел фиаско разработанный американцами план передачи им Канады в качестве компенсации за ущерб, нанесенный Англией Северу в годы Гражданской войны (1861—1865), «канадская проблема» в отношениях между двумя странами приобрела иное, сугубо «практическое» содержание. Она вобрала в себя вопросы о взаимном использовании пограничных между США и Канадой рек и каналов, о рыболовстве в Северной Атлантике, о территориальной принадлежности острова Сан-Хуан и др. Но это — тема уже другой статьи.

Список литературы:

1. Райерсон С.Б. Неравный Союз. История Канады, 1815—1873 / пер. с англ. М.: Прогресс, 1970. — 398 с.
2. Callahan J.M. American Foreign Policy in Canadian Relations. N.Y.: Holt, 1967. — 370 с.
3. Dennet T. Seward's Far Eastern Policy. // The American Historical Review. — Vol. 28. — October 1922. — P. 45—62.
4. Shippee L.B. Canadian-American Relations 1849—1874. N.Y.: Russell and Russell, 1970. — 514 p.
5. Sumner Ch. Works of Charles Sumner. 15 vols. Boston: Lee & Shepard, 1870—1883. Vol. 11. — 673 p.
6. Warner D.F. The Idea of Continental Union: Agitation for the Annexation of Canada to the U.S. 1849—1893. Lexington: Univ. of Kentucky Press, 1960. — 276 p.
7. U.S. Congress. Congressional Globe, 1865—1873. 16 vols. Wash., Government Printing Office, 1865—1873. — Vol. 7. — 1073 p.

4.3. КНИГОВЕДЕНИЕ И БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ УКРАИНЫ ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ

Захарова Наталия Борисовна

*канд. ист. наук, науч. сотр. Нац. б-ки Украины им. В.И. Вернадского,
г. Киев*

E-mail: natazachar@bigmir.net

Для каждой страны национальная библиотека является важным фактором национальной идентификации государства. Украина на протяжении веков существовала на территории других государств, поэтому не имела собственных национальных учреждений в области науки, образования, культуры, собственной книжной палаты, а также ответственного государственного органа, который бы осуществлял управление библиотечным делом и координировал работу в области формирования и использования библиотечного фонда. В начале XX ст. идея создания национальных учреждений, в частности национальной библиотеки, все чаще звучала в кругу выдающихся деятелей украинского просветительского движения.

Состояние библиотечного дела в Российской империи в то время также нуждалось в усовершенствовании. Структура библиотек была громоздкой. Значительная часть библиотек обслуживала нужды государственного аппарата и различных ведомств. Те из них, которые существовали вне государственного аппарата, в основном это учебные заведения, финансировались частично или за счет частных лиц, общин и обществ. Народные библиотеки организовывались земствами. Определенную долю составляли коммерческие библиотеки. Библиотеки на общественных началах функционировали исключительно при содействии выдающихся ученых, деятелей просвещения и культуры, земских деятелей и священников. Такие условия определяли значительную консервативность и аморфность библиотечной системы в целом и тормозили просветительское движение, развитие народного образования и национальной культуры.

Универсальные и специализированные библиотеки отличались по происхождению, статусу, задачам и функциям. Они находились в системе различных государственных учреждений и учреждениях духовного ведомства, а также общественных (созданных различными обществами, союзами, объединениями) и частных (семейных, отдельных деятелей науки и культуры). Библиотеки имели статус научных (академических), научно-специализированных, общедоступных публичных, народных т. д. и обеспечивали научные, общеобразовательные и культурные потребности всех общественных организаций [6].

Состояние организации работы как в академических научных библиотеках, так и в публичных, народных, общественных значительно отличалось от библиотечного дела в западных странах, которые существенно опережали консервативную Российскую империю в вопросах осознания значения научных и публичных библиотек для развития государства. Потребность в необходимости общего развития науки, культуры, образования и роли библиотеки в этом осознавалась всем демократическим сообществом Российской империи. Об этом свидетельствуют материалы первого Всероссийского съезда по библиотечному делу (Санкт-Петербург, 1911). На съезде были подведены итоги состояния библиотечного дела и определена необходимость коренных реформ в этой области. Обсуждение и резолюции съезда имели большое методологическое и социально-политическое значение для демократизации образования, науки, культуры через понимание социокультурного значения библиотеки. Были также обнародованы основные принципы библиотечного дела: освобождение библиотек от каких-либо ограничений в формировании фондов и пользования ими, общедоступности к библиотечным фондам и к знаниям, социальной функциональности библиотек, которые должны служить всем потребностям развития общества как через библиотеки с универсальными фондами, так и специализированные библиотеки, по содержанию фондов должны обеспечивать не только развитие соответствующего знания и сферы практической деятельности общества (библиотеки государственных органов и ведомственные библиотеки), так и различных слоев и их специфических групп [9].

Создание Национальной библиотеки в Украине стало возможным лишь в 1918 г. Уже в 1919 г. она называлась Национальная библиотека Украины в городе Киеве при Украинской Академии наук, впоследствии озаглавленная — Всенародная (Национальная) библиотека Украины при Всеукраинской Академии наук в Киеве,

в 1920—1934 гг. — Всенародная библиотека Украины в Киеве. История создания и развития НБУВ в 20—30-х годах тесно переплетается с судьбой Украины в период революции 1918—1921 гг. и советского периода. Как научная и культурная организация она прошла несколько этапов развития, ее функции и деятельность в значительной степени зависели от политического, социально-экономического курса СССР, его культурной и национальной политики.

Пути формирования идеи национальной библиотеки и первых шагов ее реализации тесно связаны с политическими событиями того периода, разработкой различных концепций организации национальной науки и образования [3].

Библиотека была создана как национальная под эгидой Украинской академии наук. Как показала практика, это дало возможность не только сохранить, а и развивать Национальную библиотеку течение более 90 лет, а после 1991 г. — наиболее полноценно раскрыть ее национально-духовные и информационные функции. Ее подчинение Украинской Академии наук (УАН — в дальнейшем ВУАН) определило специфику Национальной библиотеки Украины, его дальнейший путь, роль и конкретные формы реализации ее информационной и культурно-просветительской функций.

Заведующий библиотекой Университета св. Владимира В.А. Кордт подготовил специальную записку «О Национальной библиотеке», в которой специально подчеркивал, что «все культурные государства заботятся не только об учреждении и пополнении научных книгохранилищ при своих высших учебных заведениях, но создают, кроме того, еще центральные книгохранилища, так называемые государственные или национальные библиотеки, которым они посвящают свое особое внимание и покровительство, чтобы собрать в одном центре, по возможности, все те произведения всемирной научной литературы, которые необходимы современникам и будущим поколениям для строго научных и общеобразовательных целей», о чем говорится в «Сборнике трудов Комиссии для выработки законопроекта об учреждении УАН в Киеве» (К., 1919, с. X—XIII). По его мнению, целесообразно, чтобы УАН как высшая научная корпорация взяла бы на себя задачу управления организацией Национальной библиотеки Украинского государства, а также следить за ее успешным развитием. «Закон об образовании Фонда Национальной библиотеки Украинского Государства (1918 г.)» был подписан гетманом Павлом Скоропадским и утвержден Советом

Министров 2 (15) августа 1918 г. и вступил в силу после опубликования 8 (21) августа 1918 г. в «Государственном Вестнике» [4].

Устав НБУ обсуждался на первом заседании Временного комитета. В частности, были обсуждены специфическое состояние и задачи библиотеки, как национальной и научной. Членами ВК было подготовлено специальное «Обращение» об учреждении библиотеки, где были задекларированы четыре принципа формирования Национальной библиотеки: универсальность фонда (отражать знания из различных областей науки и культуры всех стран мира); сбор произведений национальной печати, старопечатных изданий, рукописного, музыкального, картографического наследия о Украине и украинском народе на украинском и других языках (украинский отдел); внеполитичность и независимость от «общественных настроений»; общедоступность — открытость для всех и каждого, бесплатность и доступность к информации [8].

Такой подход к национальному фонду книги создавал все условия не только для научных исследований истории и культуры украинского народа, но и предоставлял широкое поле деятельности для культурно-просветительской деятельности Национальной библиотеки в области культуры и образования.

В библиотеку был приглашен выдающийся ученый и активный деятель просветительского движения Е.А. Кивлицкий, который начинает работать на посту председателя Совета библиотекарей, фактически выполняя функции директора.

Основы культурно-просветительской функции библиотеки нашли яркое воплощение в концепции профессионального журнала, который был основан в 1919 г. как научно-практический журнал Национальной библиотеки и Временного комитета — «Книжный вестник» (под редакцией И.П. Житецкого) и стал официальным органом библиотеки. Создавая это издание Г.П. Житецкий надеялся превратить его в журнал широкого спектра, в котором наряду с официальной частью, научными исследованиями и практическими вопросами в области библиотечного и книжного дела предусматривалось развитие ряда направлений, связанных с просветительскими и культурными функциями Национальной библиотеки. Популяризация фондов Национальной библиотеки и ее деятельности увязывалась с культурными процессами в государстве, книжной культурой мира.

Штат опытных работников переименованной в 1919 г. Во Всенародную библиотеку формировался преимущественно из представителей старой интеллигенции (И.М. Балинский, И.П. Житецкий, И.И. Кревецкий, Ю.А. Меженко и др.). Они имели большой опыт

просветительской работы и понимали, что только книга может стать тем источником, который питает национальную культуру. Вместе с тем они прекрасно понимали значение различных культур для полноценного духовного становления нации. Как и другие национальные библиотеки, Всенародная библиотека Украины была ориентирована на науку и культуру всего мира. Специализированные фонды стали объектом культурологического изучения.

Именно в этот период начинается популяризация фондов и деятельности библиотеки, раскрытие историко-культурных ценностей осуществляется в серии публикаций на страницах прессы, в профессиональных изданиях, литературно-научных и исторических журналах, изданиях Академии наук, а также в отдельных статьях.

По воспоминаниям Л. Быковского, Национальной библиотеке предоставлялось значение первого библиологического института в Приднепровье, однако она не смогла развернуть эту работу, что отразилось на подготовке выставок, библиографической, библиотечной и культурологической работе, которая не смогла соответствующим образом развернуться, хотя и начала формироваться как отдельное направление [2].

Культурно-просветительская функция Национальной библиотеки на первом этапе ее существования сконцентрировалась на освещении фондов как национального культурного наследия, о котором необходимо знать украинскому народу и народам мира, которое необходимо изучать, распространять, гордиться им.

В 1922 — начале 1923 гг. сформировались новые структура, функции, принципы внутренней организации, и, как следствие, был утвержден новый Устав библиотеки, расширена массово-информационная деятельность, в частности, положено начало развитию выставочной и лекционной работы. Так, в 1921 г. была организована выставка Шевченкианы, которая получила высокую оценку и приобрела популярность; в 1922 г., в ознаменование четвертой годовщины ВБУ, экспонировались ценные раритеты библиотеки: рукописи, инкунабулы, уникальные издания, альбомы [7]. Началось обсуждение Эскилибриса ВБУ: были предоставлены два предложения текста: «Книга как основа государства» и «И на страже их поставлю слово».

После сложения полномочий Временного комитета, в 1923 г. первым официальным директором библиотеки стал С.П. Постернак (1885—1938), известный библиотековед, филолог, историк. Именно тогда была определена структура библиотеки, сформированы фонды,

налажены комплектование, обработка фондов, обслуживание читателей, началась организованная информационно-выставочная деятельность.

Первым специализированным отделом, на который были возложены функции выставочной работы, стал кабинет библиотековедения. В 1923 г., когда библиотека уточняла структуру, продолжала активное изучение зарубежного и отечественного опыта национальных библиотек мира по организации библиотечного дела, создание такого подразделения подтверждало роль и значение развития библиотековедения как отдельного направления исторической науки, изучающего историю и теорию библиотеки как части истории национальной культуры. Создание кабинета библиотековедения — консультационно-выставочного подотдела, выполняющего образовательную и библиографическую работу, преследовало, помимо чисто практических задач, еще и изучение принципов выставочной работы как формы культурно-массовой деятельности библиотеки. В 1924 г. подотдел превращен в консультационно-выставочный отдел, который расширил свои функции и начал работу по разработке методических основ этого направления.

Оживление культурно-массовой работы ВБУ связано с деятельностью выдающегося украинского книговеда и библиографа Д.А. Балыки, который с 1926 по 1928 гг. возглавил консультационно-выставочный отдел [1]. С 1928 г. этот отдел возглавил Л.А. Бондаренко. Тогда и были разработаны основные принципы консультационно-выставочной работы, которые связывались с проведением разноплановой по методам научной и просветительской работы библиотеки, ее информационной деятельности во время непосредственной работы с читателями и пользователями фондов. Отдел начал расширять спектр видов информационной и культурно-массовой работы: он организовывал выставки книг, проводил лекционную работу, семинары, совещания, встречи с читателями.

28—31 декабря 1925 г. на базе ВБУ было проведено специальное совещание академических и научных библиотек, в котором приняли участие ведущие специалисты-библиотековеды не только из Украины, а также их коллеги из России и Беларуси. На этом совещании обсуждались формы и методы деятельности научной библиотеки в соответствии с задачами, которые поставлены перед библиотеками советской властью. Стоит специально остановиться на докладе Д.А. Балыки, прочитанном на этом совещании. В нем впервые озвучено три основных направления деятельности национальной научной библиотеки в области культурно-просветительской работы,

отличающиеся от культурно-массовой работы публичных и массовых библиотек:

1. научно-культурологическое — как центра науки и культуры;
2. общественно-политическое — как учреждения, которое должно принимать активное участие в политико-экономической жизни государства;
3. краеведческое — как национальной библиотеки.

Д.А. Балыка определяет задачи построения деятельности научной библиотеки. Он подчеркивает, что необходимо: управлять чтением, а соответственно — перестроить организацию справочно-библиографической работы, разработать рекомендательные списки литературы, создать ориентированные на эти проблемы тематические и предметные каталоги и картотеки; издавать указатели литературы, проводить консультации, организовывать выставки и использовать другие формы пропаганды книги (лекции, семинары, диспуты и т. д.).

Культурно-просветительская функция стала реализовываться через научную деятельность библиотеки по исследованию и раскрытию фондов, появились формы сотрудничества библиотечных работников и ученых с целью пропаганды научной книги.

Приближение деятельности библиотеки к развитию науки проявилось, в частности, в подготовке специальных выставок и библиографических указателей и каталогов к ним, а также проведении специальных совместных конференций. Так, в январе 1925 г. для I Всеукраинского съезда по исследованию производительных сил и народного хозяйства сотрудники консультационно-выставочного отдела подготовили не только книжную выставку «Продукционные силы и народное хозяйство Украины», но и провели специальные чтения.

Библиотека начала организовывать тематические выставки. Наибольшей среди них была выставка «Наука в Украине за 10 лет революции» (1928). В 1926 г. библиотека принимала активное участие в праздновании 40-летнего юбилея научной и общественной деятельности М.С. Грушевского, организовала выставку его научных трудов. ВБУ расширяет и международные контакты — в 1928 г. библиотека была представлена на международной выставке печати в Кельне, где экспонировались некоторые раритеты из фонда старопечатных книг.

В середине 20-х годов в библиотечном деле Украины началась целенаправленная переориентация деятельности, направленная на массового читателя и просветительскую работу. В этот период в профессиональных журналах появляются методические работы

библиотековедов по организации и проведению выставок. В частности, Н. Фридьева посвятила ряд работ истории выставочной деятельности и принципам ее организации в массовых библиотеках [10]. Нашли распространение издания, посвященные методическим вопросам организации выставок, ориентированных на привлечение читателей к книге, техническим особенностям подготовки экспозиции и ее оформления, внедрению передвижных выставок, а также специфике организации выставок в научных библиотеках [5].

Начиная с середины 20-х годов Всенародная библиотека, как и другие учреждения науки и культуры, стала выполнять функцию идеологического инструмента советской власти. Библиотекам отводится одна из важнейших ролей в «идеологическом воспитании масс» и «пропаганде». И именно массовая работа выполняла основную роль в этой деятельности. После X съезда РКП(б) (март 1921 г.) и Третьего Всеукраинского совещания по вопросам народного образования (июнь 1921 г.), когда вся культурно-просветительская деятельность была подчинена Главполитпросвету, деятельность библиотек начала развиваться под лозунгом приоритетов политико-просветительской, агитационно-пропагандистской и культурно-массовой работы.

В 20-е годы, позднее чем в публичных и массовых библиотеках, культурно-просветительскую функцию научных библиотек также выполняла сугубо идеологические задачи. Особое значение приобрела пропаганда политически направленных изданий. Было осуществлено переустройство научных библиотек и превращение их в общедоступные научные и культурно-просветительские центры, активно внедрялись массовые формы работы с читателем, книгой, пропаганда литературы и осуществление помощи в образовании масс.

Произошли коренные изменения в содержании и направлениях деятельности ВБУ. X съезд КП(б)У (ноябрь 1927 г.) и XI Всеукраинский съезд Советов (май 1929 г.) ориентировали издательства на советскую массовую книгу, учебники, детскую литературу, школьную, для профессионального образования и научно-популярную, а учреждения культуры ориентировали на доступность этих книг широким рабочим и крестьянским массам. Этот процесс, одновременно с положительными чертами просветительства широких кругов неграмотного населения, имел тяжелые последствия для развития научных библиотек. В ноябре 1928 г. был рассмотрен проект реорганизации ВБУ. Вырисовалась новая структура основных отделов. Меняются и направления выставочной работы, которая была

передана отделу обслуживания. К началу 1930 г. снова в структуре ВБУ работал консультационно-выставочный отдел.

1931—1934 гг. были переломными в истории ВБУ. Направления деятельности библиотеки были пересмотрены в соответствии с задачами советского государства. На базе отдела «Украиника» с его библиографическими подотделами и консультационно-выставочного отдела был образован единый консультативно-библиографический отдел, в функции которого входила также организация тематических выставок, все вместе свело на нет работу с национальными фондами. Тематика консультационной, выставочной и библиографической работы была направлена в первую очередь на нужды социалистического строительства. Консультативно-библиографический отдел совместно с отделом обслуживания организовывали читательские конференции и тематические выставки.

Образованный в мае 1932 г. при консультационно-библиографическом отделе выставочный сектор активно включился в пропаганду новой идеологии. Деятельность ВБУ была направлена на пропаганду советского образа жизни, материалов руководящих органов, популяризацию фондов, которые отражали провозглашенные советской властью приоритеты. Тематика выставок соответствовала этой задаче: «Ко дню коллективизации», «Экономическое положение Украины к XII годовщине Октября», «Антирелигиозная литература», «Весенняя посевная кампания», «Международный женский день». В 1931—1932 гг. тематика комплектования и выставочная работа отражали процесс реконструкции промышленности и сельского хозяйства в соответствии с основными лозунгами пятилеток.

С 1934 г. происходят коренные изменения в системе Академии наук, она переживает реорганизацию, которая сопровождается политическими репрессиями и полной переориентацией деятельности. Произошли изменения и в деятельности библиотеки, которая получила название Библиотека Академии наук УССР (далее — БАН). Библиотека, как и все учреждения науки и культуры того времени, окончательно превратилась в советское идеологическое учреждение.

Период 1935—1941 гг. в истории библиотечного дела в Украине является поворотным для определения основных принципов и положений деятельности библиотек. Так, в марте 1935 г. начальник Библиотечного управления НКО Кобленц разослал для всех областных отделов народного образования, директоров государственных научных и областных библиотек директивное письмо по организации справочно-библиографической выставочной работы. В 1934 г. И 1936 г. в Москве, в 1938 г. в Киеве прошли совещания директоров

научных библиотек. Постановление 1934 г. правительства СССР о библиотечном деле и правительства УССР о работе массовых библиотек вводили полный государственный контроль со стороны НКО за библиотеками всех типов и проводили линию на централизацию и унификацию деятельности библиотек. Ориентирование на массовую работу и работу по обслуживанию читателя приобретают течение 1935—1936 гг. особое значение для деятельности Библиотеки Академии наук УССР. Под контроль руководящих органов подпадает направление библиографического обслуживания науки и культуры и различных направлений социально-экономического развития советского общества, информационная и культурно-массовая работа с читателем с целью воспитания в духе коммунистической идеологии. Особое внимание уделяется проблеме развертывания массового политпросвещения, а именно, выдавая рекомендательные списки, готовя выставки, справки и другие формы связи с читателем, цель отдела обслуживания — достичь наивысшего процента читателей от станка и колхозников, самого высокого процента обслуживания аспирантуры и ученого-специалиста, высшего процента обслуживания академического работника.

Во время проведения выставок требовалось уделить особое внимание идейной направленности справочно-библиографической и выставочной работы, опираясь исключительно на издание Критико-библиографического института, журнал «Книга и Пролетарская революция», библиографические указатели Книжной палаты УССР, библиографические отделы центральных газет и журналов. Важную роль в этой работе играли созданные в декабре 1934 г. сектора научной библиографии и систематического каталога, группы сводных каталогов, сектор массовой работы, который отвечал не только за выставочную работу, но и за работу кабинета библиотековедения и книговедения, подготовку кадров и проведение экскурсий. Информационную и культурно-массовую работу отныне проводили различные отделы библиотеки: старопечатных изданий, рукописей, музыкальной литературы и нот, литературы на языках народов СССР и Востока, картографии; газетный, а также кабинеты — справочно-библиографический, технической информации, революционной прессы, изобразительного искусства, военный кабинет.

С 1935 г. в практику массовой работы были внедрены новые методы: очные и заочные конференции с читателями по поводу обслуживания книгой, выставочной и консультационной деятельности библиотеки. Основная задача такой работы — активизация культурно-просветительской функции библиотеки.

В 1936 г. принимается новый Устав библиотеки, начинается разработка научно-методической и нормативно-регламентирующей базы БАН. Основное внимание уделялось библиографической работе, а также информационной и культурно-массовой деятельности. Значительное распространение приобретают мероприятия, направленные на популяризацию фондов и публикации в массовых изданиях, консультационную работу и создание института консультантов библиографического направления.

Так, за период 1918—1940 гг. культурно-массовая работа Национальной библиотеки прошла период становления. Предполагалось привлечь научное знание для влияния на культурные процессы в обществе, поскольку знание, содержащееся в книге, является основой не только для социально-экономического, но и духовного становления украинского советского государства и его укрепления. Библиотека как центр «умственной культуры» рассматривалась главным элементом культуры общества. Соответственно и формы культурно-массовой работы на этапе становления были сконцентрированы на пропаганде фондов путем публикации информации в прессе и журналах, а с получением помещений началась и выставочная деятельность.

Во время создания библиотеки культурно-просветительская функция, по определению Г.П. Житецкого, была обозначена достаточно широко и имела значительные перспективы для дальнейшего развития и усовершенствования.

Список литературы:

1. Балыка Д. Библиотека в свете современной педагогики / Д. Балыка. — Ленинград, 1926. — с. 2; Балаика Д.А. Актуалізація роботи в наукових бібліотеках / Д.А. Балаика // Бібл. зб. — 1926. — Ч. 1. — с. 89—95.
2. Биковський Л. Національна бібліотека Української Держави / Л. Биковський. — Варшава: Каліш, 1922. — 16 с.
3. Дубровіна Л.А. Історія Національної бібліотеки України імні В.І. Вернадського (1918—1941) / Л.А. Дубровіна, О.С. Онищенко. — К.: НБУВ, 1998. — с. 5—7.
4. Закон про утворення фонду «Національної бібліотеки Української держави» // Бібл. вісн. — 1993. — № 3/4. — с. 12.

5. Медынский Е.Н. Книжные выставки как метод привлечения читателей / Е.Н. Медынский // Сб. статей по библиотечной работе. — М.: Кр. новь, 1923. — Вып. 2. — с. 52—63; Григорьев Ю. В. Выставочная работа в библиотеках: (методика и техника) / Ю.В. Григорьев. — М.; Л., 1931. — 64 с.; Ермолаев В. Передвижная выставка / В. Ермолаев // Книгоноша. — 1925. — № 19. — с. 7; Пигулевская Н.В. О выставках в научных библиотеках / Н.В. Пигулевская // Библиотечное обозрение. — Ленинград, 1925. — Кн. 2. — с. 121—129.
6. Онищенко О.С. Бібліотечна справа в Україні наприкінці XIX — у 10-х роках XX ст.: стан і основні напрями розвитку / О.С. Онищенко, Л.А. Дубровіна // Бібл. вісн. — 2005. — № 2. — с. 3—13.
7. Постернак С.П. Всенародна бібліотека України при Українській Академії наук / С.П. Постернак. К.: ВУАН, 1923. — с. 55.
8. Статут Національної бібліотеки Української Народної республіки в м. Києві при Українській Академії наук // Бібл. вісн. — 1993. — № 3/4. — с. 14—17.
9. Труды первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в петербурге с 1 по 7 июня 1911 г.: в 2 ч. Ч. 1. — СПб., 1912. — 224 с.
10. Фридьева Н. Библиотечная выставка / Н. Фридьева // Красный библиотекарь. — 1925. — № 7. — с. 39—52.

4.4. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ПРОБЛЕМА НАГОРНОГО КАРАБАХА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (80—90 ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ)

Зульфугарлы Магеррам Паша оглы

канд. ист. наук, доцент Азербайджанского Института Туризма

20 февраля 1988 года Совет депутатов Нагорно-Карабахской Автономной Области Азербайджанской ССР принял обращение о выходе НКАО из состава Азербайджанской ССР, и объединении с территорией Армянской ССР. Принятие этого обращения послужило основой для начала нового этапа конфликта между подстрекательской Арменией и Азербайджаном, искусно подогреваемым определенными силами с начала XX столетия. После упомянутого обращения в НКАО и Армянской ССР начали проводиться митинги и демонстрации, забастовки, организованные комитетами «Крунк» и «Карабах». Все эти акции, которые поддерживались из центра, оказывали давление на государственные органы, и были направлены на претворение в жизнь сепаратистских планов армянского населения НКАО.

В настоящее время проблема Нагорного Карабаха является серьезным препятствием на пути установления мира и стабильности на Южном Кавказе. Изучение этой проблемы с точки зрения азербайджанской историографии может иметь серьезное положительное значение для разрешения конфликта. А. Абдуллаев в своей книге — справедливо указывает, что началом трагедии еще до принятия 20 февраля 1989 года депутатами Верховного Совета НКАО обращения, — стали организованные комитетом «Карабах» в 1987 году митинги в саду имени А.С. Пушкина, в Ереване, на которых армянская сторона выдвигала необоснованные территориальные притязания к Азербайджану [1, с. 7].

В книге о событиях в Нагорно-Карабахской Автономной Области было представлено интервью, которое дал французской газете «Юманите» А.Г. Аганбегян, советник Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева, сыгравшего важную роль в негативном развитии этих

событий. В этом интервью, на вопрос о Карабахе и Нахичевани, Аганбегян ответил следующим образом: «Я был бы рад услышать весть о том, что Карабах, расположенный на северо-западе республики Азербайджан, вновь стал армянским. Как экономист, я считаю, что Карабах больше связан с Арменией, нежели с Азербайджаном. В связи с этим я внес определенные предложения, и надеюсь, что в обстановке перестройки и демократии эта проблема найдет свое решение» [7, с. 11].

В 1989 году академик Играр Алиев опубликовал книгу на русском и азербайджанском языках. В этой книге, автор, основываясь на широком историческом материале, освещает географическое положение, краткую историю Карабаха с древних времен до 1989 года, национальный состав, историческую обстановку, в которой создавалась НКАО, политические процессы, происходившие в то время, причины сепаратистских движений, начавшихся в 1988 году. Однако, оставаясь верным традициям советской исторической науки, автор характеризует создание НКАО как торжество ленинской национальной политики, и указывает, что ответственный, партийный и классовый подход, и серьезная коммунистическая взыскательность имеет в данный момент большое значение. Далее автор отмечает, что национальные интересы соблюдаются наилучшим образом в том случае, если учитываются интересы всего СССР. Отсюда следует вывод: автор (Играр Алиев) видел решение проблемы в сохранении СССР [2, с. 5].

Р. Аракелов в своей книге называл деятельность комитета «Карабах» деятельностью, противоречащей международным правовым нормам и конституции страны, и заклеил позором имена З. Балаяна, С.Э. Ханзадяна, Л. Арутюняна, сеявших рознь, семена вражды к народу Азербайджана. По мнению Р. Аракелова, насильственная депортация азербайджанцев из Армении и создание моноэтнического государства Армения было «плодом большого воображения», и указывал, что началом этого процесса явилось зверское убийство более ста азербайджанцев в гукарском районе Армении [3, с. 8].

Ю. Помпеев в своей книге осветил причины возникновения проблемы Нагорного Карабаха и разоблачил армянский терроризм, основываясь на реальных исторических событиях. Ю. Помпеев, ссылаясь на БСЭ, изданную в 1926 году, указывал, что к моменту начала Первой мировой войны армянское население, проживавшее на землях, расположенных между Россией и Турцией, приобрело особую политическую значимость для Англии и России, желавших завладеть проливами Босфор и Дарданеллы. Утратившие в 387 году свою государственность армяне, спустя примерно 1500 лет, т. е. после русско-

турецкой войны 1877 года, при поддержке России предприняли попытку вновь создать армянское государство. Основываясь на исторических фактах, Ю. Помпеев справедливо указывает, что проблема Нагорного Карабаха вытекает из столкновения стратегических интересов России, Турции и стран Запада на Южном Кавказе. Ю. Помпеев приводит слова одного из партийных лидеров Закавказья Левона Мирзояна, заявившего в 1923 году, что «проблемы нагорного Карабаха в чистом виде не существует. Армянские крестьяне не смогут жить без тесной связи с Баку и Агдамом». И тут же публицист отмечает, что, несмотря на заявления подобного рода, армяне всегда, в разные периоды существования Советской власти искали подходящего момента для проявления идей сепаратизма. Так, в названной книге указывается, что первую попытку поднять вопрос о Нагорном Карабахе армяне предприняли еще в конце 50-х годов при поддержке А.И. Микояна. На их обращение Н.С. Хрущев ответил следующим образом: «Я готов предоставить 12 тыс. военных грузовиков, для выселения в течение суток всех армян из Нагорного Карабаха в Армению». Эти слова Н.С. Хрущева вынудили армян отступить. События в Сумгаите Ю. Помпеев также связывает с международной политикой и армянским терроризмом. В книге указывается, что именно после событий в Сумгаите, из Армении, из 172 сел, расположенных на территории компактного проживания азербайджанцев (8 тыс. кв. км) и превышающей площадь всей НКАО в два раза, было депортировано около 200 тыс. азербайджанцев, и что во время этого преступления погибло 216 человек, из них 57 женщин, 5 грудных младенцев, 18 детей разного возраста [5, с. 21].

В другой книге, подготовленной Институтом истории ЦК КП Азербайджана, собрано 152 государственных и политических документа, а также другие документы, связанные с событиями в Нагорном Карабахе и вокруг него [4].

В книге З. Самедзаде идеи армянских фальсификаторов также разоблачаются, основываясь на реальных фактах. З. Самедзаде указывает, что если общий объем промышленной продукции в НКАО в 1976 году составлял 53 %, то в 1986 году эта цифра возросла до 60 %. Т. е. если по всей республике Азербайджан показатели роста развития производства равнялись 178,7 %, то в НКАО тот же показатель достигал 183 %. По объему промышленной продукции на душу населения НКАО вышла на первое место среди других регионов Азербайджана, т. е. значительно опережала общий рост по республике. В книге З. Самедзаде отмечается также, что согласно данным Госкомстата Азербайджанской ССР по отдельным отраслям

социально-экономического развития на 1988 год, НКАО опережала не только Азербайджан, но и Армению. Также указывается, что согласно проведенной в 1979 году переписи населения Азербайджана, армянское население в НКАО составляло лишь 25,9 % от всего армянского населения всего Азербайджана. За период с 1926—1988 год население НКАО увеличилось до 57,1 тыс. человек, или на 46 %. В 70-х годах переезд части азербайджанского населения в другие регионы Азербайджана, а также бывшего СССР, оказало серьезное влияние на демографическое соотношение в НКАО. Вместе с тем, З. Самедзаде подчеркивает, что в информации по НКАО, представленной на январь 1989 года, были следующие данные: из 189029 чел. населения НКАО 145450 чел составляли армяне (77 %) и лишь 40632 чел. составляли азербайджанцы (21 %). Однако эти данные не соответствуют действительности, т. к. во время переписи 1989 года применительно к армянскому населению за основу брались сильно преувеличенные данные. То есть лица, официально прописанные в НКАО, однако в действительности постоянно работавшие или проживавшие в Армении или в разных регионах СССР, были учтены как постоянные жители НКАО, тогда как 15 тыс. азербайджанцев, изгнанные из азербайджанских сел НКАО и из Степанакерта, не учитывались вовсе [5, с.16].

Исторический анализ проблем Нагорного Карабаха показывает, что ученые Азербайджана не использовали все имеющиеся возможности для исследования этой проблемы в полной мере и написанных до сих пор книг и статей по этому вопросу недостаточно. Ученым-историкам Азербайджана предстоит провести очень большую работу для справедливого решения проблемы Нагорного Карабаха.

Список литературы:

1. Абдуллаев А. «Из истории агрессивной политики Армении по отношению к Азербайджану» Баку 1995 г. (на азербайджанском языке)
2. Алиев И. «Нагорный Карабах. История. Факты. События». Баку, 1989 г. (на русском и азербайджанском языках).
3. Аракелов Р. «Виновники трагедии известны» Баку 1991.
4. Нагорный Карабах: разум победит. Документы и материалы. Баку, Азернешр, 1990.
5. Помпеев Ю. — «Карабах, тонущий в крови» Баку, 1992.
6. Самедзаде З. «Нагорный Карабах — неизвестная правда» Баку, 1995 (на азербайджанском языке).
7. «События в Нагорно-Карабахской Автономной Области и вокруг него в кривом зеркале фальсификаций» Баку, 1989 г.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕРМЕНЕВТИКИ Х.-Г. ГАДАМЕРА

Лукашевич Александр Анатольевич

канд. ист. наук

*Кировоградского национального технического университета,
г. Кировоград*

E-mail: feodosia56@yandex.ru

В современной российской и украинской историографии заметно возрос интерес к герменевтике, вызванный историко-антропологическим поворотом гуманитарного знания [10; 21; 22; 8]. При этом обнаружилось, что существующие направления в герменевтике имеют свою специфику, обоснование метода, теоретические посылки [23, с. 49]. Что собой представляет каждая из них, как они соотносятся между собой, каково их место в системе гуманитарного познания — вот неполный перечень вопросов, на которые ещё предстоит дать ответ. Не менее важно преодолеть стихийное обращение к герменевтике, заменить его продуманным, творческим освоением, руководимое проблемами разработки историком философских оснований исторической концепции, поиском адекватных подходов к изучаемым источникам.

Если значимость методов филологической герменевтики в истолковании исторических источников не нуждается в доказательстве [20, с. 69—86], то философская герменевтика воспринималась как красивая, но нефункциональная теория [14, с. 201]. И в первую очередь благодаря трудам Х.-Г. Гадамера, отношение к ней философов и историков стало меняться. Однако для выяснения истинного потенциала философской герменевтики в изучении теоретических проблем источниковедения необходимо систематическое исследование её положений. Решению поставленной задачи служит данная статья. Автор предлагает своё прочтение теории герменевтического опыта Гадамера, акцентируя внимание на тех её аспектах, которые, по его мнению, имеют значение для методологии источниковедения.

Предметом философской герменевтики Гадамера является понимание и истолкование понятого, исследуемых как диалог, а не путём обоснования конечных оснований бытия. Бытие, которое может быть понято — язык, причём не только людей, но и «язык» природы, всего сущего. Понимание пронизывает все связи человека с миром и потому может быть рассмотрено как способ познания

и как способ бытия одновременно. Соответственно понимание и истолкование имеют универсальный характер. Если в парадигме классической теории познания — «познание как отражение» — интерпретация является лишь одним из частных методов гуманитарных наук [15, с. 3], то по Гадамеру, понимание и истолкование текстов «является не только научной задачей, но и очевидным образом относится ко всей совокупности человеческого опыта в целом» [3, с. 38]. Так науки о духе сближаются со способами познания, в которых истина не подлежит верификации исключительно методическим путём. Лишь углубляясь в феномен понимания можно приблизиться к истине возвышающейся над областью методического познания, поскольку «онаучивание» имеет границы [24, с. 9].

Гадамер не предлагает систему познания, отвечающую идеалу науки или учение об искусстве понимания текстов. Он ставит вопрос о пределах науки во всеобщности человеческой жизни, условиях истины, предшествующих развёртыванию логики исследования и определяющих её. Поскольку обращённое к нам изнутри традиции предание занимает позицию между чуждостью и близостью, то задача герменевтики заключается в том, чтобы «прояснить те условия, при которых понимание совершается» [3, с. 350]. Причём условия — не методы или способы, находящиеся в распоряжении интерпретатора, а предмнения, предрассудки, владеющие им. Они свидетельствуют об изначальной укоренённости интерпретатора в традиции, в том, что он намеревается понять. Тем самым свобода познания не только ограничивается, но одновременно становится возможной.

Традиция, как её понимает Гадамер, охватывает «не только тексты, но также и институты, и жизненные формы» [3, с. 257]. Она не тождественна прошлому, это история, присутствующая в настоящем и определяющая его, единство того, что сбилось и происходит сейчас, являясь «неязыковой по своему существу», тем не менее, допускает «языковое» истолкование [3, с. 260]. Традиция ассоциируется с догматизмом, авторитетом. На самом деле между нею и разумом противоположности не существует. Она формируется путём сохранения при любых исторических изменениях того, что есть, включая в этот процесс сознательные акты (выбор, оценка, согласие и т. д.), значимых не в меньшей степени, «чем переворот и обновление» [3, с. 335].

Осознание историчности человеческого существования, его детерминированности и конечности, ведёт к отказу от субъектоцентризма в познании, преодолению субъект-объектной оппозиции. В центре внимания оказывается онтология познания. Природа

понимания рассматривается не как конгениальность, а как причастность интерпретатора и автора текста к общему для них смыслу, «сути дела». Интерпретатор должен перенестись в ту перспективу, в рамках которой автор пришёл к своему мнению, что означает необходимость «посчитаться с фактической правотой» того, что он говорит, достичь в понимании содержательного согласия [3, с. 346—347].

Форма осуществления понимающего истолкования, его структура, представляет собой логический круг. Целое следует понимать на основе отдельного, а отдельное исходя из целого. Критерием правильности понимания является соответствие частей целому смыслу.

Приступая к изучению содержания текста, интерпретатор имеет предварительное мнение о нём, не выведенное из абстрактных принципов, а переданное ему языковой традицией. Происходит это благодаря его изначальной и существенной связи с познаваемым. Их единство обусловлено не однородностью — тогда философская герменевтика стала бы частью психологии, а принадлежность к общему историческому способу бытия. Поэтому, постигая, «сознание должно требовать пред-понимания, всегда присутствующего в деле, когда мыслится серьёзная «научность» [3, с. 313, 687]. Оно организует исследование, определяет состав «вопросника», с которым историк обращается к источнику. Как пишет М. Блок, вопросы «диктуются ему (историку А.Л.) утверждениями или сомнениями, которые записаны у него в мозгу его прошлым опытом, диктуются традицией, обычным здравым смыслом, т. е. — слишком часто — обычными предрассудками» [2, с. 39]. В то же время, игнорирование данного обстоятельства может привести к тому, что в источнике будет вычитано только то, что вложил в него сам исследователь.

Предварительное суждение — предструктура понимания — проецируется на смысл текста. Он проявляется лишь только потому, что с самого начала мы ожидаем его. «Набросок» постоянно пересматривается по мере изучения текста. Параллельно разрабатываются конкурирующие проекты. Так, приближение к однозначному единству смысла сопровождается постоянным расширением concentрических кругов понимания.

Разумеется, не все предмнения, владеющие сознанием интерпретатора, истинны и плодотворны, есть и ложные. Их следует выявить «сутью дела». Требование разработки контролируемых, отвечающих фактам гипотез — «набросков», «радикально устрожает метод» [4, с. 76], гарантирует объективность смыслового движения понимания и истолкования [3, с. 318].

Другой критерий объективности понимания заключается в противопоставлении возможных вариантов суждений. Это позволяет исследователю обнаруживать свои предрассудки, а также инаковость смысла текста. Вот почему принципиально важно оставаться открытым и восприимчивым к другим интерпретациям, позволить тексту высказывать свою «фактическую истинность» [3, с. 321].

Реабилитация предмнений или предрассудков объясняется признанием непреодолимости историчности позиции исследователя научной методикой. Предпонимание постоянно направляет и ограничивает интерпретации, являясь субстанциональностью субъективности. Это тот горизонт, в рамках которого истолковывается содержание текста. Горизонт, поясняет Гадамер, — «поле зрения, охватывающее и обнимающее всё то, что может быть увидено из какого-либо пункта», даёт возможность «действительно представить себе иную ситуацию» [3, с. 358, 361]. Обладать широтой горизонта означает иметь способность оценить истинное значение и пропорции вещей, занять правильную позицию для вопрошания. Он определяется общностью, образующейся в процессе взаимодействия интерпретатора с преданием. Таким образом, историческое сознание не слепо следует заранее данным предпосылкам, но само принимает участие в разработке мотивации исследования.

Герменевтический круг оказывается не субъективным и не объективным, он описывает «свершение» языковой традиции, являющейся одновременно предметом и условием понимания.

Исходя из горизонта своего исследования, интерпретатор фокусирует внимание на предании. Как при этом происходит конкретизация исторического познания? Предпосылкой выбора, актуализации направления поиска является «предвосхищение совершенства» или презумпция совершенства. Она означает: доступно пониманию лишь действительно совершенное единство смысла [4, с. 78]. Если смысловое ожидание не подтверждается, текст остаётся непонятым, возникают сомнения в истинности того, что он сообщает. В таком случае смысл текста ставится под вопрос, к нему применяют методы исторической критики для изучения его как иного мнения. Это, в свою очередь, требует выяснения, какие предмнения истинные, а какие ложные. Важную роль в их различении играет временная дистанция.

Временная дистанция непреодолима: во времени постоянно свершаются события, определяющие настоящее и в контексте которых воспринимается предание. Однако её и не следует преодолевать, поскольку она обуславливает продуктивную возможность понимания,

осуществляет «фильтрацию подлинного смысла» (выражение Гадамера — А.Л.), этот бесконечный процесс, в результате которого предрассудки частного характера отмирают и проявляются те, что обеспечивают истинное понимание.

В анализе Гадамера значения временной дистанции в познании есть свои трудности, на которые обратила внимание П.П. Гайденко. По её мнению, историческое понимание, в гадамеровской трактовке, есть отмирание живого. Если суть исторического события осознаётся по мере его развёртывания и завершения во времени, то пока оно существует для нас, не может стать предметом исторического исследования. Последнее аналогично созерцанию прекрасного: чем менее интерпретируемое произведение соотносится с современными проблемами, тем адекватнее его понимание. «Эта формула скрывает в себе опасную тенденцию», — заключает П. Гайденко, — традиция, как прошлое, становится предметом эстетской игры — незаинтересованного наслаждения, жизнь разведена с культурой [5, с. 149, 160].

Стоит, однако, уточнить, действительно ли Гадамеру принадлежит критикуемая точка зрения. Обратившись к его главной книге «Истина и метод», можно убедиться в обратном. Рассуждая о позитивных возможностях временного отстояния в изучении прошлого, Гадамер заметил, что подобный опыт в исторической науке привёл к признанию предпосылки исторического метода, согласно которой нечто «может быть объективно познано в его непреходящем значении лишь тогда, когда оно принадлежит некоему завершённому в себе целому. Другими словами, когда оно в достаточной степени мертво, чтобы вызывать лишь исторический интерес», только при таком условии может быть преодолён субъективизм историка [3, с. 149].

Отсюда ясно, П. Гайденко полемизирует не с Гадамером, а с историзмом 19 в. Но в отличие от своего союзника, последовательный герменевтик Гадамер прежде стремится усилить аргументы оппонента. Он соглашается с тем, что историческое событие, прошедшее все этапы своего развития, становится обозримым, освобождается от сиюминутных оценок, становится доступным объективному пониманию. Однако этим герменевтическая проблема не исчерпывается. И дело не только в относительности самого момента завершения исторического события и невозможности преодоления субъективности историка. Временная дистанция является условием проявления подлинного смысла происшедшего, текста. Он не может быть постигнут окончательно. Постоянно выявляются как новые

смыслы, так и заблуждения. И только время делает возможным отделить ложные предмнения от истинных, направляющих познание.

Предмнения обнаруживают себя во встрече с преданием как инаковостью, не согласующейся с ними и потому нуждающейся в истолковании. Интерпретатору задан вопрос — с этого момента начинается понимание. Чтобы его услышать, следует воздержаться от уподобления происшедшего нашим смыслоожиданиям, дать возможность преданию заявить о себе. Речь здесь идёт не о десубъективизации исторического познания, а об испытании всех суждений претендующих на истину. Так прерывается действие предмнений и с логической точки зрения возникает структура вопроса [3, с. 354, 362]. Она является составным компонентом герменевтического опыта, поскольку чтобы убедиться в чём-то, установить смыслокоммуникацию, необходима активность вопрошания, реализуемая на основе логики вопроса и ответа. Цель вопрошания — установить возможности интерпретируемого, а также определение направления, в котором может последовать ответ. Последний коррелирует со смыслом вопроса, мотивированный контекст которого сообщает содержанию ответа смысловую однозначность [3, с. 442].

Итак, чтобы понять текст, интерпретатор, спрашивая, должен реконструировать вопрос и его горизонт, в смысловых границах которого дан ответ. Смысл текста неизбежно выходит за пределы его содержания. Поскольку вероятность совпадения субъективного и объективного в историческом процессе не даёт оснований возвести его в теоретический принцип, задачей понимания является освоение смысла самого текста, «дела» и лишь во вторую очередь — авторского замысла. Необходимо различать вопросы, на которые текст должен был дать ответ от тех, на которые он действительно отвечает.

Как полагает О.М. Медушевская, перенос Гадамером процедуры воспроизведения намерений автора текста, историко-культурного контекста в котором он находился, на периферию внимания интерпретатора, позволяет заключить, философская герменевтика, в отличие от методологии источниковедения, не признаёт чужой одушевлённости. Но именно принцип «единства чужого сознания», обоснованный А.С. Лаппо-Данилевским, является основным для герменевтического искусства понимать чужую речь. Игнорируя его, историк лишает себя важного источника информации и рискует приписать тексту несвойственный ему смысл. Более того, под вопросом оказывается сама возможность исторического познания, диалогичного по своей сути, поскольку для его осуществления

необходимо методологическое разграничение позиций двух субъектов — автора источника и историка [16, с. 76, 123—124, 141].

Такой вывод, в конечном счете, обусловлен концептуальными положениями гуманитарного познания А.С. Лаппо-Данилевского. В его «Методологии истории» утверждается, что условием интерпретации исторического источника является единообразие психической природы человека. Историк должен стремиться понять источник так же, как его творец и даже лучше. Реконструировав чужую одушевлённость, её замысел, он обретает критерий, с помощью которого не допустит произвол в истолковании содержания источника [12, с. 410—419].

Учитывая заметное влияние творчества выдающегося русского историка на современное теоретическое источниковедение, считаю актуальной проблему анализа его концепции с позиции философской герменевтики Гадамера. Полагаю, его критика герменевтики 19 в. заставит пересмотреть методологические разработки А.С. Лаппо-Данилевского. Однако нужно предупредить, для философского стиля Гадамера категоричность не характерна. Строгим, застывшим формулировкам он предпочитает постоянное, по мере развёртывания сюжета, возвращение к ранее высказанному, уточняя, углубляя его смысл. Причём систематизировать, свести все дополнения к единому знаменателю едва ли возможно. К тому же, нельзя упускать из виду аргументы его оппонентов, с которыми явно или не явно Гадамер ведёт полемику. Так, романтическая герменевтика, В. Дильтей полагали, что историческое понимание может иметь объективный характер, а залогом его являются смысл вложенный автором в текст и социокультурные обстоятельства, повлиявшие на творческий процесс. Их воспроизведение гарантирует объективность понимания. Для достижения поставленной цели интерпретатор должен как можно полнее отождествить себя с творцом источника, вжиться в ситуацию его существования [5, с. 136]. В данном методическом требовании Гадамер усматривает желание следовать научному идеалу естествознания, согласно которому мы понимаем лишь тогда, когда в состоянии искусственно воспроизвести изучаемое явление. По его мнению, попытка свести герменевтическую задачу к восстановлению замысла автора «неуместна», исследователь не должен довольствоваться ею [6, с. 264]. Тем не менее, это не означает, что философ с порога отвергает методическую рекомендацию понять прошлое заняв позицию автора источника. Он рассматривает её как существенную вспомогательную операцию, ибо невозможно «уклониться от продумывания и выдвижения на уровень открытости

вопроса того, что для данного автора было несомненным и потому осталось им не продуманным» [3, с. 440]. Следовательно, нет и намерения «распахивать двери для произвола интерпретатора» [3, с. 440], отказываясь от важного нормативного принципа. Однако для «перенесения» себя в прошлое, чтобы «вжиться» в роль автора источника, историк должен обладать историческим горизонтом, противопоставить свои взгляды чужим. Привнесение в историческую ситуацию свое бытие и означает поставить историка на место автора. В процессе понимания их горизонты сливаются, образуя общий, не совпадающий с каждым из слившихся. Другими словами, осмысление предания опосредуется современностью, поэтому является и репродуктивным, и продуктивным. Оно нацелено на достижение взаимопонимания на основе общности представлений о сути «дела», высказанного в тексте, а не путём проникновения историка в душу автора источника [1, с. 139].

Если верно, что реставрация исторической ситуации, в которой было создано произведение и авторского замысла является предпосылкой подлинного постижения его значения, то понимание ни что иное, как восстановление изначального. Но тогда, спрашивает Гадамер, действительно ли будет полученный результат соответствовать искомому, той цели, ради которой историк предпринял исследование? Рассуждая далее, он обращает внимание на то обстоятельство, что текст — реальность, обретшая своё первое значение благодаря его создателю. Однако существуя в традиции, он затрагивает нас, обращаясь с вопросом. В начавшемся разговоре присутствуют не только восстановление первоначального смысла произведения, но и усилие расслышать то, что нам говорят. Возникает потребность переосмыслить ситуацию, в которой находимся мы сами. При этом, как отмечалось, постижение сказанного руководствуется господствующим над нами предвосхищением смысла, подлежащий коррекции, если этого требует текст. Следовательно, смысл последнего необъясним исходя только из той среды, в которой творил автор и находились его первые читатели, во всяком случае, этим он не исчерпывается [3, с. 345, 350—351, 460]. Реконструкция авторского замысла позволяет высказанному в тексте обрести свою определённую и способность впервые «действительно быть сказанным». Но всё это относится не к автору, а к содержанию произведения [3, с. 565].

Предание, находясь в потоке исторического свершения, постоянно обогащается новыми значениями и в этом смысле неисчерпаемо. Оно не растворяется в новых аспектах, теряя свою

идентичность, напротив, сохраняется в каждой разновидности проявления своей сущности. Вот почему для правильного истолкования важны все этапы «прироста смысла» произведения, а не только его первоначальный замысел, никогда не угасающий окончательно, давая возможность восстановить его актом познания [3, с. 167].

Наконец, неоспорим тот факт, что возможности выяснения истории происхождения и становления произведения имеют свои границы. Не случайно Гадамер делает акцент не на истолковываемом произведении или творческой активности историка, а на понимании как моменте свершающегося предания, поскольку «сущность исторического духа состоит не в восстановлении прошедшего, а в мыслящем опосредовании с современной жизнью» [3, с. 220, 345], стоящее на одной ступени с истиной.

Несмотря на то, что каждое поколение понимает по-своему, сам текст произведения остаётся одним и тем же. При этом истолкование не свободно по отношению к нему, а «крепко держится» за его содержание, являющееся мерой понимания. Оно не может занять место истолкованного произведения, но сохраняет за собой принципиальную акцидентальность [3, с. 392, 463, 465, 546].

Сказанное проясняет метафорическое определение понятия «источник» в гуманитарной традиции, исследуемое Гадамером. Он сравнивает его с ключом «чистой и свежей» воды, отличающийся от «нечёткого воспроизведения или фальшивого усвоения», позволяющий обращаться к нему непосредственно, «соразмерять в соответствии с ним его позднейшие отклонения». Изучение источников потому плодотворно, что они не становятся «мутными» из-за их частого использования, но всегда «представляют ещё нечто другое, чем-то, что из них было извлечено до сих пор» [3, с. 453—460, 465, 546]. Источая неисчерпаемую историческую информацию, источник заявляет тем самым о необходимости обращения к нему как критерию истинности для совершенствования понимания, приобщения к наследию классических авторов, идеи которых не уходят со временем, но должны быть обнаружены. Так, в гуманитарной трактовке понятия «источник» издавна переплетаются познавательные и культурологические аспекты. Среди памятников прошлого Гадамер выделяет письменные источники. То, что нам передано в письменной форме, есть проявление воли к сохранению и передаче, «длящееся бытие». Благодаря непрерывности памяти, источник сосуществует с настоящим и обращается к нему как современник. Он не остаток исчезнувшего мира, но с момента своего возникновения возвышается над ним, так как слово идеально,

выражает целое смысла, к которому обращается читатель. Последний сам оценивает своё притязание на истину, поскольку письменная фиксация отделяет смысл текста от обстоятельств его происхождения, автора, первого читателя. Письменность есть самоотчуждение, тексты выражают не только субъективность их автора. Следовательно, герменевтический канон: нельзя вкладывать в текст ничего такого, чего не могли иметь в виду автор и его читатель-современник, имеет ограниченное значение.

Смысл предания предстаёт перед нами в его жизненных связях. Следовательно, составной частью герменевтического опыта, помимо понимания и истолкования, является применение — соотношение смысла интерпретируемого текста с той конкретной ситуацией, в которой он должен быть воспринят [3, с. 166, 364—365, 403]. Оно имеет логическую форму соотношения всеобщего (текст) и особенного (истолкование его в конкретной ситуации). При этом подразумевается не приложение к частному случаю некоего всеобщего, которое изначально дано и понятно само по себе, но осуществление действительного понимания данного текста. По сути, опосредование произведения современностью представляет собой его опытное познание. В применении опосредуется «тогда» и «теперь»: движущееся на встречу к нам предание обращается к настоящему и должно быть понятно в его опосредовании и как это опосредование. Таким образом, заключает Гадамер, герменевтический опыт — это действенно-историческое сознание. В историческом свершении участвуют не только предание, но и понимающий субъект. В осознании своей историчности, начала и конечности собственной жизни, состоит сущность опыта. Поэтому опытный человек всегда открыт ему, готов приобретать новый. Достоинство же самого опыта не в его повторяемости, как в естественных науках, а в контролируемости.

Размышления Гадамера об интерпретации как творчестве, о том, что в каждой новой исторической ситуации произведение понимается по-новому, если вообще понимается, заставляют задуматься над вопросом: не порывает ли философская герменевтика с идеей общезначимого, не ведёт ли она к релятивизму в интерпретации? В.С. Малахов считает, что философу так и не удалось преодолеть противоречия между историчностью понимания и требованием общезначимости его результатов [18, с. 155—156, 163]. Тем не менее, он рекомендует не торопиться упрекать Гадамера в релятивизме, ведь его концепция направлена на разработку не методологии, а онтологии понимания. Кроме того, смысловое

богатство содержания текста делает невозможной попытку найти единственно правильное его осмысление и потому «двусмысленность» неустранима из интерпретации [19, с. 327, 330].

Здесь уместно предоставить слово самому Гадамеру: соотносённость «с ситуацией менее всего означает, что стремление к правильному истолкованию оборачивается его субъективностью и окказиональностью» [3, с. 462]. Историческое предание имеет языковую природу. В языковой среде отражается действительность, возвышающаяся над сознанием отдельного человека, сохраняется постоянное и выражается изменчивое. Конкретно-историческая сущность человека опосредуется в ней с самой собой и с миром, преодолевая границы своего исторического бытия. Языковой характер нашего опыта мира предшествует всему, что мы познаём и высказываем. А то, что познаётся, всегда окружено мировым горизонтом языка [3, с. 462, 520]. В сопринадлежности, посредством языка, субъективного и объективного заложена возможность познания сущего человеческим мышлением.

Историческая жизнь предания заключается в необходимости во всё новых его усвоениях и потому всякое истолкование должно привести себя в соответствие с той герменевтической ситуацией, которой оно принадлежит. Его можно уподобить переводу, когда текст обретает понятный язык в результате переноса его смысла в контекст читателя. Таким образом, не может быть правильного толкования «в себе», в нём всегда речь идёт о самом тексте. Но там, где требуется перевод, приходится мириться с несоответствием между точным смыслом сказанного на одном языке и воспроизведённого на другом, возникает мера сопротивления, образующая «степени непереваемости» [9, с. 93].

Итак, понять текст — значит конкретизировать его смысл, применить к ситуации понимающего сознания. Важно при этом осознать, «всякий текст, хотя его всегда можно понять иначе, остаётся тем же самым текстом, лишь раскрывающимся нам по-разному. Тем самым ни в малейшей мере не релятивизируется притязание на истинность, выдвигаемое истолкованием, ...» [3, с. 463]. Само многообразии «подобных мировидений вовсе не означает релятивацию «мира». Скорее то, что есть мир, неотделимо от тех «видов», в которых он является» [3, с. 518]. Целостная и развивающаяся картина мира, основанная на преемственности и изменчивости, в конечном счёте представляет собой единство в многообразии.

Как видно, Гадамер не уходил от трудных вопросов, а настойчиво искал пути усиления своей позиции. По всей видимости, любая

концепция, нацеленная на преодоление субъект-объектной дихотомии, просто обречена искать защиту от обвинений в релятивизме. И одно из самых серьёзных принадлежит П.П. Гайденко. По её мнению, в гадамеровской философии языка последний синоним бытия, времени, историчности, сущность которого раскрывается в игре, поскольку имеет цель в самом себе. Язык есть игра, именно он, а не говорящий, является субъектом речи. Слово языка «играет» смыслами, принципиально неоднозначно. Понятие истины связанное с понятием игры, ведёт к полному релятивизму [7, с. 443].

Вновь, как в предшествующих случаях, считаю необходимым уточнить предмет обсуждения, предложив альтернативное прочтение гадамеровской характеристики понимания как игры.

Познание мыслится Гадамером не столько как деятельность субъекта, сколько как составная самого бытия. Первичным является момент связи. Понимание включено в свершение предания — языковую коммуникацию, диалог историка с преданием. «Свершение» также означает игру — само-разыгрывание содержания предания, развёртывание его новых смыслов благодаря изменяющимся историческим условиям и возможностям восприятия. Происходящее в нём непрерывное опосредование прошлого и современного делает исторически подвижным как свершение, так и само понимание. Чем подлиннее беседа, тем в меньшей степени она зависит от воли собеседников. Историк, как в игре, не просто противостоит своему предмету, а оказывается втянутым и ведомым движением исторической жизни [3, с. 534, 536, 581]. Он ставит на кон свои предмнения. Невозможно превратить предание в противоположенный нам предмет, подходить к нему, оставаясь свободным от него, устраняя из связи с ним все субъективные моменты. Заранее неизвестно, что в результате разговора будет выяснено.

Но всё-таки, где гарантия того, что мы правильно понимаем предание, если каждый раз, в новых исторических условиях, смотрим на него с иных позиций? Ответ на поставленный вопрос Гадамер старается найти в анализе онтологии произведения искусства. Оно сопоставимо с игрой: «его собственное бытие неотделимо от его представления, а в представлении выявляются единство и тождество структуры» [3, с. 169]. Представление всегда иное, однако, отсюда не следует, что первая интерпретация истинна, а последующие приблизительны. Все они исходны самому произведению, приобретающее в них свои новые значения, смыслы. Движение истолкования и понимания диалектично, спекулятивно, то есть представляет собой отношение отражения. Отражение

не является самой вещью, но позволяет явиться её сущности. Отражаться друг в друге — значит постоянно меняться местами, причём отражение существенно связано с отображаемым. Таким образом, представление подчиняется «критерию правильности» на основании, содержащемся в нём указание на структуру произведения искусства. Иначе говоря, содержание предания служит мерой понимания, а всякое новое его условие, есть один из «видов» опыта, в котором являет себя его сущность — «дело». Значит догматично утверждение о наличии в предании «смысла в себе». Нет устойчивого, в-себе-сущего предмета, который в качестве такового опознаёт субъект в результате своей методической активности. В действительности историческое сознание включает в себя прошлое и настоящее, происходит постоянное «приращивание» смысла предания. Быть «одним и тем же и всё-таки иным» [3, с. 169, 546—549] — вот подлинная суть содержания предания. Поскольку мы, понимающие, как в игре, «втянуты в свершение истины» [3, с. 566], процесс познания уже нельзя представить как отношение субъекта и неизменно-данного ему «предмета», из которого научными методами добывается знание. Он есть деяние самого «дела», охватывающее говорящих, не противопоставленных, а связанных друг с другом. Метод здесь не просто форма познания, нечто применённое к предмету и чуждое по отношению к нему действие. Это лишь внешняя сторона герменевтического опыта, требующая от интерпретатора методической дисциплины по отношению к самому себе. Мыслить означает «развернуть дело в его собственной последовательности» [3, с. 536] и значит, истинный метод должен отвечать имманентной логике развития предмета. Однако использование только научных методов ещё недостаточно чтобы гарантировать истину, поскольку в познании участвует наше бытие. Оно ставит границу методу, но не науке, так как то, «чего не способен достичь инструмент метода, должно и может быть достигнуто дисциплиной спрашивания и исследования, обеспечивающей истину» [3, с. 566].

Конечно, дискуссия вокруг концепции Гадамера не может быть исчерпана в рамках одной статьи. Автору хотелось прояснить позиции сторон, способствовать самостоятельному продумыванию философской герменевтики. И если у читателя возникнет желание обратиться к работам Гадамера, то я буду считать свою цель достигнутой. Остаётся только добавить, что исходя из современной эпистемологической ситуации в гуманитарных науках, значение философской

герменевтики актуализируется благодаря тому, что она воспитывает ответственность перед традицией, учит не спешить сказать новое слово: «не изобретать язык, соответствующий новому пониманию, а использовать существующий язык, ...» — считает закономерным требованием Гадамер, а успехи рефлексии должны возрастать «только из одной практики» [3, с. 627, 633]. Коммукативно — конвенциональный характер гуманитарной рациональности, неизбежность появления новых интерпретаций предания, заставляют задуматься о теоретико-методологических основаниях интеграции различных концепций, парадигм. Их разработка является условием преодоления кризиса в исторической науке и её дальнейшего развития [11, с. 111; 13, с. 304—307]. Но именно философской герменевтике вообще и Гадамера в частности, присущи стремление к диалогу, синтезу различных типов философствования, комплементарность. «Душа» герменевтики — в поиске общего языка [17, с. 8]. Сегодня, когда в отечественной исторической науке полемика ведётся с различными методологических позиций, важно научиться слушать и усваивать слова инакомыслящего, поддерживать с ним диалог. Лишь совместными усилиями можно постигать историю человека и человечества во всех аспектах их бытия.

Список литературы:

1. Антипсихологизм Гадамера не исключает психическое. Непсихологические образования дают ключ к пониманию индивидуального сознания. — Лекторский В.А. Немецкая философия и российская гуманитарная мысль: С.Л. Рубинштейн и Г.Г. Шпет // ВФ, 2001. — № 10. — С. 139.
2. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. — М.: Наука, 1986 — С. 39.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. — М.: Прогресс, 1988 — с. 38.
4. Гадамер Х.-Г. О круге понимания. — В кн.: Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. — с. 76.
5. Гайденок П. Герменевтика и кризис буржуазной культурно-исторической традиции // Вопросы литературы — 1977. — № 5. — с. 149, 160.
6. Гадамер Х.-Г. Эстетика и герменевтика. — с. 264.
7. Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентальному: Новая онтология XX в. — М.: Республика, 1997 — с. 443.
8. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998 — с. 137—140.

9. Интервью с В. Изером // ВФ, 2001. — № 11. — с. 93.
10. Кром М.М. Герменевтика, феноменология и загадки русского средневекового сознания // Отечественная история (далее ОИ), 2000. — № 6 — С. 98.
11. Ковальченко И.Д. Историческое познание: индивидуальное, социальное и общечеловеческое // Свободная мысль, 1995. — № 2. — с. 111.
12. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. — Спб. 1913. — Вып. II — с. 410—419.
13. Лукьянов Д.В. Поиск единства современного историографического процесса // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Докл. и тез. XIV науч. конф. Москва, 18—19 фев.2002 / Сост. Р.Б. Козаков — РГГУ, 2002. — с. 304—307.
14. Марков Б.В., М. Хайдеггер и Х.Г. Гадамер: герменевтический проект — В кн.: История современной зарубежной философии: компаративистский подход — Спб., 1997. — с. 201.
15. Микешина Л.А. Специфика философской интерпретации //Вопросы философии (далее ВФ), 1999. — № 11. — с. 3.
16. Медушевская О.М. Теория источниковедения. — В кн.: Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. — с. 76, 123—124, 141.
17. Микешина Л.А. Герменевтика. — В кн.: Культурология. XX в. Словарь. — Санкт-Петербург. — 1997. — с. 92; Гадамер Г.-Г. К русским читателям. — В кн.: Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. — с. 8.
18. Малахов В.С. Концепция исторического понимания Х.-Г. Гадамера // Историко-философский ежегодник'90. — М.: Наука, 1991 — с. 155—156, 163.
19. Малахов В.С. Философская герменевтика Ганса Георга Гадамера. — В кн.: Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. — с. 327, 330.
20. Пронштейн А.П. Истолкование исторических источников // ВИ, 1969. — № 10. — с. 69—86.
21. Реєнт О.П. Сучасна історична наука в Україні: шляхи поступу // Український історичний журнал, 1999. — № 3. — с. 11.
22. Рашковский Е.Б. Выступление. — Философия и историческая наука. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии (далее ВФ) — 1998 — № 10. — с. 54.
23. Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии // Вопросы истории (далее ВИ), 2001. — № 9. — с. 49.
24. «Я — человек диалога» (интервью с Хансом-Георгом Гадамером) // Вестник МГУ, серия 7. Философия, 1998. — № 5. — с. 9.

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ А.В. ГЕРАСИМОВА

Назаров Владилен Викторович

*канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой экономики и права БИ СГУ,
г. Балашов*

E-mail: nvv1975RSB@mail.ru

Важным источником, несущим в себе свидетельства эпохи, являются воспоминания. Партия социалистов-революционеров имеет богатую историю, и была предметом многочисленных научных исследований отечественных и зарубежных историков. Но, несмотря на достаточно подробную изученность темы, введение в научный оборот множества опубликованных и неопубликованных источников, всегда остается место для субъективных моментов, эпизодов из жизни участников событий, которые важно знать для более полного и глубокого понимания исторических событий и процессов.

В начале XX в. в России в активную политическую деятельность вступила партия социалистов-революционеров (эсеры, ПСР). Партия возникла в конце 1901 — начале 1902 г. в результате слияния нескольких неонароднических организаций [2; 3; 4; 5; 7]. С момента зарождения Партии социалистов-революционеров ее идеологи считали террор вполне приемлемой формой политической борьбы. В статье «Террористический элемент в нашей программе» лидер и теоретик партии В.М. Чернов отмечал, что «террор есть могучее средство агитации и пропаганды, и не менее важен как оружие, позволяющее дезорганизовать работу власти» [3, с. 161]. Российское общество в полной мере испытало на себе негативные последствия политического терроризма. Он оказывал деморализующее влияние на общество, особенно на молодежь. Террористы внесли в общественную жизнь страны дух жестокости и насилия. Убийства и грабежи стали превращаться в обыденные, заурядные элементы политической жизни страны.

Правоохранительные органы Российской империи искали эффективные методы борьбы с террористической угрозой. Большой вклад в борьбу с терроризмом внес министр внутренних дел, а затем председатель Совета Министров П.А. Столыпин. В апреле 1906 г. Он издал циркуляр, в котором была четко сформулирована программа деятельности правоохранительных органов: укрепление охранных отделений, устранение дублирования их функции с жандармскими управлениями, внедрение новейших средств и методов розыскной

деятельности, ужесточение карательных мер в отношении опасных государственных преступников. В феврале 1907 г. П.А. Столыпин утвердил «Положение об охранных отделениях», определившее правовые основы их деятельности [9, с. 106].

Одной из ключевых фигур политической полиции стал начальник Петербургского охранного отделения полковник Александр Васильевич Герасимов (1861—1944). В истории русской политической полиции он сыграл одну из самых выдающихся ролей. А.В. Герасимов был выходцем из казачьей семьи, по окончании юнкерского училища несколько лет служил в пехотном батальоне. Переход на службу в корпус жандармов был для него нелегким выбором. Конец 80-х годов XIX в. в государственных и правоохранительных структурах Российской империи отмечен борьбой с «кухаркиными детьми». Офицерский состав корпуса жандармов состоял в основном из представителей дворянского сословия. Карьера давалась А.В. Герасимову нелегко, но настойчивость и талант позволяли ему продвигаться по служебной лестнице. В феврале 1905 года А.В. Герасимов был назначен на должность начальника Петербургского охранного отделения. Это был один из наиболее ответственных постов в системе российской политической полиции [8].

Этот период жизни А.В. Герасимова получил отражение в его воспоминаниях под названием «На лезвии с террористами», которые впервые были опубликованы в Харбине и Нью-Йорке в 1933 г. Воспоминания Герасимова посвящены в основном борьбе с политическим терроризмом. По признанию лидера эсеровского движения В.М. Чернова: «Лишь после того, как вышли (на немецком языке) воспоминания генерала Герасимова, нам окончательно выяснилась общая картина, катастрофы, постигшей нашу боевую работу, как раз в то самое время, когда [боевая] [организация] по планам партии должна была довести свои атаки на царский режим до максимальной энергии» [10, с. 273]. Воспоминания Герасимова представляют интерес для современного исследователя еще и тем, что в них нашел отражение очень важный момент истории ПСР: кризис, который она переживала в связи с предательством Е.Ф. Азефа.

По мнению большинства историков Евгений Филиппович (Евно Фишелевич) Азеф (1869—1918) представляет собой одну из наиболее одиозных фигур в истории освободительного движения в России. В течение многих лет он состоял агентом Департамента полиции и одновременно являлся одним из основателей и признанных авторитетов Партии социалистов-революционеров, членом ее ЦК и руководителем Боевой организации. При непосредственном участии

Азефа были подготовлены свыше тридцати террористических актов, убийства министра внутренних дел В.К. Плеве, московского генерал-губернатора вел. князя Сергея Александровича и некоторых других высокопоставленных лиц. В то же время он выдавал властям революционеров, передавал в Департамент полиции сведения обо всем происходящем в ПСР [6, с. 3—4.].

Следует отметить, что А.В. Герасимов придерживался особого взгляда в отношении Азефа. Он не считал его провокатором. В изображении Герасимова Азеф целиком и полностью на стороне правоохранительных органов. Автор воспоминаний пишет о том, что агент Департамента полиции в частных беседах придерживался умеренных либеральных взглядов, был противником террора, выступал за постепенные реформы, разделял взгляды П.А. Столыпина о необходимости развития в России института частной собственности на землю. Пожалуй, Герасимов единственный человек из правительственного лагеря, который воспринимал Азефа как живого человека, с достоинствами и недостатками. Он высоко ценил его как агента Департамента полиции: «Достаточно было назвать имя какого-либо человека, имевшего отношение к революционному лагерю, чтобы Азеф дал о нем подробную справку. Часто оказывалось, что он знает об интересующем меня лице все: его прошлое и настоящее, его личную жизнь, его планы и намерения, честолюбив ли он, не чересчур ли хвастлив, его отношение к другим людям, друзьям и врагам <...>. Эти разговоры мне всегда много давали. Именно Азеф дал мне настоящее знание революционного подполья, особенно крупных его представителей» [1]. После разоблачения Азефа эсерами А.В. Герасимов сделал все, чтобы вывести своего агента из-под удара. Он даже пошел на должностное преступление, уничтожив компрометирующие документы.

Подобным образом А.В. Герасимов относился и к другим своим агентам. По его утверждению, из числа секретных агентов, которые работали под его руководством, очень немногие были впоследствии раскрыты. Роль многих из них до настоящего времени остаётся загадкой. А.В. Герасимов, вопреки правилам, не представлял в Департамент полиции сведения о своих агентах. Отношения с ними он поддерживал только лично, никто больше не знал об их существовании. После ухода Герасимова с поста начальника охранного отделения многие его агенты прекратили свою деятельность. Герасимов в своих воспоминаниях пишет, что, покидая охранное отделение, он предложил им решить, хотят ли они работать дальше с его преемником или сочтут необходимым покинуть службу. Многие

предпочли последнее. Показателем профессионализма А.В. Герасимова служит тот факт, что никто из его агентов до сих пор не раскрыт [1].

Мы можем придерживаться различных политических взглядов и убеждений, по-разному относиться к событиям российской истории начала XX вв., но нам следует учитывать опыт государственных деятелей прошлого. В этом неопределимую роль играют воспоминания.

Список литературы:

1. Герасимов А.В. На лезвии с террористами [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://etextlib.ru/Book/Details/5690/>.
2. История политических партий России / под. ред. А.И. Зевелева. М.: Высшая школа, 1994. — 448 с.
3. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях: доп. учеб. пособие для вузов / Авт.-сост. О.В. Будницкий. 2-е изд., доп. и перераб. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. — 576 с.
4. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. — 512 с.
5. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг. М.: РОССПЭН, 1998. — 624 с.
6. Письма Азефа: 1893—1917 / Сост. Д.Б. Павлов, З.И. Перегудова. М., 1994. — 287 с.
7. Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. — 872 с.
8. Система генерала Герасимова [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.xliby.ru/istorija_istorija_syska_v_rossii_kn_1/p53.php.
9. Суворов А.И. Политический терроризм в России XIX — начала XX веков. Истоки, структура, особенности // Социологические исследования. — 2002. — № 7.
10. Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953. — 413 с.

**ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ГОНЧАРНЫХ ГОРНОВ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА
НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ УКРАИНЫ
(ЗА ОПУБЛИКОВАННЫМИ МАТЕРИАЛАМИ
И АРХИВНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ
КОНЦА XIX—XX ВЕКА)**

Троцкая Валентина Ивановна

*старший сотрудник отдела археологической керамики
Национального музея-заповедника украинского гончарства в Опoшине,
младший сотрудник Института керамологии
отделения Института народооведения
Национальной академии наук Украины
E-mail: ceramolog@ukr.net*

Первые упоминания о гончарных горнах XIX века найдены в статистически-этнографических исследованиях, которыми занимались губернские земства во второй половине XIX века, осуществляя на территории Украины полевые обследования кустарных промыслов. В них затрагивались вопросы касающиеся гончарства на территории Украины, в частности, производство глиняной посуды и обжигания в гончарных горнах [17; 10]. Особенно активно исследования проводились статистами, историками, этнографами, экономистами, на территории Левобережной Украины, главным образом в Полтавской та Черниговских губерниях в конце XIX века. Первая статья *«Горшечный промысел в с. Шатрищах»* посвященная гончарному промыслу Шатрища Новгород-Северского уезду Черниговской губернии была опубликована 1862 году Петром Маевским в которой исследователь осветил технологию кустарного производства, особенности обжигу глиняных изделий в гончарных горнах их строение [6, с. 89—90]. Плодотворно исследовал гончарный промысел Левобережной Украины Анастасий Зайкевич, который по поручению Комиссии по исследованию кустарных промыслов России изучал вместе со своими помощниками гончарство Полтавской губернии где была собрана информация о гончарстве данного региона, упомянуто строение гончарных горнов и обжиг посуды [9, с. 70—71]. Самая полная информация о горнах XIX века в Полтавской губернии была предоставлена археологом, этнографом, земским и общественным деятелем Иваном Зарецким, в монографии *«Гончарный промысел Полтавской губернии»*, которая вышла печатью

1894 года. На то время ученый зафиксировал в Опошне и ближайших деревнях Миских Млинах, Поповке, Малых Будищах 306 гончаров, из них 288 имели собственные горны для обжига глиняных изделий. Здесь исследователь зафиксировал два типа гончарных горнов — «горшечные» и «мисочные». «Горшечные», имели в плане округлую обжигательную камеру, были характерны для всей территории Украины, предназначались для обжигания разнообразной посуды, кирпича и изразцов. «Мисочные» имели квадратную обжигательную камеру и предназначались для обжига мисок, были известны лишь в Зеньковском уезде, в частности в семи его гончарных центрах: Опошня, Малых Будищах, Лазьках, Глинскому, Миских Млинах, Бильску. Гончарные горны состояли из двух камер верхней посудной или обжигательной «кабицы», которая имела округлую или четырехугольную в плане форму и служила для укладки изделий для обжига и топочную где раскладывался огонь. Обжигательную камеру от топочной разделяла горизонтальная перегородка «под». В горне для обжига мисок «под» всегда проходил сквозь всю плоскость обжиговой камеры, а в горне для обжига горшков мог не доходить до задней стенки печи, образуя отверстия овальной или округлой формы; за величиной они могли быть от 35 см или доходили до половины «пода». С противоположной стороны «пода» делали два круглых или вытянутых отверстия «прогонные дучки», диаметром от 15 до 25 см. По всей поверхности «пода» как в «горшечном», так и в «мисочном» горне делали небольшие отверстия «дучки», которые предназначались для прохождения пламени из топки в обжигательную камеру. В круглых горнах количество «дучек» была от 6 до 36, а в четырехугольных — от 24 до 56, диаметром приблизительно 7—15 см. Топочную камеру на две части разделяла опорная перегородка «козел» который проходил через всю длину нижней части посудной камеры в горнах для обжига мисок. В горнах для обжига горшков опорная перегородка доходила только до отверстия в поде. Для их строительства использовали необожженный кирпич. Иваном Зарецким выделены горны открытого и закрытого типа, которые были хорошо известные в Зеньковском уезде, а полуоткрытого типа в Миргородском и Роменском [2, с. 18—20]. Ценные этнографические, исторические, статистические, экономические сведения о развитии гончарного промысла в Ахтырскому уезде, в частности, описание гончарных горнов содержит публикация Александра Твердохлебова «Гончарный промысел в Ахтырскому езде» (1885). По его утверждению в Ахтырке все горны подобны между собой, различие лишь

в размерах. Строились они преимущественно из кирпича. Состояли из двух камер обжигательной округлой или овальной в плане формы и топочной, которую разделяла опорная перегородка «козел» [16, с. 10—15].

1898 года Николаем Пакульским опубликован труд *«Очерки кустарных промыслов Черниговской губернии»* в котором утверждалось об использовании гончарами двухкамерных гончарных горнов для обжига посуды. Исследователь утверждал, что гончары Городянского уезда (Алешня, Суховерщина, Александровка, Логин) имеют около 130 таких горнов, Королевецкого уезда (Понарница, Верба, Осьмаки) 300 горнов, Новозыбковского уезда (Семеновка) 50 горнов. В других уездах: Борзенском, Глуховском, Конотопском, Глинском, Новгородсеверском, Ниженском, Остермском, Сосницком — насчитывается около 600 горнов. Утверждал о полезности строительства *«общественных горнов не такой безобразной формы, по которой устроены нынешние горны, а больш современной, при чем потребление топлива при этом было бы сильно сэкономлено»* [11, с. 92,93].

1899 года Николай Могильченко в статье *«Гончарство в с. Олешня у Черніговщині»* опубликовал исследование о гончарном промысле Алешни, описал двухкамерные гончарные горны с округлой в плане обжигательной камерой, построенные из кирпича [8, с. 18—20].

После идеального исследования гончарного промысла Полтавской губернии Иваном Зарецким 1900 года Сергей Лисенко опубликовал труд *«Очерки домашних промыслов и ремесел Полтавской губернии»* в которой описал домашние промыслы Лохвицкого и Роменского уезда. В одном из его разделов исследователем подана технология изготовления глиняной посуды и обжиге в гончарных горнах не упомянувши при этом их строение [4, с. 357—360; 5].

Ровно через пять лет Николай Русов опубликовал статью *«Гончарство у селі Опoшні, у Полтавщині»* (1905) посвященную гончарству Опoшне на Полтавщине где этнограф описал горны опoшнянских гончаров [15, с. 41—59]. С 1926 года активные исследования гончарства в Опoшне и окружающих близ деревнях провел Яков Рыженко. Результаты полевых экспедиций отображены в обобщающем труде *«Кустарно-ремісничя промисловість»* (1927) где упомянуто использование гончарных горнов в Глинском та Малых Будищах на Полтавщине [14, с. 266]. Из трудов первой трети XX века невозможно не выделить публикацию Лидии Шульгиной *«Гончарство Бубнівки на Поділлі»* (1929). Это исследование

и до сих пор остается непревзойденным за полнотой фактов о народном гончарстве Подолья. По утверждению Лидии Шульгиной бубнівские гончары используют горны самой примитивной конструкции *«земляного типу без коміна»*, которые строили сами гончары, используя кирпич и глину. Горна состоят из двух камер обжигательной и топочной. На территории гончарного района исследовательница зафиксировала два типа гончарных горнов, для обжига мисок, которое называли *«міщане горно»* и для обжига посуды *«горшкове горно»*. Лидия Шульгина заметила, что за внешним видом они одинаковы, лишь отличаются внутренней конструкцией, хотя не указала, какая именно разница в строении между этими сооружениями [18, с. 138—140].

1959 году в историко-этнографическом исследовании Екатерины Матейко *«Народна кераміка західних областей Української РСР ХІХ—ХХ століття»* исследовательница вспомнила за строение гончарных горнов характерные для всей территории Украины [7, с. 38].

Отдельные упоминания о гончарных горнах Левобережной Украины находим в исследованиях искусствоведов, в частности в диссертации Юрия Лашука *«Українська народна кераміка ХІХ—ХХ століття»*, которая так и осталась не опубликованной [3], в монографии Лесе Данченко *«Народна кераміка Середнього Подніпров'я»*, где отмечено о находках горнов с дымярями, которые встречаются лишь на территории нынешней Кременчучины на Полтавщине [1, с. 56—57]. *«Етнографія українського гончарства (Лівобережна Україна)»* (1993) Олеся Пошивайла построена преимущественно на материалах из Левобережной Украины содержит упоминания о гончарных горнах и обжигание в них глиняных изделий [12, с. 115, 116, 152, 158, 170]. Его же публикация *«Словник народної гончарської термінології Лівобережної України (Гетьманщина)»* включает в себя лексику повязанную с гончарным промыслом и содержит информацию о строении и названиях частей гончарных горнов [13].

Таким образом, опубликованные материалы и архивные источники в которых содержится информация о гончарных горнах выявлены этнографически, дают возможность определить их конструктивные особенности, размеры, ознакомиться с материалом с которого они построены и сделать вывод, что гончарные горны на территории Левобережной Украины были двух типов с округлой в плане формой и четырехугольной.

Список литературы:

1. Данченко Леся. Народна кераміка середнього Придніпров'я. — К.: Мистецтво, 1974. — 190 с.
2. Зарецкий И.А. Гончарный промысел в Полтавской губернии. — Полтава: типо-литография Л. Фришберга, 1894. — 3 нен., II, 126, XXIII, VI, II с.
3. Лашук Ю.П. Українська народна кераміка XIX—XX століття: Дисертація на здобуття наукового ступеня доктора мистецтвознавства. — Львів, 1969 // Національний музей-заповідник українського гончарств в Опішному, Національний архів українського гончарства. — Ф. 1. — Оп. 2. — Од. зб. 16/1.
4. Лисенко С.И. Очерки домашних промыслов и ремесел Полтавской губернии: Промислы Лохвицкого уезда. — Полтава: типо-литография Торгового Дома «Л.Т. Фришберг», 1904. — Вып. 3. — 194 с.
5. Лисенко С.И. Очерки домашних промыслов и ремесел Полтавской губернии: Роменский уезд. — Одесса: Словянская типография Н. Хрисогелос, 1990. — Вып. 2. — 540 с.
6. Маевский Н. Горшечный промысел в с. Шатрицах // Памятная книга Черниговской губернии. — Чернигов: издательство губернского статистического комитета. 1862. — С. 87—90.
7. Матейко К.І. Народна кераміка західних областей Української РСР, 1959. — 140 с.
8. Могильченко М. Гончарство в с. Олешні у Чернігівщини // Матеріали до українсько-руської етнології. — 1899. Т. 1. — С. 53—67.
9. Об исследовании кустарной поромышленности // Отчет Полтавской губернской земской управы за 1880 год. — Полтава: Типография Н. Пигуренко, 1881. — с. 70—71.
10. Отчет и исследования по кустарной промышленности Т. 1 Спб 1892, т. VI. 1900.
11. Пакулский Н.А. Краткие очерки кустарных промыслов Черниговской губернии. — К.: тип. И.И. Горбунова, 1898. — 119, IV с.
12. Пошивайло Олесь Етнографія українського гончарства: Лівобережна Україна. — К.: Молодь, 1993. — 408 с.
13. Пошивайло Олесь Ілюстрований словник гончарської термінології Лівобережної України (Гетьманщина). — Опішне: Українське Народознавство, 1993. — 280 с.
14. Рижено Я.Е. Кустарно-ремісничя промисловість // Полтавщина: Збірник. — Полтава: 1-ша раддрукарня Полтава-поліграф, 1927. — Т. 2. — С. 257—306.
15. Русов М. Гончарство у селі Опішні, у Полтавщині // Матеріали до української етнології. — 1905. — Т. VI. С. 41—59.

16. Твердохлебов А.Д. Гончарный промысел в Ахтырскому езде в 1881 году // Труды комиссии по исследованию кустарных промыслов Харьковской губернии. Харьков: типография Губернского правления, типография окружного штаба, 1885. — с. 1—52.
17. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, т. 1. — СПб, 1879—1886. — С. 31—39, 62—63.
18. Шульгіна Л. Гончарство в с. Бубнівці на Поділлі // Матеріали до етнології. — 1929. Вип. 2. — С. 111—120.

«ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ, ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ»

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

14 ноября 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 26.11.12. Формат бумаги 60х84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,5. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3